

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

8(1) 2022

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8. № 1. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 8. № 1. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

***

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediology, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капцын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKEY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Даренская В. Н., Лугуценко Т. В. Исторические типы социальной коммуникации 5	Darenskaya V. N., Lugutsenko T. V. Historical types of social communication 5
Колесников С. А. Религиозно-культурологическое обоснование географических открытий Нового времени: хождения Христофора Колумба 18	Kolesnikov S. A. Religious and cultural motivation behind geographical discoveries of the New Time: the voyages of Christopher Columbus 18
Мельник С. В. Понятие межрелигиозного диалога в академическом и общественно-политическом пространстве: некоторые актуальные проблемы интерпретации 31	Melnik S. V. The concept of interreligious dialogue in academic and socio-political space: some current problems of interpretation 31
Афанасов Н. Б. Идея автономии в контексте позднего капитализма 42	Afanasov N. B. The idea of autonomy in the context of late capitalism 42
Ананченко А. Б., Никулин Е. Р., Хардикова А. С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация 55	Ananchenko A. B., Nikulin E. R., Khardikova A. S. The specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations and geographical differentiation 55
Ретюнских Л. Т. Детство как объект междисциплинарного исследования 71	Retiunskikh L. T. Childhood as an object of interdisciplinary research 71
Кавацца А. Советские дети в журналистской прозе Джанни Родари 79	Cavazza A. Soviet children in journalistic prose by Gianni Rodari 79
Харченко В. К. «Приключения Чиполлино» Джанни Родари: взрослое прочтение и актуальности сегодняшнего дня 88	Kharchenko V. K. Gianni Rodari "The Adventures of Cipollino": an adult reading and the relevance of today 88
Чумак-Жунь И. И., Ковалева С. В., Саенко М. И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста 98	Chumak-Zhun I. I., Kovalyova S. V., Saenko M. I. Linguopragmatic and linguocultural aspects of a children's folklore text 98
АРХИВ	ARCHIVE
Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России 108	Pokrovskaya T. Yu. Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages of the Black Earth Region of Russia 108

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Синёв А. С. Многообразие рациональностей: философско-практический поворот	118	Sinyov A. S. Diversity of rationalities: a philosophical and practical turn	118
Чикаева Т. А. О понятии Родины (некоторые методологические размышления)	127	Chikaeva T. A. On the concept of homeland (some methodological reflections)	127
Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности	134	Goncharova A. V. Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity	134
Олещенко Е. О., Трунов А. А. Право на модернность: о книге М. Дэвид-Фокса «Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе»	142	Oleshchenko E. O., Trunov A. A. The right to modernity: about the book of M. David-Fox «Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union»	142
Стоянов А. С., Пермякова Е. А. Блогинг ЗОЖ как фактор пищевого программирования студента	148	Stoyanov A. S., Permyakova M. A. Healthy lifestyle blogging as a factor in student nutritional programming	148

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 130.2: 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1

Даренская В. Н.¹,
Лугуценко Т. В.²

Исторические типы социальной коммуникации

¹Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2, Луганск, 91011, ЛНР; vera_darenskaya@mail.ru

²Луганский государственный аграрный университет, городок ЛНАУ, д. 1, Луганск, 91008, ЛНР; telfira@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены исторические типы социальной коммуникации. Реализуя общенаучный принцип историзма, можно определить корреляты этих типов с философскими концепциями диалога. В статье показано, что соотношение майевтического, библейского и антропоцентрического (релятивистского) типов диалога определяет существенные экзистенциально-смысловые параметры социальной коммуникации. Переходы между этими типами являются результатом усилия реализации человеческой свободы. Рассмотрены взаимодополнительные и смешанные типы диалогического общения, определяющие тип социальной коммуникации. Отдельно рассмотрены парадокс концепта «толерантности» и кризис коммуникации в медиа-социуме.

Ключевые слова: социальность; коммуникация; история; толерантность; кризис

Для цитирования: Даренская В.Н., Лугуценко Т.В. Исторические типы социальной коммуникации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 5-17. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1

V. N. Darenskaya¹,
T. V. Lugutsenko²

Historical types of social communication

¹Luhansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., 910011, Luhansk, LPR; vera_darenskaya@mail.ru

²Luhansk State Agrarian University, 1, LNAU Town, 91008, Luhansk, LPR; telfira@yandex.ru

Abstract: The article examines the historical types of social communication. Realizing the general scientific principle of historicism, it is possible to determine the correlates of these types with the philosophical concepts of dialogue. The article shows that the ratio of the mayevtic, biblical and anthropocentric (relativistic) types of dialogue determines the essential existential and semantic parameters of social communication. The transitions between these types are the result of the effort of human freedom. Complementary and mixed types of dialogic communication defining the type of social communication are

considered. The paradoxes of the concept of “tolerance” and the crisis of communication in the media society are considered separately.

Keywords: sociality; communication; history; tolerance; crisis

For citation: Darenskaya V.N., Lugutsenko T.V. (2022), “Historical types of social communication”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 5-17, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-1

Для прояснения философского содержания понятия социальной коммуникации принципиально важным является исследование ее бытийных основ, в контексте которых могут стать явными дальнейшие «напластования» концептуального характера. В то же время в обширной литературе по философии коммуникации исследование ее конкретно-бытийных, а не только философско-концептуальных, оснований до сих пор имеет маргинальный характер. Социальная коммуникация исследуется, прежде всего, как философский концепт, заданный несколькими «классическими» авторами, в то время как коммуникация как способ человеческого бытия, то есть бытийные структуры коммуникации, которые отражают определенный тип цивилизации, как правило, рассматривается лишь в иллюстративном порядке. В определенном смысле такой подход является нормальным, поскольку философский концепт коммуникации является рефлексией и доведением до логически завершенной формы реальных коммуникативных отношений, которые существуют в культуре и переживаются философом в их концентрированном виде. Поэтому предметом философской рефлексии становятся уже не коммуникативные процессы как таковые, а концепт, который их абстрагирует от жизненного контекста.

В то же время нельзя забывать, что ситуация, когда концепт как бы «замещает» свой предмет, есть не более, чем диалектический момент в целостном процессе познания. Будучи абсолютизированным, он приводит к отчуждению, отрыву от реально-жизненного опыта, от непосредственно-предметных интуиций, питающих

философскую рефлексию. В таких ситуациях наступает момент, когда наработанные смыслы философских концептов должны быть временно «вынесены за скобки» для того, чтобы предмет рефлексии вновь выступил в его неокультурном, изначальном модусе. Это не означает, конечно, простого отбрасывания этих содержаний: напротив, видение коммуникации в ее бытийном модусе должно реконструировать, подтвердить, вновь сделать предметом актуального опыта содержание, которое было воплощено, «свернуто» в философских концептах коммуникации. В свою очередь, бытийным основанием коммуникативных процессов является особое межсубъектное отношение, которое обозначается понятием диалог. Коммуникация – это внешняя форма, которая не обязательно выражает подлинные диалогические отношения, но может быть простым обменом информацией. Но именно *бытийное субъект-субъектное отношение является онтологической основой коммуникации*. В свою очередь, содержательное исследование типов социальной коммуникации – это не что иное, как исследование *типов диалога*, которые лежат в их основе. Среди современных исследователей диалогических процессов, которые очерчивали их историческую специфику, важное значение имеют работы В.А. Малахова, в которых концептуализирована «духовная предельность диалогического общения» (Малахов, 2005: 126).

Целью данной статьи является обоснование исторического подхода в анализе коммуникативно-диалогических процессов, что предполагает в качестве основной задачи определение основных историче-

ских типов диалогического бытия. Как показывает рассмотрение классических работ по философии диалога, этот аспект в них почти не затрагивался; задача их авторов состояла лишь в выделении инвариантных сущностных характеристик диалогических отношений, а их конкретно-историческое развертывание обычно рассматривалось лишь в иллюстративном порядке (так, например, М.М. Бахтин писал о «монолизме Нового времени»). Вследствие этого стало возможным сведение различных типов и уровней диалогических отношений к какому-то одному из них, который и выдавался за диалог в собственном значении слова. Такая тенденция просматривается и в современной философской литературе, где концепт «диалога» использовался, как правило, с целью обоснования ценностного и культурного релятивизма – то есть с интенцией, что не имеет ничего общего с классической философией диалога. Основной тенденцией в современных трактовках диалога является абсолютизация антропоцентрического типа диалога при полном или частичном игнорировании всех остальных. Поэтому осознание наличия принципиально разных исторических типов диалога имеет важное методологическое значение, не позволяя укорениться любым формам редукционизма в трактовке диалогических процессов. Следует отметить, что типы, о которых пойдет речь, являются «историческими» типами диалогических отношений только с эмпирической точки зрения, то есть они являются таковыми с точки зрения их развертывания во времени, доминируя в различных исторических типах цивилизации. Но по своей сути эти типы, в первую очередь, представляют разнообразные способы культурного бытия людей, которые исторически не только сменяют друг друга, но и сосуществуют и в рамках одной эпохи, и в рамках одной человеческой жизни.

Понимая «культуру» предельно широко – как воспроизведение специфически человеческого бытия во всех его проявле-

ниях – в контексте исторического становления и дифференциации типов культуры, следует говорить о различных «цивилизациях». Цивилизация в нашем понимании как раз и представляет собой конкретно-предметное и конкретно-процессуальное «тело» культуры, которое имеет историческую эволюцию и типологию. (В то же время нельзя возражать и против иных концепций культуры и цивилизации, но они для этой работы не актуальны.) Цивилизационные типы диалога, будучи «историческими» лишь по форме своего развертывания, по сути, имеют метаисторический – т. е. онтологический характер. Тип диалога зависит от того, каким образом в этой цивилизации понимается человек, какие онтологические «параметры» ему приписываются и в самом деле реализуются в его жизненных функциях и отношениях. На наш взгляд, который обосновывается ниже, в истории цивилизации существовало три принципиально разные онтологии человека и, соответственно, три типа диалогических отношений. (Естественно, что эти типы часто не выступали в своем «чистом» виде, а взаимодействовали, смешивались, создавая вторичные, усложненные формы, или, наоборот, оставались в неразвитом, недоформленном состоянии).

Первый тип, свойственный архаическим стадиям развития цивилизации, в целом определялся пониманием и реально-жизненным освоением мира как неизменного, живого, одушевленного, конкретно-чувственного, но и, вместе с тем, абсолютного, «божественного» прекрасного тела (см.: Лосев, 1992). Здесь нет ничего, что было бы принципиально иным в отношении этого мира, кроме ничто (Хаоса), и даже языческие «боги» – это не более, чем демоны-правители стихий, а главный «Бог богов» – лишь «мировой разум». Следовательно, любое расхождение смысловых горизонтов разных людей в принципе преодолимо в пределах определенного, хотя и высшего, но все равно естественно постижимого, имманентного человеческому уму

смысла. Человеческий разум является частью, хотя и неразвитой, единого «мирового разума»; соответственно, развитие и очищение индивидуального ума приближает его к совершенству мирового разума, в котором все возможные индивидуальные смысловые горизонты «снимаются» и совпадают. Естественно, что этот процесс чрезвычайно труден и связан с превращениями человеческого разума и его смысловых горизонтов до полной неузнаваемости, что было в образной форме отражено в платоновском «мифе о пещере» и многих ему подобных по смыслу притчах и мифах языческой древности. Но для нашей проблемы важно отметить то обстоятельство, что предельное развитие ума (слияние его с мировым разумом) фактически означает и снятие ситуации «диа-логоса». Здесь диалог является лишь необходимой формой движения к единой для всех истине, но исчезает при ее достижении (хотя бы гипотетическом).

Ситуация диалогического движения здесь также имеет три разновидности: 1) когда индивидуальные сознания, которые вступают в диалог, в равной мере далеки от совершенства – тогда возникает «агон», столкновения равных по ценности «точек зрения», «мнений»; 2) отношения учитель – ученик, в которой основополагающей является ситуация иерархичности, разноудаленности от единого для всех смыслового «горизонта». В ней не является важной степень совершенства учителя, важно само наличие дистанции – важно, что учитель, имея больший опыт движения к истине, способен научить если не ей самой, то именно этому движению, пути как таковому. Как разновидность этого типа диалога можно выделить также 3) «сюмпосион» – жанр свободного общения, который, хотя и не преследует никаких специальных целей, но часто оказывается мощным личностно-развивающим и познавательным диалогическим феноменом, классическое изложение которого находим, к примеру, в «Пире» Платона, в «Застольных беседах» Плутарха и др.

Платон создал «повелительный», учебный диалог – диалог, который сравним со своеобразными «родами мысли»: он может быть определен как майевтический тип диалога. В процессе общения тот, кто ведет беседу, сам осуществляет все процедуры, которые способствуют рождению истины в сознании тех, кто подчиняется его стратегии в качестве учеников. Основной смыслообразующей моделью такого диалога является самоотождествление ученика с мыслями и чувствами учителя. Таким образом, здесь ситуация диалога является формой процесса трансформации сознания и ее приобщения к пониманию единой сущностной первоосновы бытия. Предметом преобразований здесь оказываются не материальные процессы, а процессы духовно-душевного становления, «второго рождения» ума. Недопонимание этой архаичной разновидности диалога часто приводит к абберации в результате переноса на архаику представлений о диалоге, сформированных в более поздние эпохи, в рамках других типов цивилизаций. Подобную абберацию можно найти даже у проницательного С.С. Аверинцева. Он, в частности, пишет: «Что такое Платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогичного человека, который не может быть внутренне окликнутым, затронутым и сдвинутым с места словом собеседника, который в пылу спора остается совершенно непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого другого “Я”, а потому в состоянии манипулировать партнерами в разговоре, двигать ими, как вещами, но сам никем не движимый... Греческий мудрец тем совершеннее, чем меньше он нуждается в ком-то другом»; однако, «чтобы быть раскрытым для сущностного диалога, надо как раз не замыкаться на себе, надо искать “источник жизни”, “источник воды живой”... вне себя, в другом, будь этот другой человек или Бог» (Аверинцев, 1996: 22). Но ведь Сократ как раз и обязан быть этим «другим» для собеседника, задавая такие вопросы, которые бы «вытаскивали» его сознание за собственные пределы, сталкивали с чем-то таким, о чем он сам по себе

никогда бы и не подумал. Пусть на уровне словесном это и представляется как «манипулирование», – но именно таково, по сути, «требование жанра». Функциональное амплуа Учителя по отношению к Ученику именно в том и состоит, чтобы обеспечить ему прочную инаковость своего более опытного сознания, старательно «вынося за скобки» все общее в мышлении и усиленно акцентируя разное, что и создает здесь эффект «диа-логоса». Замечание С.С. Аверинцева было бы верным, если бы мы поместили Сократа в контекст принципиально иного (библейского) типа диалога, о котором пойдет речь далее, но в данном случае следовало бы сохранять историческую корректность. Уточним, что пример из философии здесь взят лишь как наиболее репрезентативный относительно специфики «майевтического» типа диалога: в других своих проявлениях этот тип функционирует и во всех других сферах традиционной цивилизации – от ремесла и военного искусства до быта и брачных отношений. Этот тип в своих секуляризованных формах до сих пор остается базовым типом диалога, обеспечивая трансляцию социокультурного опыта.

Второй тип диалогических отношений возникает в результате радикальной трансформации онтологических «параметров» человеческого осуществления, заданных библейским откровением. Здесь бытийное осуществление человека центрировано не на Мир как сущностно-конечное, естественно-данное целое, вне которого ничего нет, но на Творца этого мира, совершенно Иного ему (хотя мир и сохраняет свое значение как естественно данная «тварная» среда). Индивидуальное отношение к Творцу, на которое человек является «обреченным», неся в себе Его образ, коренным образом меняет структуру и происхождение единого смыслового горизонта, в котором разворачивается общение людей. Отныне общий Смысл становится принципиально не имманентным естественному, «мирскому» бытию людей, вследствие чего приближение к нему уже не «снимает», как в язычестве, диалогические отношения, но

наоборот, даже усиливает и обостряет их. Ветхозаветную и новозаветную стадии библейского типа диалогических отношений отличает то, что на первой стадии Бого-человеческие диалогические отношения структурированы как обетование, ожидание и надежда, а на второй – как осуществление в горизонте Последнего суда и Царствия Небесного, еще неизвестного ветхозаветному человеку. Впрочем, при всех сущностных различиях, их объединяет раскрытие Истины в индивидуальной конфигурации конкретной земной человеческой жизни – как диалогическая «окликнутость» (Р. Гвардини) Богом и ответ на нее.

Более того, само человеческое бытие в своем источнике и конечном смысле структурировано сугубо диалогически: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (Бл. Августин) (Августин, 1991: 53). В библейском Откровении происходит сущностная диалогизация человеческого бытия в самом его источнике и конечном назначении – хотя по его внешней форме может возникать и противоположное впечатление (если под «диалогом» понимают только «плюрализм точек зрения»). Однако любые «внешние» средства видения и понимания здесь в принципе неадекватны. Подлинность религиозного опыта – сущностно-диалогического по своей природе – тождественна степени настоящего вовлечения в Бого-человеческие отношения Зова-и-Ответа. «Бог познается в Откровении как в личном общении, – пишет В.Н. Лосский. – Мы не можем не только познавать Бога вне откровения, но и судить об откровении “объективно”, то есть извне. Откровение не означает “внешнего”, оно есть отношение между Богом и миром, внутри которого – хотим мы этого или нет – мы пребываем» (Лосский, 1991: 204).

Непосредственным следствием сущностной диалогизации человеческого бытия становится диалогизация всего мироотношения: мир как тварное бытие выступает отныне в горизонте парадоксального богоприсутствия; а на каждого из людей как

того, кто несет в себе образ и подобие Божие, переносится диалогическая парадигма Бого-человеческих отношений – но, естественно, лишь в той мере, в какой человек действительно осуществляется в горизонте слышания Бога. Если для добиблейского сознания и мироотношения «подлинное бытие» как предельный горизонт познания и жизнедеятельности было имманентно, то теперь ситуация меняется радикальным образом. Отныне предельный горизонт жизни и познания становится актуально-бесконечным, неисчерпаемым, ведь «сердцевиной самой проблемы бытия выступает отношение к неизведанному – тому таинственному и одновременно по-человечески наиболее реальному “иксу”, который, открываясь в практике, не позволяет нашим знаниям око-стенеть» (Малахов, 1986: 21). Этот новый тип познания и практики является одним из непосредственных последствий онтологической диалогизации самой сущности человека, состоявшейся в библейском Откровении. Конечный смысл, цель и модели человеческой практики меняются: отныне простое освоение природной реальности и конституирование социальной среды обитания – уже не самоцель, а лишь форма реализации заповедей во внешне-деятельностном поступке и в молитвенной практике. И все типы практики наполняют свою внешне-объектную форму внутренним субъектным – трансцендентно-диалогическим содержанием.

В то же время нужно отметить, что библейский тип диалогичности – не как новая онтология человека, но как сознательный тип мироотношения – «включается» в практику лишь в предельных ситуациях человеческого самоопределения. Лишь в крайне редких случаях праведности и святости второй тип диалогичности становится абсолютно доминирующим, проникая во все аспекты личностного мироотношения. Однако четкое различение этих типов диалогичности теоретически необходимо для возможности анализа их конкретно-жизненных, чаще всего смешанных форм.

Третий тип диалогизма, который можно определить как релятивно-индивидуалистический, характерен для антропоцентризма Нового и Новейшего времени и возникает вследствие «размывания» христианского мировоззрения. Иногда считается, что именно этот тип диалога, исходящий из «равенства точек зрения», стремится к беспристрастному поиску истины. На самом же деле, ставя главной и высшей своей целью защиту и оправдание индивидуальной мысли, он вместе с тем стремится к «взаимопониманию» и вынужден искать общие смысловые горизонты. Но последовательная атомизация «точек зрения» делает это в конечном итоге невозможным: две высшие цели этого диалога – индивидуализация и понимание – в условиях отсутствия горизонта единой Истины оказываются исключаящими друг друга. В результате не достигается ни одна из этих целей, и только путем взаимной неискренности конструируются ситуативные «общие позиции», которые по-настоящему не устраивают ни одну из сторон такого «диалога». Но это, как правило, не осознается; более того, данный процесс приобретает самодостаточную (по сути – игровую) форму и теоретическую легитимацию в разнообразных «коммуникативных стратегиях». Однако антропоцентрическое мироотношение, которое в конце концов исключает сакральные и трансцендентные измерения бытия, неизбежно оставляет человека в ценностной пустоте. Общность между людьми здесь достигается только на уровне элементарных жизненных эмоций, связанных с устоявшимися социальными моделями поведения и устоявшимися элементами социальной мифологии.

Классики концепции информационного общества (Д. Белл, И. Масуда и др.) обычно видели в нем новую утопию, которая приведет к фундаментальной трансформации общества в сугубо позитивном направлении. Например, И. Масуда писал, что «информационное общество будет гарантировать существование более активных свободных объединений, потому что

люди будут освобождены от забот о питании и получат больше возможностей для реализации ценностей будущего. Становление Компьютопии будет происходить путем перехода от простых кооперативных обществ, в которых немалая часть времени еще тратится на поддержание существования, к динамичным и творчески свободным объединениям. Люди, сплоченные общей целью, создадут новые свободные союзы, именно такие, которые всегда ориентированы на свободную активность и творческое участие каждого» (Масуда, 1993: 44). Конечно, нельзя отрицать конкретных прагматических преимуществ, которые мы получаем с помощью информационных технологий. Однако в другом, гораздо более существенном измерении бытия, связанном с глубинными структурами и содержанием человеческой субъектности, вместо преимуществ мы получаем обратное. Наиболее актуальным сейчас становится анализ того, каким образом информационное общество трансформирует человеческую субъектность. В. Савчук определяет специфику «человека информационной эпохи» следующим образом: «сегментированная, но в то же время прочно сплетенная информационная сеть формирует подобного себе ризоматического пользователя... Блочность информации разбивает соответственно жизнь человека на механически разбираемые фрагменты, в случайном наборе которых трудно восстановить логические или эмоциональные связи... Информационная “болезнь” поражает человека в деперсонализированном пространстве передачи ежедневных новостей, обмена фрагментами содержаний и коммутации всего и вся: проникновение в потребителя происходит без помех. Человек сам становится средой... постоянного круговращения информации. Процесс затягивает, поскольку для извлечения и передачи ее для налаживания коммуникации не требуется ни усилий по переработке информации, ни сопротивления ей (именно напротив, личное восприя-

тие нарушает адекватную передачу и равномерное, бесперебойное сообщение)» (Савчук, 2001: 13).

Сформированный современной техногенной цивилизацией человек является радикально деперсонализированным, он «не должен точно знать, чего же она хочет; ей достаточно лишь интуитивно почувствовать некоторый дискомфорт в связи с нехваткой чего-то, как весь техногенный аппарат обеспечения существования закрутится перед ним во всем богатстве контролируемого выбора, призванного не просто удовлетворить любое действительное желание во всех его нюансах, но и сгенерировать это именно желание, оправдать... его правомерность и “нормальность”»; тем самым, поведение человека в конце концов здесь сводится «к примитивным формам рефлекторного реагирования на различные раздражители, результаты которого известны заранее... такое освобождение на уровне первичных позывов человеческой психики сопровождается установлением опосредованного условиями существования, но от этого еще более твердого контроля над сознанием человека. И репрессивность этого контроля заключена в самой системе потребления, самом дискурсе техногенного универсума... Нарушение личностной идентификации... психологическая примитивность является, таким образом, не просто последствиями, но ключевыми условиями техногенного порядка существования, которые необходимо должны воспроизводиться в массовых масштабах как единственное условие воспроизводства техногенного общества» (Покровский, 2002: 89-90).

Продолжая мысль только что цитированного А.М. Покровского, можно дать и специфическое определение субъекта современного информационного общества как *субъекта с контролируемыми желаниями*, ведь именно первичные желания здесь уже не являются чем-то «естественным» для человека, как это всегда считалось в рамках «классического» философского ума и даже просто здравого смысла, но именно

они являются искусственно создаваемыми извне. Потребности посттрадиционного общества стандартизируют весь мир в один «урбанизированный мегакомплекс». Автор последнего термина А.С. Тимошук пишет: «Пост-культура – это культура нового типа, своего рода провал бытия. Все обнаруживает себя лишь как средство для чего-либо другого. Общение – это игра для успеха в работе. Работа – средство для улучшения финансового положения. Благополучие – средство для респектабельного имиджа. Углубляясь таким образом в этот театр, индивид начинает сомневаться в самих основаниях онтологической действительности чего-либо в мире, подсознательно понимая, что он ищет глубоких, личных отношений. Однако, поскольку объекты, с которыми он стремится установить эти отношения, также рассматривают его самого как объект эксплуатации, человек приходит к разочарованию» (Тимошук, 2007: 302). Как следствие этого, подлинный диалог в современном мире становится неким реликтом – реликтом того состояния, которое было до появления «пост-культуры», а по большому счету – реликтом именно традиционной культуры, в которой существовало пространство абсолютного смысла и открытости всеобщего Логоса бытия, который забывается в индивидуалистической культуре Модерна, деградирующей к «пост-культурному» состоянию.

Вместе с тем, по определению Р. Рорти, современная цивилизация является «дискутирующим обществом» – такое определение он дал в беседе с Э.Ю. Соловьевым (см.: Соловьев, 1997: 99). Однако «цель дискуссии, – как отмечает В.А. Малахов, – опровергнуть, разрушить, разбить мнение оппонента, то есть избавиться от него. Тогда как диалог – всегда и непременно созвучие разных голосов, событие встречи и взаимопризнания разных мнений, разных взглядов, что не столько вытесняют, сколько углубляют и обогащают друг друга. Именно культуры такого диалогического общения остро не хватает сейчас;

можно с уверенностью сказать, что потребность в ней в дальнейшем будет расти» (Малахов, 2011: 3). Отсюда и парадокс, сформулированный Л.В. Стародубцевой: «Тотальная коммуникация разрушает искусство общения, нарушая его содержание и сохраняя лишь его видимость» (Стародубцева, 1992: 271).

Но почему так происходит? Ведь на первый взгляд, должно быть все наоборот: новые средства коммуникации должны повышать ее эффективность и сближать людей. Почему же это только видимость, а на более глубоком уровне происходит нечто противоположное? «Механизм» этого превращения хорошо описан Ж. Бодрияром: «Кодированные сходства и различия – вот как выглядит кибернетизированный общественный обмен... Практически и исторически это означает замену социального контроля через цель... социальным контролем через предсказание, симуляцию, программатическое предубеждение, недетерминированную мутацию, которая, однако, регулируется кодом. Вместо целесообразного процесса, отмечаемого идеальным развитием, существуют генеративные модели. Вместо пророчеств существует лишь изначально “вписанная” программа. Между этими двумя явлениями нет существенной разницы. Меняются – и, следует отметить, фантастически совершенствуются, – только схемы контроля. От производительного капиталистического общества до кибернетического капитализма, ориентированного на этот раз на полнейший контроль, – вот каково изменение... В этом изменении нет ничего недетерминированного: оно является завершением всей истории, в которой один за другим умерли Бог, Человек, прогресс, сама история, освободив место для кода, в котором умерла трансцендентность, освободив место для имманентности, которая соответствует гораздо более высокой стадии головокружительного манипулирования общественными отношениями» (Бодрияр, 2000: 207).

Ж. Бодрияр указывает и на определенную метафизическую подоплеку этого

превращения: «живым, которые хотят быть живыми за счет удаления мертвых, вопреки иллюзорным попыткам ограничить жизнь абсолютной прибавочной стоимостью, отрезая таким образом от него смерть, непоколебимая логика символического обмена восстанавливает эквивалентность жизни и смерти – в виде равнодушной фатальности после-жизни» (Бодрийяр, 2000: 212). Тем самым, метафизический исток опустошения содержания общения и диалога – в устранении трансцендентных смыслов.

«Взрывообразный» характер роста хаотических «потоков информации», которые просто засоряют индивидуальное и коллективное сознание людей, оказывается своеобразной «псевдоморфозой» (О. Шпенглер), лишь отрицательной «компенсацией» потери коммуникацией ее содержательно-диалогической сущности. Этот феномен обусловлен определенными механизмами и закономерностями трансформаций в культуре, которые находят свое выражение на уровне экзистенции современного человека. В частности, в областях техногенных способов коммуникации «сообщение окончательно теряет первозданный смысл, отсылающий к глубине сопереживания, симпатического чувства и сакрального горения. Оно подменяется информацией. Становится дорогим товаром, подаваемым в яркой и удобной упаковке. Тотальная связанность актуального информационного пространства... разрушает память архаическую, опирающуюся на опыт боли, отчаяния, радости, встречи с сакральным» (Савчук, 2001: 13). Это экзистенциальное состояние, которое метафорически точно выражено в строках поэмы Томаса Стернза Элиота «The hollow men» («Полые люди»):

We are the hollow men
We are the stuffed men
Leaning together
Headpiece filled with straw. Alas!
Our dried voices, when
We whisper together
Are quiet and meaningless
As wind in dry grass...

[Мы – пустые люди
Мы – чучела людей
Прислонившиеся друг к другу
Головной убор, набитый соломой.
Увы!
Наши сухие голоса, когда
Мы шепчемся вместе,
Тихи и бессмысленны,
Как ветер в сухой траве...]

В своем экстремальном выражении эта экзистенциальная ситуация даже формирует особый тип людей, которые, хотя и не страдают психическим аутизмом, но все равно становятся полностью закрытыми для реального диалога. Это тип хорошо охарактеризовала известный специалист по японской культуре Т.П. Григорьева: «Есть категория людей, – пишет она, – с которыми в принципе диалог невозможен. Одни запрограммированы на спор, на атаку (при несуществующем противнике или отсутствии предмета спора); они не видят и не слышат другого, их интересуют только собственные рассуждения, они всегда толкуют о своем и вовсе не о том, о чем речь идет. Это одна крайность. Другая – запуганное сознание, скованное страхом перед всякой мыслью, страхом усомниться, заглянуть в себя. Она запрограммирована на бездумье» (Григорьева, 1989: 11).

Однако у этой ситуации есть и обратная сторона – подверженность людей внешней манипуляции именно вследствие их внутренней закрытости и неспособности к подлинному диалогу. Манипуляция становится субститутом диалога, как-то обеспечивая связь человека с внешней коммуникативной реальностью. Как отмечают специалисты в этом вопросе, «поскольку человеческая агрессивность может быть опасной для власти, то ее направляют в поощряемую конкуренцию, борьбу за обретение жизненных позиций, богатства и престижа. Культ соревнования обуславливает враждебность к другим людям. Поэтому западное общество поощряет скрывать такие тенденции, особенно в воспитании детей.

Как следствие, чрезвычайно распространились реакции скрытой агрессивности, когда люди в обычных ситуациях ведут себя излишне любезно, много и без нужды улыбаются... Обратной стороной медали является массовая психопатизация и невротизация общества, когда распространяются фобии, страхи, депрессии, растет количество самоубийств и потребление транквилизаторов и наркотиков» (Фйоріно, 2000: 30).

Область межличностных и общественных отношений, в которой возможны и целесообразны диалогические отношения, всегда имеет определенные качественные границы, которые определяются возможностью применения принципа толерантности. Определения сущности феномена толерантности обычно имеют дескриптивно-императивный характер и не включают в себя специальной рефлексии логической структуры данного концепта. Дескриптивный аспект таких определений заключается в том, что они формулируются в виде систематизации признаков, которые присущи толерантному мышлению и соответствующим ему стратегиям действий. Императивный аспект, исходя из того, что толерантность всегда так или иначе является несовершенной, формулирует принципы трансформирования нетолерантных поведения и мышления в толерантные. Исходной мировоззренческой основой императивов толерантности является презумпция прав человека как свободной личности. Впрочем, при более глубоком логическом анализе этой презумпции мы сталкиваемся с логическим парадоксом. Парадокс заключается в том, что абсолютизация принципа толерантности автоматически приводит к оправданию действий, а также мировоззренческих позиций, которые грубо нарушают права человека и свободу личности. Например, толерантность стран Запада к гитлеризму, имевшая место до 1939 года, стала причиной Второй мировой войны и гибели десятков миллионов людей. Следовательно, с логической точки зрения, прин-

ципальной проблемой определения толерантности является само определение ее границ.

Предел толерантности находится там, где уважение к правам и свободе другого внезапно обращается в попустительство агрессии с его стороны, то есть в разрушении тех же прав и свобод. Обычно считается, что определение этих границ является вопросом сугубо практическим. На самом же деле такой подход приводит к использованию так называемых «двойных стандартов» в определении границ допустимого. Одни и те же действия в одном случае (полезном для того, кто выносит суждение) считаются допустимыми, а в другом – преступными. Следовательно, сугубо прагматичный подход здесь не срабатывает.

Концептуальное решение парадокса толерантности возможно только при условии признания онтологической иерархичности сущности человека, то есть признания того факта, что среди потребностей и ценностей человеческой жизни есть «высшие» и «низшие». А значит, ради сохранения первых можно и надо жертвовать последними. В этом случае принцип толерантности становится не формальным императивом, а содержательным инструментом анализа и оценки тех или иных действий или мировоззренческих ориентаций. Высшим уровнем ценностей и потребностей человека является духовное измерение его бытия, которое реализуется в его религиозной практике и сознании. Далее по иерархии идет ценность земной жизни как таковой, поскольку жизнь является необходимым условием любой самореализации человека, в том числе и самореализации духовной. Третий уровень ценностей и потребностей составляют условия социальной свободы индивида, позволяющие ему развиваться как личности в разных измерениях жизни. Наконец, четвертый уровень ценностей – это ценность имеющихся социальных институтов, благодаря которым поддерживается нормальное функционирование общества. Исходя из этой иерархии,

можно сформулировать простой и эффективный содержательный смысл принципа толерантности: целью толерантности является защита высших бытийных ценностей от разрушения вследствие экспансии ценностей низшего уровня.

Если проанализировать, исходя из сформулированных принципов, каким образом трактуется принцип толерантности в современном глобализованном мире, нельзя не прийти к выводу, что современная «толерантность» фактически заключается в защите определенного социального порядка, созданного западной цивилизацией (то есть ценностей как раз низшего, четвертого уровня) за счет пренебрежения ценностями высших уровней. Ради экспансии этого социального порядка применяется глобальная стратегия «управляемого хаоса», что приводит к войнам, локальным конфликтам и государственным переворотам, а в мировом информационном пространстве царит стратегия «промывания мозгов» и «двойных стандартов», направленных на дискредитацию стран, которые пытаются противостоять глобальному диктату западной цивилизации и защищать собственные ценности.

Внутри самой западной цивилизации и зависимых от нее стран под прикрытием этого откровенно искаженного принципа «толерантности» происходит разрушение базовых жизненных ценностей и мировоззренческих принципов, вследствие чего формируется самый примитивный тип человека – «биосоциальный автомат», то есть гедонист и потребитель, который понимает под словом «свобода» лишь возможность удовлетворения искусственных капризов своей низшей натуры. Этот тип человека, несмотря на свою кажущуюся внешнюю «толерантность», на самом деле абсолютно нетерпим ко всему, что ему в этом мешает. Именно поэтому «современная демократическая идеология, исходящая из благородных принципов плюрализма и терпимости к инакомыслию... попала в ту же ловушку, что и все остальные идеологические схемы,

установив жесточайший социальный контроль над любым проявлением нетолерантности. В результате этого сформировался парадоксальный феномен «нетерпимой гипертолерантности»» (Головаха, Панина, 1994: 36). Возможен ли диалог с такой «нетерпимой гипертолерантностью»?

Теоретически он возможен, но в реальности, как показывает жизненный опыт, фактически нет. Единственным способом защиты базовых жизненных ценностей, разрушаемых современной цивилизацией, является игнорирование этой «нетерпимой гипертолерантности», поскольку диалог с ней невозможен. Но это игнорирование не является бездействующим – напротив, оно заключается в реальном жизненном воплощении высших ценностей в личной жизни в соответствии с определенной религиозной традицией. Соответственно, и субъект, который все-таки возможен и в современном информационном обществе – но лишь потенциально, поскольку для его становления требуется постоянное усилие нашей внутренней свободы – это субъект сознательной свободы от той информации, которая ему не нужна, субъект глубинного общения-как-саморазвития, субъект «культуры внутренней тишины».

Кратко обобщая результаты анализа сформулированной проблемы, можно сделать следующие выводы: 1) исследование исторических типов социальной коммуникации является анализом типов диалогического мироотношения, которое позволяет найти четкие бытийные корреляты с философскими концепциями диалога; 2) соотношение майевтического, библейского и антропоцентрического (релятивистского) типов диалога определяют экзистенциально-смысловые параметры социальной коммуникации; 3) переходы между этими типами коммуникации являются результатом усиления человеческой свободы и предполагают существование взаимодополнительных и смешанных типов диалогического общения. Поэтому реальная социальная коммуникация всегда имеет синкретический характер, однако понять каждую конкретную

коммуникативную ситуацию можно только опираясь на определенную типологию диалога. Один из вариантов такой типологии предложен в данной статье. Понимая типологию в ключе Веберовского понятия «идеального типа», можно усматривать в каждой конкретной коммуникативной ситуации взаимодействие разных типов диалогизма, их динамику и экзистенциальное личностное содержание.

Литература

- Августин Аврелий. Исповедь. М.: Renaissance, 1991. 488 с.
- Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
- Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2011. 392 с.
- Головаха, Е.И., Панина, Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.
- Григорьева, Т.П. Историческая ситуация и диалог / Диалог и коммуникация – философские проблемы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 11-15.
- Лосев, А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А.Ф. Античная эстетика: Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. С. 234-251.
- Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
- Малахов, В.А. Вступне слово // Діалог sub specie ethicae. Киев: ПАРАПАН, 2011. С. 3-11.
- Малахов, В.А. Смысл жизни и нравственное отношение личности к миру. М.: Знание, 1986. 64 с.
- Малахов, В.А. Уязвимость любви. Киев: Дух и Литера, 2005. 560 с.
- Масуда, Й. Комп'ютопія // Філософська і соціологічна думка. 1993. № 6. С. 41-52.
- Покровский, А.Н. Техногенный универсум отчуждения // Вестник национального технического университета «Харьковский политехнический институт». 2002. № 5. С. 89-90.
- Савчук, В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. 288 с.
- Соловьев, Э.Ю. Толерантность как новоевропейская универсалия // Демоны мира и

боги войны. Социальные конфликты в посткоммунистическом мире. Киев: Політична думка, 1997. С. 96-111.

Стародубцева, Л. В пространстве не-общения // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6. СПб.: Эйдос, 1992. С. 262-272.

Тимошук, А.С. Традиционная культура: сущность и существование. Дисс. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 402 с.

Фйоріно, Маріоді. Тоталітарні інституції і «промивання мізків» / пер. з італ. Львів: Свічадо, 2000. 64 с.

References

- Avgustin, Avreliy (1991), *Isповед'* [Confessions], Renaissance, Moscow, Russia (in Russ.).
- Averincev, S. S. (1996), *Ritorika i istoki evropejskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition], Shkola "Jazyki russkoy kul'tury", Moscow, Russia (in Russ.).
- Baudrillard, J. (2011), *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death], Dobrosvet, Moscow, Russia (in Russ.).
- Golovaha, E. I., Panina, N. V. (1994), *Sotsial'noe bezumie: istoriya, teoriya i sovremennaya praktika* [Social madness: history, theory and modern practice], Abris, Kiev, Ukraine (in Russ.).
- Grigor'eva, T. P. (1989), "Historical situation and dialogue", *Dialog i kommunikatsiya – filosofskie problemy (Materialy «kruglogo stola»)* [Dialogue and communication – philosophical problems (Materials of the round table discussion)], *Voprosy filosofii*, 7, 11-15 (in Russ.).
- Losev, A. F. (1992), "Twelve theses on ancient culture", *Antichnaya Estetika: Itogi tysyachel'nogo razvitiya* [Antique aesthetics: Results of the millennial development], *Iskusstvo*, Moscow, Russia, 234-251 (in Russ.).
- Losskiy, V. N. (1991), *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [An essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology], Centr «SJeI», Moscow, Russia (in Russ.).
- Malakhov, V. A. (2011), "Introductory speech", *Dialog sub specie ethicae*, PARAPAN, Kiev, Ukraine, 3-11 (in Ukr.).
- Malakhov, V. A. (1986), *Smysl zhizni i нравstvennoe otnoshenie lichnosti k miru* [The meaning of life and the moral attitude of the individual to the world], *Znanie*, Moscow, Russia (in Russ.).

Malakhov, V. A. (2005), *Uyazvimost' lyubvi* [Vulnerability of love], Duh i Litera, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Masuda, J. "Komp' utopiya", *Filosofs'ka i sotsiologichna dumka* [Philosophical and sociological thought], 6, 41-55 (in Ukr.).

Pokrovskiy, A. N. (2002), "Technogenic universe of alienation", *Vestnik natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta "Khar'kovskij politekhnicheskij institut"* [Bulletin of the National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute"], Kharkiv, 5, 89-90 (in Russ.).

Savchuk, V. (2001), *Konversiya iskusstva* [Conversion of art], Petropolis, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Solov'ev, E. Yu. (1997), "Tolerance as a New European universal", *Demony mira i bogi voyny. Sotsial'nye konflikty v postkommunisticheskom mire* [Demons of peace and gods of war. Social conflicts in the post-communist world], *Politichna dumka*, Kiev, Ukraine, 96-111 (in Russ.).

Starodubtseva, L. (1992), "In the space of non-communication", *Mezhdunarodnye chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury. Vyp. 6* [International readings on the theory, history and philosophy of culture. Iss. 6], Eydos, St. Petersburg, Russia, 262-272 (in Russ.).

Timoshchuk, A. S. (2007), *Traditional culture: essence and existence*, D.Sc. Thesis, Nizhniy Novgorod, Russia (in Russ.).

Fjorino, Mario di (2000), *Totalitarni institutsii "promivannya mizkiv"* [Totalitarian institutions and brainwashing], Translated from Italian, Svichado, L'viv, Ukraine (in Ukr.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБАВТОРАХ:

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2а, 91011, г. Луганск, ЛНР; vera_darenskaya@mail.ru

Лугуценко Татьяна Валентиновна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и политологии, Луганский государственный аграрный университет, городок ЛНАУ, д. 1, 91008, г. Луганск, ЛНР; telfira@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vera N. Darenskaya, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Luhansk State Pedagogical University, 2A Oboronnaya St., 910011, Luhansk, LPR; vera_darenskaya@mail.ru

Tatiana V. Lugutsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Luhansk State Agrarian University, 1, LNAU Town, 91008, Luhansk, LPR; telfira@yandex.ru

УДК 141.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

Колесников С. А.

Религиозно-культурологическое обоснование географических открытий Нового времени: хождения Христофора Колумба

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
г. Белгород, 308024, Россия, *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о религиозно-культурологических основаниях географических открытий Нового времени на примере путешествий Христофора Колумба. В качестве ключевой фигуры представлен Колумб и духовно-религиозная мотивировка его путешествий, которые привели к открытию Нового Света. Религиозно-культурологический подход позволяет по-новому взглянуть на роль иллюзорности в географических представлениях указанного периода, обозначить продуктивную роль воображения в построении географических стратегий открытия мира. Сопоставительный анализ религиозно-культурных принципов политеизма в его разных воплощениях и христианского мировосприятия показывает, на примере Колумба, духовную значимость и продуктивность христианства, дающего всем своим внутренним содержанием импульс расширению познания, в том числе географического освоения пространственного мира. Обращение к историческим документам эпохи путешествий Колумба позволяет увидеть и понять неблагоприятные духовные и моральные последствия политики завоевания новых земель как следствие искажения христианской системы ценностей.

Ключевые слова: религиозная топография; христианство и география; открытия Колумба; культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. Религиозно-культурологическое обоснование географических открытий Нового времени: хождения Христофора Колумба // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 18-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

S. A. Kolesnikov

Religious and cultural motivation behind geographical discoveries of the New Time: the voyages of Christopher Columbus

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71, Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of religious and cultural grounding of geographical discoveries of the New Time on the example of the voyages of Christopher Columbus. Columbus and the spiritual and religious motivation behind his voyages that led to the discovery of the New World are presented as a key figure. The religious and cultural approach allows us to take a new look at the role of illusiveness in the geographical representations of the period, to outline the productive role of imagination in the construction of geographical strategies of world discovery. A comparative analysis of the religious and cultural principles of polytheism in its various incarnations and the Christian worldview

shows, using the example of Columbus, the spiritual significance and productivity of Christianity, which gives all its inner content an impetus to the expansion of knowledge, including the geographical exploration of the spatial world. The historical documents of the era of Columbus's voyages allow us to see and understand the adverse spiritual and moral consequences of the policy of conquest of new lands as a consequence of the distortion of the Christian system of values.

Keywords: religious topography; Christianity and geography; discoveries of Columbus; cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S. A. (2022), "Religious and cultural motivation behind geographical discoveries of the New Time: the voyages of Christopher Columbus", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 18-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

...Только наше поколение, пережившее завоевание воздуха... — мы одни способны в полной мере понять тот пылкий интерес, то бурное ликование, с которым вся Европа наблюдала за внезапным стремительным проникновением Португалии в неведомую даль.

С. Цвейг. Подвиг Магеллана.

Иллюзии и трагедии

Одно из наиболее привычных обвинений в адрес религии со стороны секуляризованной культуры — обвинение в иллюзорности ее картины мира. Тезис «религия — опиум для народа» десятилетиями сопровождал идеологический прессинг религиозности; при этом наркотический морок, который якобы использовала в своих интересах религия, трактовался как абсолютно бесперспективный для расширения, в частности, познаний о мире. Случай Колумба является контраргументом в этой длительной дискуссии, ведь само открытие Америки стало возможным благодаря иллюзорности представлений Колумба о размерах земного шара, о расположении terra firma («твердая земля») и ряда иных иллюзий, которые, тем не менее, привели к поразительному результату (Лебедев, 2002: 6-10).

Вообще иллюзорность в эпоху Великих географических открытий можно рассматривать как один из важнейших и наиболее продуктивных факторов расши-

рения границ цивилизованного мира (Баландин, 2000: 12-18). Иллюзия того, что «мир мал», обоснованная ошибочными вычислениями еще Посидония (рубеж II-I вв. до н. э.), подтолкнула Колумба к решению выплыть в неохватные океанские просторы, которые представлялись не такими уж и неохватными. Ф. Магеллан, исходя из иллюзорной уверенности в существовании на неверно указанных координатах пролива между Атлантическим и Тихим океанами, совершает первое кругосветное путешествие (Хеннинг, 1961, 1: 44). Сама теория беспредельного Мирового океана, восходящая к религиозным представлениям греков о стихии воды, отвергалась Птолемеем и считалась современниками Колумба фикцией, иллюзией. Со временем контекст идеи язычника Птолемея был преодолен христианским географическим опытом, и тогда теория Единого океана начинает обретать более реалистические очертания, хотя, конечно, не освобождаясь полностью от иллюзорных фрагментов. Одной из географических иллюзий, во власти которой находился и Колумб, была теория уравнивания северного материка южным¹. Восприятие мира как воплощения Божественной гармонии требовало географической симметрии в мироустройстве — так рождалась идея поиска южного континента, приведшая к открытию Австралии

¹ Подробнее см.: (Фрадкин, 1974)

голландцами. Парадокс иллюзий эпохи Великих географических открытий как раз и проявляется в том, что иллюзорность как тип мировосприятия, обязанный своим развитием религии, явился источником реальных открытий, реального увеличения географических знаний.

Без культивирования иллюзорности были бы непредставимы мотивации, толкающие людей в смертельно опасные морские путешествия. Показательна легенда о блуждающих Блаженных островах², открытие которых стало целью целого ряда поколений мореплавателей. Истоки этой легенды восходят к первым векам христианства, когда монахи отправлялись искать священную землю, на которой можно было бы обрести спасение. Широко распространенная христианская легенда о святом Брандане³, который был известен именно как открыватель новых островов, стала причиной того, что в течение целых столетий моряки отправлялись на поиски легендарного острова св. Брандана, картографы выводили иллюзорные границы этого острова на своих картах, тем самым задавая импульс к дальнейшим – реальным! – географическим открытиям. Показательно, что в записях Колумба можно встретить упоминания о виденных жителями Канарских островов неких землях, расположенных на западе, находящихся свое отражение в легендах о блуждающем острове Бразил, впоследствии давшем название вполне реальной территории Южной Америки (Путешествия, 1961: 118). Позднее искали загадочный и чудесный остров Бимини, где якобы бьет источник вечной молодости; один из капитанов даже взял патент на открытие этого источника – но была открыта цветущая Флорида (Магидович, 1957: 18). К числу продуктивных иллюзий можно отнести таинственные, то появляющиеся на картах, то исчезающие, Антильские ост-

рова, на которые якобы бежали от мусульман некие архиепископ и епископы, основавшие «Город семи островов» (Beazley, 1897: 234; Babcock, 1922: 72), – и эти острова-миражи в итоге также обрели реальные очертания в современной картографии.

Особое место в истории географических иллюзий занимает своеобразная легенда, повествующая о наличии на Востоке государства, главой которого являлся христианский правитель Жуан Индийский (Магидович, 1957: 67) (в русской транскрипции «царь-поп Иван»)⁴. Именно к этому «царю-попу» отправлялся по поручению португальского короля Жуана II, буквально за пять лет до первого путешествия Колумба, Педро да Ковильян, и результаты этого путешествия за религиозной иллюзией, тем менее, легли в основу триумфального путешествия Васко да Гама. Во имя воплощения этой, казалось бы, иллюзорной идеи на рубеже XIII-XIV вв. было организовано несколько католических миссий в Южную и Восточную Азию: в 1289 г. монах Джованни Монтекорвино доплыл до Южной Индии, в Китай, и в своих письмах рассказал о результатах своей миссионерской деятельности; в 1318-1330 гг. монах Одорико из Порденоне посетил Вьетнам, Китай, Тибет, а в 1339 г. монах Джованни Мариньолли послан папой римским в Китай к великому хану (кстати сказать, именно эту задачу должен был выполнить и Колумб)...

Для самого Колумба иллюзорность его начинаний явилась тем основанием, без которого открытие именно Колумбом Нового Света было бы невозможным. И. Вашингтон писал: «Успеху великого начинания способствовали две счастливые ошибки: предположение о большей протяженности Азии на восток и о малости земного шара» (Вашингтон, 1992: 24). Географические заблуждения парадоксальным об-

² Подробнее см.: (Бирлайн, 1997; Hatt, 1970).

³ Подробнее см.: (Шабанов, 2001; Плавание святого Брандана, 2002).

⁴ Подробнее см.: (Послания, 2004).

разом способствовали расширению подлинных географических знаний – «ирония Бога» превращала иллюзии в импульс к реальным открытиям.

Спецификой иллюзорности первого этапа Нового времени была ее религиозно обусловленная открытость новому. Сам процесс открытия – конечно, у разных мореплавателей по-разному, в силу их индивидуальной «религиозной виртуозности» (Вебер, 1994: 22) – приобретал религиозный контекст служения священному делу раскрытия величия мира как Божьего творения. Иллюзорность Средневековья – пугала, иллюзия Нового времени, напротив, подталкивала к исследованию, к заполнению страшных в своей неизвестности пространств «terra incognita» христианской символикой, преодолевающей прежний страх и дающей надежду на обретение спасительного знания. Воспринятое язычеством из магической культуры наследие страха перед всем, что находится за пределами ареала, подчиненного конкретному языческому божеству, оказывало влияние и на интерес к новым пространствам, точнее, на его уничтожение. Страх преодоления границ закольцованного пространства, видимо, является одной из религиозных причин столь слабого развития географических познаний в Древнем мире. Доминирование в языческом темпоральном восприятии закольцованной цикличности переносилось и на пространственные мироощущения; время и пространство язычества принципиально ограничивали исследовательский интерес замкнутыми пределами, и все, что находилось «по ту сторону» политеистически-сакрального хронотопа, вызывало страх. Показательно, что Э. Бенвенист, этимологизируя индоевропейское числительное *tu* («два»), установил, что оно обозначало не только число, но и понятие, соответствующее глаголу «бояться» (Бенвенист, 1974: 88).

Знаковой иллюстрацией изменившегося под воздействием христианства менталитета могут служить сами карты времен Колумба как документы, фиксирующие

надежду на преобразование Земли неизвестной в Землю святую, обетованную. Например, картограф Хуан де ла Коса около 1500 года зафиксировал данные открытий самого Колумба и тех, кто пошел по его следам. При этом вырисовалась интересная картина новых очертаний двух материковых массивов – северного и южного. Картографу было неизвестно, соединяются ли эти массивы между собой, и он вписал в то место, где можно было предположить их соединение, изображение святого Христофора с Иисусом-младенцем на плечах. Именно это изображение Христа, открывающего новое, видимо, и может служить объяснением той надежды, которую чаяли обрести мореплаватели эпохи Великих географических открытий. Надежда на Христа, зримо, наглядно, иконно воплощаемая в картографии, придает особый религиозный смысл продвижению путешественников Нового времени в реальных пространствах земного шара.

Вообще представление мира в антропоморфных образах весьма характерно для эпохи Великих открытий: мир предстает как живое существо, как, например, на карте XIV в. итальянца Опицина, где «Европейский и Африканский континенты были изображены в виде мужской и женской человеческих фигур, склонившихся головами друг к другу в районе Гибралтара». Позднее, в 1537 г. Иоанн Буций «нарисовал карту Европы в виде человеческой фигуры, голова которой изображала Испанию, а низ фигуры находился на западном побережье Черного моря. Таких карт было в это и более позднее время много...» (Подосинов, 1999: 496-499). Само стремление образно «очеловечить» и «обожить» мир свидетельствует о преодолении страха перед неизвестным пространством. И даже иллюзии, возникающие из недостаточных знаний, теперь не ввергали в шоковый ступор, а, соединяясь в религиозном контексте с надеждой, вели к расширению представлений о мире Божьем, об образе Божьем.

Неслучайным является тот факт, что в личной библиотеке Колумба наиболее читаемой книгой являлась «Imago Mundi» – «Образ мира» французского эрудита, кардинала Пьера д'Айи. Эту книгу, как никакую другую, Колумб многократно перечитывал, оставил на полях множество пометок и замечаний. Книга знаменитого кардинала, рассказывающая о мире как отражении образа Божьего, сопровождала Колумба вплоть до самой смерти. Образ мира, создаваемый с помощью иллюзорности, давал результативный итог, приводящий к подлинно реальным открытиям. Ведь даже для возникновения оптических иллюзий – миражей – требуется реальное основание, изначальный реальный объект, который отражается в разных по плотности слоях воздуха смещенно. То есть, признать мираж и иллюзорность вообще феноменом абсолютно безосновательным довольно сложно.

В жизни самого Колумба иллюзорность занимала весьма значимое место. Во времена Колумба хорошо знали действенность иллюзий еще и как способа управления, и эту психологическую особенность иллюзий Колумб нередко использовал для достижения своих целей. Так, еще в молодости, во время службы у неаполитанского короля, для того, чтобы экипаж его корабля продолжил путь в необходимом ему, Колумбу, направлении, Колумб изменил направление стрелки компаса, тем самым, добившись поставленной цели. Подобную результативность иллюзии он использовал и во время первого, судьбоносного, путешествия: для того, чтобы у изнуренного экипажа не пропадала надежда: Колумб вел двойной отсчет пройденного расстояния. Конечно, у иллюзорной стратегии Колумба имелась и меркантильная составляющая, ведь тем самым он стремился скрыть, защитить свой секрет пути в «Индию» от посторонних. Развивая стратегию иллюзорности, Колумб позднее, после возвращения из второго путешествия, организовал передвижную выставку привезенных диковинок и богатств, создавая иллюзию рентабельности осуществленных путешествий. При

этом искушение использовать иллюзорность в корыстных целях будет расти, и этот путь приведет Колумба к печальным последствиям.

Но пока, на самых первых этапах великого открытия, иллюзорность помогает Колумбу в его провиденциальном путешествии. И, наверное, самым ярким подтверждением результативности иллюзии может служить история поисков рая Колумбом. Поиски земного рая как географическая и теологическая задача издревле являлись одной из наиболее результативных иллюзий. Перечень тех, кто старался дать конкретное географическое положение рая – огромен. Прежде всего, это святые отцы, в чьих комментариях к Священному Писанию находил подтверждение своих планов и Колумб. У Иоанна Златоуста в его «Беседах на книгу Бытия», в трактате «О сотворении мира», у Ефрема Сирина в его «Истолковании книг Библии», а особенно полно у Василия Великого в «Шестоднев» и у Амвросия Медиоланского, предстают среди прочего географические описания расположения рая. Многие положения именно из комментариев святых отцов стали причиной первоначального неприятия проекта Колумба на диспуте в Саламанке в монастыре Св. Стефана, с которого и начинается, собственно, теология путешествия Колумба. Сам Колумб считал, что он продолжает путь тех, кто со времен Моисея искал рай на земле. К поискам рая в океанских просторах подталкивала Колумба ситуация, когда привычные «координаты» рая уже были изучены, и рай там, где он предполагался, – в Месопотамии, Сирии или Армении – не был найден. Теперь пришла очередь искать рай в новых неизведанных землях.

Индия для Колумба представляла, по крайней мере, в начале, как земля, где должен находиться рай. Сама идея открытия рая должна была, по мнению Адмирала, перевесить все неудобства и первоначальную нерентабельность открытых земель. По возвращении из первого путешествия Колумб настаивал: «Правду возвещали святые богословы (teologos) и мудрые философы, –

рай земной находится на рубежах востока, потому что именно там лежит местность с мягчайшим климатом (*lugar temperadissimo*)» (Магидович, 1957: 144). Истово верующий Колумб жаждал открытия рая и во втором путешествии, о ходе которого докладывал, что «места эти наиболее высокие в мире, наиболее близкие к небу, именно здесь лежит земной рай, отсюда текут все воды» (там же). Конкретным местонахождением рая для него становится, например, открытая Куба: «Это прекраснейший остров, какой видели глаза человеческие» (Вашингтон, 1992: 100). Само представление Колумба об открытых землях складывалось возвышенно-религиозное: «На островах живут в золотом веке, не зная трудов, в сплошном саду» (Вашингтон, 1992: 114).

В письме о третьем путешествии тема земного рая становится для Колумба центральной: «Священное Писание свидетельствует, что Господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни, и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира – Гангу в Индии, Тигру и Евфрату <...> которые рассекают горную цепь, образуют Месопотамию и текут в Персию и к Нилу, истоки которого лежат в Эфиопии и который впадает в море близ Александрии. Я не нашел и не могу найти в сочинениях римлян и греков сколько-нибудь определенных указаний на местоположение в этом мире земного рая. Не приходилось видеть его также ни на одной карте мира, составленной на основе авторитетных данных. Некоторые помещают его у истоков Нила в Эфиопии, однако посетившие эти земли не нашли там такого места, которое по климату и по высоте соответствовало бы земному раю, т. е. признаков, которые позволяют заключить, что он находится именно тут, ибо нет в тех краях места, куда бы не доходили воды всемирного потопа, поднявшиеся вверх, и т. д. Некоторые язычники желали доказать путем допущений, что земной рай находится на Счастливых островах, которые ныне называются Канарскими, и т. п. Исидор,

Беда, Страбон, магистр схоластической истории Амвросий, Скотт и все ученые-богословы полагают, что рай земной находится на востоке <...> я верю – именно там находится рай земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения» (Путешествия, 1961: 78). Эта развернутая теолого-географическая цитата позволяет увидеть, каким образом иллюзия поиска земного рая определяет энтузиазм первооткрывателя Нового света. Концепция Колумба, определявшая его проект, представляет сложный симбиоз географических и теологических представлений, однако даже очевидная для современности иллюзорность этого проекта не может опровергнуть его результативности. Даже если Колумб и ошибался, он все-таки открыл Америку!

Его убежденность в собственной правоте, в перспективности того пути, по которому он шел, во многом поддерживалась религиозным порывом. Именно этим можно объяснить «идеологические» обоснования своей позиции, которые мы встречаем в том же письме Колумба о третьем путешествии. Колумб детально рассматривает признаки земного рая, стремясь сделать свой собственный географический проект уподобленным религиозному подвижничеству, превратить его в своеобразное паломничество, причем паломничество, которого никто ранее никогда не совершал, целью которого становится не поклонение известным святыням, а открытие высшей христианской святыни на Земле – рая.

Колумб четко формулирует представление о физическом облике рая: «Я не считаю, что земной рай имеет форму отвесной горы, как это многими описывается; я думаю, что он лежит на вершине, в той части земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину. Я полагаю, что никто не может достичь этой вершины, а оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издалека, текут в места, где я нахожусь, и образуют это озеро

<...>. Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные приметы: ведь мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки» (Путешествия, 1961: 93). Конечно, в основании религиозно-географических экспликаций Колумба лежит и меркантильный расчет, ведь перед ним стояла задача представить в глазах католических величеств свое путешествие как рентабельный проект, рентабельность которого весьма специфического толка, – это проникновение в область сакрального, над-материального, в область, где золото и пряности уже не столь значимы.

Стремление Колумба дать контрастные описания пространств, принадлежащих и не принадлежащих испанской короне, несомненно, имели и политико-экономическую цель. Рассказывая о преимуществах тех земель, которые Колумб присоединил к владениям Испании, и, напротив, очерняя и умаляя достоинства земель, не входящих в испанскую юрисдикцию, Колумб наработывал свой собственный «капитал» в глазах католических величеств. Однако нельзя и отрицать искреннюю веру Колумба в свое собственное провиденциальное предназначение, которое, если и основывалось на иллюзорных предпосылках, принесло вполне реальные результаты. Колумб своими путешествиями доказал, что иллюзии, как географические, так и религиозные, парадоксальным – а точнее промыслительным – образом могут оказаться фундаментом прогресса. Иллюзии порождали мечту, а мечта вела человечество за пределы известного, к новому и манящему.

Раб Божий или раб злата?

Идеализировать Колумба и его время было бы, конечно, неправильным. Иллюзорность вела к свободе, но зачастую приводила и к ее антиподу – рабству. Иллюзорность опасна искушением скатиться в обман, и Колумб не всегда мог преодолеть это искушение. Особенно печальны результаты его путешествий с точки зрения христианского милосердия в годы, последовавшие за первоначальным этапом открытия.

Видимо, одним из самых негативных результатов открытия Колумбом Нового Света стал первый опыт тотального геноцида в отношении туземцев. Здесь мы выходим на очень сложную проблему: новое перестало ощущаться новым, пришло время освоения результатов открытий, и тут-то стали явны те негативные последствия искушения обманом, душевных слабостей, которые изменили многое и в Колумбе, и в стремлениях тех людей, которые пришли в Новый Свет после него. В целом проблема Нового – глубокая культурологическая проблема. Если религиозность вела к открытию, то после открытия наступала стадия освоения открытого, и на этой стадии могли и происходили негативные нравственно-духовные процессы. Как правило, в Новое время за миссионерами шел купец, шел меркантилизм, подминающий под свой прагматизм человеческую свободу.

За первыми открытиями Колумба шло освоение, шел торговый «интерес». Пришедшие за Колумбом португальцы, англичане – это уже купцы, для которых религиозный смысл открытия новых земель был чужд. Да и сам Колумб в своих дальнейших путешествиях выступает уже преимущественно, а подчас и исключительно, как расчетливый торговец, не оглядывающийся на боль и страдания тех, кто попадал в сферу его коммерческих «интересов». Собственно, моментом окончания Открытия можно считать приказ Колумба перейти к освоению новооткрытого острова Испаньола, на котором он сам впоследствии будет закован в кандалы.

Процесс трансформации духовного в материальное, в меркантильность, отчетливо прослеживается в материалах дневника первого путешествия на примере отношения Колумба к золоту. Определение «золотой» постепенно теряет для Колумба сакральный смысл, который он вкладывал в него, говоря о «золотом» веке, в котором живут туземцы, и даже о золоте, на которое можно было бы организовать крестовый поход для освобождения Гроба Господня. Уже в докладе о первом путешествии, к финалу этого доклада, слово «золото» начинает встречаться у Колумба чаще, чем слова «новые земли». Именно золото, а не новые земли, становится главной темой его изысканий, именно о золоте он расспрашивает и даже пытается индейцев, именно языковые нюансы индейских слов «туоб», «каона», означающих золото, волнуют Колумба в финале путешествия больше, чем координаты неизвестных островов (см.: Путешествия, 1961: 161) и далее). Собственно, испанцев не интересует ничего из индейской культуры, кроме золота, именно золото стало главной ценностью, ради которой Колумб идет в дальнейшие морские походы.

Меняется и сам Колумб. Он еще сохраняет стремление видеть в материальном золоте сакральные коннотации, он еще соотносит золото открытой «Индии» с тем золотом царя Соломона, из которого якобы были изготовлены «200 копий и 300 щитов, покрыты спинка его трона» и т. д. Колумб еще стремится найти богословские комментарии к золотой лихорадке, овладевавшей им и его последователями, он настаивает, что открытые им золотые рудники Верагуа и есть золотые рудники Ауреи, о которых «пишет Иосиф в своей хронике *De Antiquitatibus* [О древностях]; о том же говорится и в Книге Царей и в Паралипомоне» (Путешествия, 1961: 461). Однако здесь же он формулирует концептуальный тезис, свидетельствующий о существенных изменениях его системы ценностей: «Золото – это совершенство. Золото создает со-

кровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай» (Путешествия, 1961: 462). Золото приобретало уже не религиозный, а магический характер, отвращало открывателя от реализации религиозно-географического проекта и превращало его в купца, реализующего меркантильный «бизнес-план».

Проект Колумба в итоге оказался необычайно рентабельным: на подготовку первого путешествия испанское королевское казначейство затратило около десяти килограммов золота, а за триста лет своего господства в Новом Свете Испании вывезла оттуда около трех миллионов килограмм золота (Рагунштейн, 2013). Но одержимость золотом отрицательно повлияла на первопроходческие задачи и Колумба, и его последователей. Золото заслонило горизонты открытий.

Отказ от своего предназначения, видимо, и может рассматриваться как одна из причин последующих неудач Колумба. Вообще судьба первооткрывателей, вступивших на путь меркантильного освоения нового, была печальна. С. Цвейг писал об этих судьбах: «Колумб в оковах возвращается в Севилью, Кортес попадает в опалу, Писарро умерщвлен, Нуньес де Бальбоа, открывший Тихий океан, обезглавлен, Камознс, поэт и воин Португалии, подобно своему великому собрату Сервантесу оклеветанный жалкими провинциальными чиновниками, месяцы и годы проводит в тюрьме, немногим отличающейся от выгребной ямы. Чудовищна неблагодарность эпохи великих открытий: нищими и калеками, завшивевшими, бесприютными, дрожащими от лихорадки, бродят по портовым переулкам Кадиса и Севильи те самые солдаты и матросы, которые завоевали для испанских королей сокровищницы инков и драгоценности Монтесумы» (Цвейг, 2010: 38). Но за этой «неблагодарностью эпохи» можно увидеть и providенциальный смысл наказания за забвение своей религиозной миссии. Ведь если с недовольством матро-

сов в первом путешествии Колумб справился именно с помощью веры в необходимость и грандиозность своего призвания, то все последующие бунты, с которыми столкнулся Колумб в последующих путешествиях, уже не были подавлены столь результативно, ведь Колумб утратил самое важное – ощущение своей над-материальной, духовной призванности.

В максимальной степени последствия этой утраты проявились в отношении Колумба к рабству. Несомненно, европейское время Колумба относилось к рабству довольно благосклонно. Например, в родном городе Колумба, в Генуе, в «1463-1465 годах рабы-русские продавались по цене 180-195 лир, болгары – за 144-170 лир, черкесы за 180 лир при средней цене на здорового молодого раба в 170-187 лир. На этом же рынке быков сбывали по 40 лир за голову, породистый же арабский конь стоил 250-300 лир» (Heers, 1961: 56). Необходимо отметить, что работорговля той эпохи имела своеобразный религиозный аспект. Целый ряд глав Ватикана – папы Мартин V, Евгений IV, Николай V, Каликст III – делегировали европейским королям право на открытие новых земель с обязательной христианизацией туземцев. Папа Николай V выдал даже специальную декреталию, благословляющую работорговлю, как способствующую обращению в христианство (Князев, 2019).

В этом ключе становится более понятным отношение Колумба к рабству, причем отчетливо прослеживается динамика его изменения. Если первоначально Колумб ставит перед собой «заботу о душах каннибалов», то позднее для него гораздо более важным, на грани цинизма, становится коммерческая рентабельность работорговли, о чем свидетельствует одно из писем Колумба: «А плата за перевозку взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути – все же не всем им грозит такая участь...» (Хроники, 2000: 117). Показательной является история первых индейцев, привезенных Колумбом в 1493 году в Европу, ко

двору католических величеств. Этим шестерых туземцев с большой помпой, с проведением грандиозных мероприятий окрестили в Барселоне, причем крестными родителями стали сами католические величества – король Фердинанд и королева Изабелла. Планировалось, что новые христиане вернутся в Новый Свет для проповеди христианства, однако никому из них не было суждено выполнить эту миссию: один из индейцев, оставленный при дворе, «первым среди соотечественников попал в рай», т. е. умер; другой во время второго путешествия Колумба, добравшись до родных берегов, сбежал.

И все-таки первоначальный религиозный проект обращения индейцев был направлен на достижение подлинно христианских целей. По мнению И. Вашингтона, Колумб «считал, что чем больше каннибалов будет перевезено в католическую страну, тем больше душ будет спасено» (Вашингтон, 1992: 207). Однако меркантильные интересы, которые все более охватывали Колумба после первого путешествия, приводили к тому, что Адмирал начинает оправдывать свой проект поставками если не золота – которое для него превращалось в идею-фикс, а потому с золотом расставаться не хотелось, – то хотя бы рабами. При этом Колумб начинает проявлять иезуитскую изворотливость: он отказывается крестить индейцев в Новом Свете, чтобы иметь возможность поработать нехристиан, а пересылает их для крещения в Испанию. Так было, когда в 1494 г. Колумб посадил на корабли 500 индейцев и предложил их продать в рабство на территории Испании по более высоким ценам.

Этот откровенно антихристианский поступок не встретил одобрения со стороны католических величеств, и особенно у королевы Изабеллы. Она потребовала, чтобы крещение новообращенных – то есть главная задача Колумба! – осуществлялось сразу же, еще в Новом Свете, а крещеных нельзя было продавать в рабство. В результате большинство индейцев, обращенных в

рабство Колумбом во время третьего путешествия, отправили обратно, при этом их сопровождали шестеро монахов, призванных объяснить суть христианской веры новообращенным во время морского возвращения. Оправдывая свои действия, Колумб писал, приводя как аргумент миссионерский тезис: «Я, в свою очередь, хотя и посылал многих индейцев в Испанию для продажи, всегда имел в виду их наставление в вопросах христианской веры и обучение их цивилизованным ремеслам для последующей отправки их на остров с тем, чтобы они помогали приобщать к цивилизации своих соотечественников» (Вашингтон, 1992: 566). Однако в реальности работорговля набирала обороты.

Культивирование работорговли, на которую пошел Колумб после завершения стадии открытия и начала стадии освоения, перевела его проект из категории проектов, отвечающих требованиям Нового, в разряд проектов «безвозвратно минувшего времени» (Свет, 1973: 158). Самоуверенность, перерастающая в гордыню, и стремление к материальной выгоде выбили Колумба из обоймы первооткрывателей. Он, ставя работорговлю в основание своего плана освоения новых земель, не смог увидеть новых горизонтов изменившегося мира – изменившегося, в первую очередь, благодаря его же открытиям! Колумб стал реализовывать шаблон экспансии, применявшийся двести-триста лет назад его предшественниками.

Но времена изменились, и Адмирал «олицетворял, таким образом, вчерашний день практики освоения заморских земель, тогда как кастильская корона вступила в день завтрашний, в эпоху формирования первых колониальных систем» (Свет, 1974: 158). Бельгийский историк Ш. Верлинден считал, что «Колумб был живым звеном в той цепи факторов исторической преемственности, которая связывала средневековую итальянскую колонизацию с колонизацией нового времени» (Verlinden, 1967: 419). Однако – всего лишь промежуточным

звеном, а не целью, а не ориентиром в открытии Нового, каковым являлся Колумб в период своего первого путешествия. И «цепь факторов» оказалась обращена против самого Колумба: на него, как известно, были буквально наложены кандалные цепи, в которых он, пусть демонстративно и отчасти театрально, прибыл в Испанию в 1500 году (Свет, 1973: 286). Эпоха нового в жизни Колумба завершилась, открытие новых пространств, стремление к освобождению от тесных границ прежнего мира обернулось абсолютной несвободой закованного человека...

Естественно, что рабство, которое несли с собой испанцы в пост-колумбовом периоде, кардинально изменило религиозную картину на новооткрытых землях. Если первоначально индейцы воспринимали испанцев как пришельцев с небес, каждую вещь, полученную от них, наделяли сверхъестественным значением, то уже буквально через несколько лет этот религиозный пиетет сменился противостоянием и враждебностью. Первоначальный благоприятный этап, о котором сам Колумб писал в известном письме Сантахелю и Санчесу: «...благо и твердо стояли на том, что я и мои корабли, и мои люди явились с неба; и они (туземцы) укреплялись в этом убеждении, как только исчезал у них страх перед нами» (Путешествие, 1961: 116), – вскоре, в результате антихристианской политики испанцев, сменился периодом противостояния.

Одной из ошибок испанцев было невнимательное отношение к религиозным взглядам индейцев – Колумба и его последователей больше интересовало золото, нежели верования аборигенов. Кроме того, Колумб из рвения индейцев, помогавших устанавливать кресты на открытых островах, делал легковесный вывод, что обратить их в христианство не составит труда. В то же время «у индейцев имелись свои развернутые религиозные представления» (Вашингтон, 1994, 226), на что испанцы обращать внимание не пожелали. Подобная политика не могла не привести к взрыву. Уже

в 1496 г. индейцы с местным вождем Гварионексом ворвались в часовню, разбили иконы, растоптали их ногами. Причиной стали все те же неблагоприятные поступки испанцев: они силой брали себе женщин-индианок, и это являлось основной причиной противостояния со стороны туземцев. Реакция испанцев, воспитанных в духе жесткой инквизиции, была предсказуемой: за осквернение святынь индейцев сожгли (Вашингтон, 1994: 228). Индейцы впервые столкнулись с религиозным изуверством, и это также определило эскалацию дальнейшего межкультурного и религиозного конфликта. Показательно, что уже через несколько лет один из индейских вождей, Гуаканагари, который всячески поддерживал Колумба и испанцев в целом, «отказался повесить на шею образок Божьей матери» (Вашингтон, 1994: 199), тем самым продемонстрировав религиозную сущность конфликта. Позднее этот вождь был вынужден вообще покинуть своих соотечественников из-за того, что некогда выступал на стороне испанцев, и уйти в горы, чтобы умереть там в одиночестве и отверженности. И это весьма показательный результат, свидетельствующий о переформатировании новизны в проекте Колумба в анти-новизну, в разрушительную стагнацию.

Логичным стал и тот факт, что индейцы-карибы, с которыми Колумб столкнулся во втором путешествии, уже не воспринимали испанцев как посланцев небес и вступили в активную борьбу против испанской экспансии, в том числе и христианизации.

И все-таки первоначальный религиозный порыв Колумба не может быть полностью дискредитирован последующими трагическими событиями. Ведь путешествие Колумба является ярким подтверждением продуктивности христианского мировосприятия, возникшего в Новое время. Его стремление расширить границы христианского мира, вернее, представить весь мир, весь земной шар как единый мир Божий, прочтение мира как единой книги Божьей

заслуживает того, чтобы рассматривать проект Колумба в целом как эпохальное событие, кардинально изменившее миропредставление человечества.

Христианство смогло помочь преодолеть страх нового пространства, страх, который веками останавливал человечество в исследовании географии Земли. Еще несколько десятилетий до Колумба мыс Нан на западном побережье Африки символизировал невозможность – само название означает «нет»! – дальнейшего познания. Страна «Нет», простирающаяся за пределами изведенного, пугала и отталкивала. Но этот страх, благодаря религиозной вере и надежде, воспитываемым христианством, начинает отступать. И тогда к картам Птолемея начинают добавляться *tabula moderna* – новые листы, на которые наносились контуры недавно открытых земель. Книга мира становится явной, «читабельной» для обретающего интерес и мужество открытий человечества.

При этом очень важно, что эпоха географических открытий открывала не только новые земли, но и новое отношение к землям. Путешествие Колумба знаменовало открытие нового – в своей основе религиозного – отношения к планетарным пространствам, определила веху, с которой человечество начало мыслить планетарными масштабами, получило глобальное представление о той планете, на которой оно существует. Христианский правитель, перед чьим взором предстала общая картина земного мира, получил впервые возможность выстраивать геополитические проекты, охватывающие планету в целом. Изменилось представление о пространстве Земли как едином, объединенном и едиными физическими законами, и едиными духовно-нравственными заповедями. Ведь послание католических величеств, которое должен был передать Великому хану Колумб, как раз и являлось одним из первых геополитических проектов, стремящихся осуществить подлинно глобальную политику во все-земном масштабе.

Надо объективно признать: полной меры христианской ответственности за открытое новое Колумб и те, кто продолжил его дело, не выдержали. И в этом тоже – пусть жестокий и трагичный – содержательный урок эпохи Великих географических открытий для современности, урок, показывающий, что проповедь имени Божьего требует огромной духовной работы и душевной стойкости.

Литература

Баландин, Р.К. География: Открытие Земли. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 479 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бирлайн, Дж. Ф. Параллельная мифология. М.: Крон-Пресс, 1997. 392 с.

Вашингтон, И. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков: Око, 1992. 608 с.

Вебер, М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

Князев, С. Золото, слоновая кость и миллионы рабов: как Португалия укрепляла свои позиции в Африке в XV веке // *rt.com*. 8 января 2019. [Online] URL: <https://russian.rt.com/science/article/590382-istoriya-portugaliya-kolonizaciya-bulla> (дата обращения 20.12.2021).

Лебедев, Н.К. Завоевание Земли: Великие географические открытия от Одиссея до Лаперуза. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.

Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: ГУПИ, 1957. 382 с.

Плавание святого Брендана: Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров. СПб.: Азбука-классика, 2002. 314 с.

Подосинов, А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 718 с.

Послания из вымышленного царства / пер. с лат. Н. Горелова, с древнегреч. О. Горшановой, Д. Захаровой, Е. Лагутиной, со старофр. И. Минаева. СПб.: Азбука-классика, 2004. 220 с.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М.: Географиз, 1961. 515 с.

Рагунштейн, А.Г. Сокровища погибших кораблей // *CoolLib.net*. 2013. URL: [https://cool-](https://cool-lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-eyn-sokrovishcha-pogibshih-korabley)

[lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-eyn-sokrovishcha-pogibshih-korabley](https://cool-lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-eyn-sokrovishcha-pogibshih-korabley) (дата обращения 20.12.2021).

Свет, Я.М. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. 368 с.

Фрадкин, Н.Г. Образ Земли. М.: Мысль, 1974. 176 с.

Хеннинг, Р. Неведомые земли: В 4 т. М.: Иностранная литература, 1961-1963.

Хроники открытия Америки / пер. с испанского. М.: Академический проект. Кн. 1., 2000. 490 с.

Цвейг, С. Подвиг Магеллана: Человек и его деяние. Америкго: Повесть об одной исторической ошибке. М.: АСТ, 2010. 380 с.

Шабанов, А., прот. Святой Брендан Мореплаватель. Тверь: Миссия, 2001. 286 с.

Babcock, W.H. *Legendary Islands of the Atlantic: A Study in Medieval Geography*, American Geographical Society, New York, 1922.

Beazley, C.R. *The dawn of modern geography: a history of exploration and geographical science* (1897: vol. 1). H. Frowde, 1897.

Hatt, J.J. *Celtes et Gallo-Romains*. Paris-Munich: Les editions nagel Geneve, 1970.

Heers, J. *Genes au XV siecle*. S. E. V. P. E. N. École, Paris. 1961.

Verlinden, Ch., Perez Embid, F. *Cristobal Colon y descubrimiento de America*. Madrid – Mexico, 1967.

References

Babcock, W. H. (1922), *Legendary Islands of the Atlantic: A Study in Medieval Geography*, American Geographical Society, New York.

Balandin, R. K. (2000), *Geografiya: Otkrytie Zemli* [Geography: The Discovery of the Earth], OLMA-PRESS, Moscow, Russia (in Russ.)

Beazley, C. R. (1897), *The dawn of modern geography: a history of exploration and geographical science*, H. Frowde.

Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], Progress, Moscow, Russia (in Russ.)

Bierlein, J. F. (1997), *Parallel'naya mifologiya* [Parallel myths], Kron-Press, Moscow, Russia (in Russ.)

Fradkin, N. G. (1974), *Obraz Zemli* [The Image of the Earth], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.)

Hatt, J. J. (1970) *Celtes et Gallo-Romains* [Celts and Gallo-Romans], Editions nagel Geneve, Paris-Munich (in French).

Heers, J. (1961) *Genes au XV siècle*, [Genoa in the 15th century], S.E.V.P.E.N. École, Paris (in French).

Henning, R. (1961-1963), *Nevedomye zemli* [Unknown Lands], in 4 volumes, Inostrannaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Khroniki otkrytiya Ameriki [Chronicles of the discovery of America] (2000), Akademicheskyy proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Knyazev, S. (2019), *Zoloto, slonovaya kost' i milliony rabov: kak Portugaliya ukrepilya svoi pozitsii v Afrike v XV veke* [Gold, ivory and millions of slaves: how Portugal strengthened its position in Africa in the 15th century], 08.01.2019, [Online], URL: <https://russian.rt.com/science/article/590382-istoriya-portugaliya-kolonizatsiya-bulla> (in Russ.) (Accessed 20 December 2021).

Lebedev, N. K. (2002), *Zavoevanie Zemli: Velikie geograficheskie otkrytiya ot Odissey do Laperuza* [The Conquest of the Earth: Great geogr. discoveries from Odyssey to La Perouse], Centrpoligraf, Moscow, Russia (in Russ.).

Magidovich, I. P. (1957), *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij* [Essays on the history of geographical discoveries], GUPI, Moscow, Russia (in Russ.).

Plavanie svyatogo Brendana: Srednevekovye predaniya o puteshestviyah, vechnyh strannikah i poyavlenii obitatelej inyh mirov [The Voyage of St. Brendan: Medieval legends about travels, eternal wanderers and the appearance of inhabitants of other worlds] (2002), Azbuka-klassika, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Podosinov, A. V. (1999), *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation by the countries of the world in the archaic cultures of Eurasia], Yazyki russkoj kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Poslaniya iz vymyshlennogo carstva [Messages from a fictional kingdom] (2004), Azbuka, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Puteshestviya Hristofora Kolumba. Dnevnik, pisma, dokumenty [Voyages of Christopher Columbus. Diaries, letters, documents] (1961), Geografiz, Moscow, Russia (in Russ.).

Ragunshitejn, A. G. (2013), *Sokrovishcha pogibshikh korabley* [Treasures of the lost ships],

[Online], URL: <https://coollib.com/b/255925-ar-seniy-grigorevich-ragunshitejn-sokrovishcha-pogibshikh-korabley> (in Russ.) (Accessed 20 December 2021).

Shabanov, A. (2001), *Svyatoj Brendan Moreplavatel* [Saint Brendan the Navigator], Missia, Tver, Russia (in Russ.).

Svet, Y. M. (1973), *Kolumb* [Columbus], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Verlinden, Ch., Perez Embid, F. (1967) *Cristobal Colon y descubrimiento de America*, [Christopher Columbus and the discovery of America], Ediciones Rialp, Madrid-Mexico (in Spanish).

Washington, I. (1992), *Zhizn i puteshestviya Hristofora Kolumba* [The life and travels of Christopher Columbus], Oko, Kharkov, Ukraine (in Russ.).

Weber, M. (1994), *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society], Yurist, Moscow, Russia (in Russ.).

Zweig, S. (2010), *Podvig Magellana: Che-lovek i ego deyanie. Amerigo: Povest' ob odnoj istoricheskoy oshibke* [Magellan's feat: Man and his deed. Amerigo: A story about a historical mistake], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

УДК 26.009

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3

Мельник С. В.

**Понятие межрелигиозного диалога в академическом
и общественно-политическом пространстве:
некоторые актуальные проблемы интерпретации**

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр., д. 51/21,
г. Москва, 117997, Российская Федерация; melnik.s.vl@yandex.ru

Аннотация. Специалисты солидарны в том, что термин «межрелигиозный диалог» является многозначным, может пониматься очень по-разному, и это зачастую приводит к путанице. Целью статьи является прояснение понятия межрелигиозного диалога и выявление основных способов его интерпретации. Автор, на основании собственного опыта изучения проблем межрелигиозного диалога и участия в его практической реализации, выявляет несколько наиболее проблемных аспектов в понимании межрелигиозного диалога, которые порождают двусмысленность и неопределенность. Во-первых, возможно понимание диалога как исключительно «позитивной» коммуникации либо же любой формы отношений; в последнем случае к межрелигиозному диалогу можно отнести споры об истинности религий (полемический диалог). Вторым выделенным источником недоразумений является интерпретация межрелигиозного диалога либо как сравнения мировоззрений разных религий (когнитивный диалог), либо как способа выстраивания отношений между верующими людьми, носителями этих мировоззрений (миротворческий/партнерский диалог). В-третьих, анализируется специфическое понимание межрелигиозного диалога как средства «взаимного обогащения», которое встречается у католических исследователей («диалог духовности»).

Ключевые слова: межрелигиозный диалог; межрелигиозные отношения; понятие диалога; дефиниция диалога; классификация диалогов; религиозное миротворчество; религиозное сотрудничество; сравнительные исследования

Для цитирования: Мельник С. В. Понятие межрелигиозного диалога в академическом и общественно-политическом пространстве: некоторые актуальные проблемы интерпретации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 31-41. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3

S. V. Melnik

**The concept of interreligious dialogue in academic
and socio-political space: some current problems of interpretation**

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, 51/21
Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; melnik.s.vl@yandex.ru

Abstract. Experts agree that the term "interreligious dialogue" is ambiguous and can be understood in very different ways, which often leads to confusion. The purpose of the article is to clarify the concept of interreligious dialogue and identify the main ways of its

interpretation. The author, based on his own experience of studying the problems of interreligious dialogue and participation in its practical implementation, identifies several of the most problematic aspects in the understanding of interreligious dialogue, which often generate ambiguity and uncertainty. First, it is possible to understand dialogue as either exclusively "positive" communication or any form of relationship; in the latter case, interreligious dialogue may include disputes about the truth of religions (polemical dialogue). The second source of misunderstanding is the interpretation of interreligious dialogue either as a comparison of the worldviews of different religions (cognitive dialogue), or as a way of building relationships between believers, carriers of these worldviews (peacemaking/partnership dialogue). Third, we analyze the specific understanding of interreligious dialogue as a means of "mutual enrichment" found in Catholic scholars ("dialogue of spirituality").

Keywords: interreligious dialogue; concept of dialogue; definition of dialogue; classification of dialogues; interreligious peacemaking; interreligious cooperation; comparative studies

For citation: Melnik S. V. (2022), "The concept of interreligious dialogue in academic and socio-political space: some current problems of interpretation", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 31-41, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-3

Введение. Межрелигиозный диалог как научная проблема

Автор статьи на протяжении последних десяти лет активно занимается проблемами, связанными с межрелигиозным диалогом, как теоретически, в качестве исследователя, так и практически. В частности, мной была разработана классификация типов межрелигиозного диалога, нашедшая отражение в ряде публикаций и монографии (см.: Мельник, 2022; Мельник, 2020). На протяжении шести лет я работал в секретариате ведущей межрелигиозной организации нашей страны – Межрелигиозном совете России, а также в течение более четырех лет – в Секретариате по межрелигиозным отношениям Отдела внешних церковных связей (ОВЦС). Изучение специализированной литературы и участие в разнообразных научных и общественных мероприятиях снова и снова демонстрировали, что понятие «межрелигиозный диалог» интерпретируется очень по-разному, и это зачастую приводит к путанице. В связи с этим актуальной научно-практической задачей представляется прояснение термина межрелигиозного диалога и анализ разных способов его понимания.

Следует отметить, что мнение о наличии многих трудностей, связанных с пониманием межрелигиозного диалога, является общим местом среди ученых. Например, Т. Мерриган характеризует межрелигиозный диалог как неоднозначный (ambiguous) термин, который «все используют, но никто не может объяснить, что это такое» (Merrigan, 2017: 2). Признавая полисемантическую природу понятия «межрелигиозный диалог», К. Корнилл указывает на множество форм, в которых может выражаться сам феномен: «термин “межрелигиозный диалог” используется для обозначения широкого спектра отношений между религиями – от повседневных контактов между простыми верующими, живущими по соседству, до специально организованных дискуссий между экспертами, от отдельных и нерегулярных обменов мнениями между духовными лидерами по конкретным проблемам до межрелигиозного активизма, направленного на решение социальных проблем. Цели межрелигиозного диалога также могут существенно отличаться: от мирного сосуществования до социальных изменений, от налаживания взаимопонимания до собственного духовного развития»

(Cornille, 2013b: XII). Подобную оценку сложности явления межрелигиозного диалога высказывают и другие видные западные ученые (см. напр.: Moeyaert, 2013: 201-212). Российский специалист В.К. Шохин констатирует: «И в понимании семантики “диалога религий”, и в осмыслении его задач царят неопределенность и неясность» (Шохин, 1997: 281-295).

Цель данной статьи – попытаться распутать существующий клубок противоречий, двусмысленности, недоразумений, связанных с понятием межрелигиозного диалога. А начать хотелось бы с прояснения этимологии этого термина.

1. Этимология

Как известно, слово «диалог» имеет греческое происхождение (от «логос», λόγος – букв. «слово», «речь»). М. Мойерт обращает внимание, что существует ошибочное мнение, что в состав этого понятия входит числительное «два» (δι, δύο), тогда как на самом деле здесь стоит приставка διá-, которая означает «через», «сквозь» (как в словах «диаметр»; «диаграмма», «диагноз»; то есть «диа-лог» – значит букв. «через-речь»). В связи с этим употребление таких понятий, как «трилог» или «полилог», которые подчеркивают участие в коммуникации трех и более сторон, с этимологической точки зрения, излишне (см.: Moeyaert, 2013: 205).

Также следует отметить, что в западных странах для обозначения различных течений или деноминаций внутри христианства (католицизм, православие, лютеранство, кальвинизм и пр.) часто использовали понятие «конфессия» (от лат. Confessio – «исповедание»). Однако в современном словоупотреблении «конфессия» нередко отождествляется с понятием «религия». Обозначение межконфессиональных отношений как межрелигиозных регулярно используется в официальных поздравлениях представителей государственной власти с религиозными праздниками и вообще вошло в широкий оборот, в том числе в СМИ, в названия конференций, а также в российскую исследовательскую литературу.

Однако в соответствии с некоторыми подходами термины «межконфессиональный» и «межрелигиозный» предлагается различать. В России в 2018 году был утвержден профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений». Изначально этот документ планировалось принять под заглавием «Специалист в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений». Свои замечания к проекту документа высказывал Межрелигиозный совет России (МСР). В 2015 году в письме (от 12.02.15) за подписью члена Президиума МСР протоиерея Всеволода Чаплина был представлен ряд замечаний МСР к стандарту, в числе которых было пожелание отказаться от слова «межконфессиональный» и использовать термин «межрелигиозный» по обозначенной в предыдущем абзаце причине (то есть, что конфессии – это течения внутри одной религии).

Некоторые эксперты отмечали, что слово «межрелигиозный» (по-английски «inter-religious») по своему буквальному смыслу означает то, что происходит «между» религиями и при этом как будто бы не затрагивает их суть. По их мнению, верующие люди в диалоге полностью сохраняют свою религиозную идентичность и мотивации. Это привело к замене в некоторых случаях слова «межрелигиозный» на «мультирелигиозный». Например, международная организация «Религии за мир» (Religions for peace), являющаяся одной из крупнейших, именуется как «мультирелигиозная коалиция» (multi-religious coalition). То есть нередко вместо привычного слова «межрелигиозный» употребляется «мультирелигиозный»: Мультирелигиозный гуманитарный фонд (Multi-religious Humanitarian Fund), Мультирелигиозный совет лидеров (Multi-religious Council of Leaders), мультирелигиозная молитва (multi-religious prayer).

Обозначенные предварительные замечания, связанные с этимологией, не так важны в контексте рассматриваемой в ста-

ть проблемы, как существующие различные интерпретации термина «межрелигиозный диалог», которые будут рассмотрены ниже.

2. «Позитивная» коммуникация и «полеми́ческий межрелигиозный диалог»

Тенденция в интерпретации понятия «диалог», имевшая место в прошлом веке и сформировавшая его восприятие массовым сознанием, заключается в том, что данное понятие приобрело устойчивую «позитивную» окраску: «Диалог – это не всегда согласие, но всегда поиск согласия» (Диалог, 1991: 5), «Цивилизованные люди решают свои проблемы путем диалога» (Мельник, 2017: 62-63). Некоторые специалисты предлагают использовать более широкий лексикон при описании возможных форм коммуникации между религиями. В частности, специалист П. Мойзес предлагает следующую «шкалу» для определения характера межрелигиозных отношений: «война, антагонизм, индифферентность, переговоры, диалог, сотрудничество, единение» (Mojzes, 1990: 1-24), причем именно с диалога, по его мнению, начинается конструктивная коммуникация. К. Корнилл завершает приведенную выше цитату с описанием разных форм межрелигиозного диалога замечанием, что «общим в них является то, что это взаимодействие носит “позитивный” (positive), “созидательный” (constructive) характер» (Cornille, 2013b: XII).

Итак, само понятие «диалог» в современном словоупотреблении зачастую рассматривается как коммуникация, имеющая так или иначе понимаемый конструктивный характер. В этом случае способ взаимодействия верующих, в рамках которого имеют место споры об истине, стремление показать преимущества своей религии, выносятся за скобки, так как, якобы, не могут называться «диалогом». В качестве аргумента, свидетельствующего о неправомерности такого подхода, можно привести известное сочинение Иустина Мученика (II век) «Диалог с Трифоном Иудеем» (Πρός

Τρύφωνα Ιουδαίου διάλογος). В данном случае святой Иустин, известный своими апологетическими произведениями, словом «диалог» обозначает полемическую беседу между иудеем и христианином, в которой последний посредством спора отстаивает истинность и превосходство своей религии. В рамках такой имевшей широкое распространение на протяжении многих веков и нередко встречающейся сегодня «классической» модели межрелигиозного диалога, которая предполагает спор, дебаты, ни о каком «позитивном» взаимодействии говорить не приходится. Такое понимание этого понятия восходит к диалогам Сократа, в которых собеседники спорили и пытались выяснить истину, то есть оно имеет свои глубокие основания в европейской философской и интеллектуальной культуре. Иными словами, взаимодействие, предлагающее споры верующих, вполне правомерно охарактеризовать термином «полеми́ческий межрелигиозный диалог».

В сентябре 1893 года в Чикаго (США) прошел Всемирный парламент религий (The World's Parliament of Religions). Это мероприятие исследователи считают точкой отсчета современного этапа межрелигиозного диалога. На Всемирном парламенте религий были декларированы цели, которые актуальны для межрелигиозного диалога и сегодня: укрепление мира, братство, стремление узнавать друг друга и совместно отвечать на общие вызовы. То есть была предложена модель взаимодействия религий, которая состоит в отказе от полемики, в стремлении выстраивать позитивные отношения, что и считается главной характеристикой так называемого современного этапа межрелигиозного диалога.

Для верующих людей «полеми́ческий» аспект межрелигиозных отношений, связанный с экзистенциальными вопросами истинности и спасительности своей религии, продолжает оставаться релевантным. Хотя в ходе контактов официальных представителей религиозных общин эта проблематика, как правило, не затрагивается, однако среди рядовых верующих она

весьма распространена. Например, в столице Кении Найроби, где совместно проживают христиане и мусульмане, в районе Истли имеет место феномен так называемых «уличных дебатов» (Rink, 2018: 1232). Также распространённость полемического межрелигиозного диалога заметна благодаря интернету, который предоставил людям невидные ранее возможности коммуникации. Существует множество видеозаписей специально организованных межрелигиозных полемических встреч, которые набирают сотни тысяч просмотров и большое количество эмоциональных комментариев. Например, дебаты между христианином, главой христианской апологетической организации (Alpha & Omega Ministries) доктором Дж. Вайтом и президентом Исламского общества Центральной Флориды имамом Мухаммадом Мусри, прошедшие 21 марта 2015 года в Реформаторской теологической семинарии в Орландо (США), набрали более миллиона просмотров в YouTube. Одной из основных обсуждавшихся в рамках дискуссии тем был вопрос о том, Библию или Коран следует считать словом Божиим. Записи межрелигиозных конференций с участием официальных лиц (где обсуждаются темы мирного сосуществования последователей разных религий и их позитивное влияние на общество) также иногда выкладываются в интернет. Но собирают они в сотни, в тысячи раз меньше просмотров, чем полемические межрелигиозные встречи, что демонстрирует реальный интерес верующих к разным типам диалога.

Итак, выносить полемический аспект межрелигиозных отношений за скобки, когда мы говорим о современном этапе межрелигиозного диалога, как будто он сегодня не имеет значения, представляется неправильным. Действительно, на официальном уровне полемический межрелигиозный диалог почти не встречается, однако он широко распространён. Понимание межрелигиозного диалога только как «позитивной» коммуникации между верующими имеет свои основания в современной истории

межрелигиозных отношений, однако является лишь одним из способов интерпретации этого термина и не отражает все возможные способы взаимодействия между верующими, имеющие место сегодня.

3. Сравнительное изучение или сотрудничество верующих: когнитивный и миротворческий/партнерский виды межрелигиозного диалога

Когда мы характеризуем межрелигиозный диалог в целом, важно различать, о чем мы говорим – о сопоставлении мировоззрений разных религий или об отношениях верующих людей, носителей этих мировоззрений.

В конце XIX века на Западе возникла дисциплина сравнительного изучения религий («наука о религии»), одним из основоположников которой был Макс Мюллер. Межрелигиозный диалог в этом контексте мог пониматься как сравнительное изучение религий. Способ коммуникации, в центре которого находится задача понимания, познания другой религии в контексте собственных религиозных убеждений, можно обозначить как когнитивный межрелигиозный диалог. Например, большое внимание такому диалогу, в том числе с индуизмом, уделяли католические богословы, среди них Р. Паниккар и Анри Ло Се (Свами Абхишиктананда) (см.: Демченко, 2008).

Как справедливо отмечает К. Лехманн, с конца 1960-х годов заметна тенденция резкого роста социального активизма участников межрелигиозного диалога. Акторы межрелигиозного диалога, по его мнению, фактически стали общественными деятелями, которые стремились к тому, чтобы религия играла существенную роль в социальных процессах (см.: Lehmann, 2021: 353-369). Одним из самых значимых событий, ознаменовавших развитие такого направления межрелигиозных отношений на международном уровне, является Всемирная конференция религии и мира (World Conference on Religion and Peace), которая состоялась в Киото (Япония) в 1970 году.

Примечательно, что в названном мероприятии приняла участия и представительная делегация религиозных лидеров из СССР. Дж.О. Гуиноварт-Педесколл приводит размышления организаторов конференции, которые видели цель мероприятия в том, чтобы не только политические, но и религиозные деятели были вовлечены в миротворчество на местном, национальном и международном уровнях. Также примечателен проведенный им анализ выступлений участников киотской конференции, который показал, что самыми употребляемыми спикерами словами были «страх», «война» и «ядерная энергия» (Guinovart-Pedescoll, 2021: 203-232). Такой тип отношений, когда главной задачей выступает не стремление исследовать другую религию, а сделать отношения между верующими и между всеми людьми в целом более гармоничными, можно обозначить как миротворческий межрелигиозный диалог.

По мере интенсификации миротворческого диалога участники все более признавали, что они могут не ограничиваться задачей укрепления согласия, но развивать сотрудничество в различных социальных сферах (справедливость, равноправие, поддержка нуждающихся людей, интеграция мигрантов, утверждение традиционных ценностей, защита окружающей среды и пр.). Этот способ отношений, выражающийся в сотрудничестве верующих, можно обозначить как партнерский межрелигиозный диалог. Суть такого взаимодействия П. Книттер описал следующим образом: «диалог начинается не со взгляда внутрь (*within*) религий, а скорее со взгляда за (*beyond*) них, на огонь человеческого и планетарного страдания, который жжет все вокруг нас» (см.: Knitter, 1995: 80). В данном подходе верующим предлагается отвлечься от догматических вопросов, различных проблем компаративного исследования религий (взгляд «внутри» религий), а сконцентрироваться на совместной работе во имя преодоления страдания, с которым сталкиваются все люди.

В качестве примера недоразумений, связанных с рассмотренными способами понимания межрелигиозного диалога, приведем две показательные цитаты. Российский исследователь А.В. Журавский, специализирующийся на диалоге христианства и ислама, заявляет: «Диалог – это встреча, духовная беседа, но это также ни в коем случае не дипломатическая встреча и не беседа с целью договориться или о чем-то условиться. Иначе, диалог – это ни в коем случае не компромисс и не конформизм, в диалоге мы не должны стремиться прийти к единому мнению. Диалог, таким образом, должен быть живым и личностным общением между “Я” и “Ты”, а не между “Я” и “Он”. Но для того, чтобы подобное общение стало возможным, необходима готовность узнать и понять другого» (Журавский, 2006). В сентябре 2005 года состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с главой исламской общины Азербайджана, Председателем Духовного управления мусульман (ДУМ) Кавказа шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде. В декларации говорится: «Эффективным ответом на вызовы времени становится межрелигиозный диалог представителей различных вероисповеданий. Он позволяет развенчивать мифы о наших религиях, совместно противостоять воинствующему секуляризму, псевдодуховности, человеческим порокам, отрыву общества от своих духовных и культурных корней... Мы благодарны правительствам наших стран за поддержку межрелигиозных инициатив и выражаем надежду, что следующий год позволит достичь серьезных сдвигов в диалоге между традиционными религиями, цель которого – достижение мира между людьми, народами, цивилизациями» (Совместная декларация, 2005). То есть, здесь мы видим разные интерпретации межрелигиозного диалога: как изучения других религий и как выстраивание конструктивных отношений между религиозными общинами.

Автору приходилось слышать мнение, что взаимодействие последователей

разных религий в решении социальных вопросов нельзя называть «межрелигиозным» диалогом, так как собственно религиозные, богословские вопросы не обсуждаются, поэтому такой способ коммуникации можно обозначить, например, как «политический диалог». Однако важно учитывать, что участники миротворческого или партнерского диалога вступают в него именно как люди верующие, то есть они руководствуются религиозной мотивацией и сохраняют свою религиозную идентичность. В XX веке получает распространение представление о том, что верующие должны заниматься не только своим внутренним миром, нравственным самосовершенствованием, но иметь «социальную» совесть, интересоваться общественной жизнью, трудиться во имя благополучия всех людей. Общественное служение, борьба за справедливость, искоренение бедности и различных форм угнетения могут рассматриваться как богоугодная деятельность, религиозный долг верующего человека. Эти взгляды нашли отражение в зародившейся в 70–80-е годы XX века в странах Латинской Америки и ставшей весьма популярной в католицизме концепции «теологии освобождения». Социальные проблемы, находящиеся в центре внимания верующих разных религий, также осмысливаются с богословской точки зрения.

Итак, межрелигиозный диалог может пониматься как сравнение религиозных мировоззрений и богословское осмысление связанных с этим вопросом (когнитивный диалог) или же как гармонизация отношений между верующими (миротворческий диалог) и сотрудничество в социальной сфере во имя общего благополучия (партнерский диалог). Не прояснение этого различия также может выступать источником недоразумений.

4. «Диалог духовности» и взаимообогащение

В XX веке большую популярность приобретают идеи о востребованности и

плодотворности диалога культур и религий, развивается философия диалога, представленная в трудах таких ярких мыслителей, как М. Бубер, М. Бахтин и других. Понятию «диалог» стали придавать дополнительные, специальные смыслы, в зависимости от взглядов тех или иных исследователей. Это нашло выражение в утверждениях ряда специалистов (как в приведенной выше цитате А.В. Журавского), что контакты между верующими, чтобы иметь право называться «подлинным диалогом», якобы необходимо должны соответствовать некоторому набору критериев (таких, например, как уважение мировоззрения собеседника; умение слушать, а не только говорить; открытость; стремление войти в перспективу религиозного опыта партнера; отказ от прозелитизма; доброжелательность; готовность к восприятию критики; наличие «личностного и духовного роста» в процессе диалога и пр.). Некоторые исследователи в этом контексте предлагали различать понятия «диалог» и «переговоры» (negotiation), а также другие формы коммуникации (дебаты, дискуссии) (см.: Leirvik, 2011: 16-24).

В качестве показательного примера можно привести работу украинского исследователя Л. Владыченко с характерным названием «“Межрелигиозный” диалог – театр, комедия, реальность или фикция?!». Автор строит свои рассуждения исходя из спорной предпосылки, что «сущность» диалога заключается в признании другого как «равноценной индивидуальности» и во «взаимообогащении». Затем Л. Владыченко стремится показать, что для представителей разных религий коммуникация, отвечающая этим принципам, невозможна, из чего автор делает вывод, что «межрелигиозный диалог» невозможен, а сам этот термин лишь вводит в заблуждение (см.: Владыченко, 2008: 13-18). Подобная «узурпация» термина «диалог», придание ему узкого значения, в соответствии с взглядами и предпочтениями того или иного исследователя или школы, позиционирование кон-

кретного подхода как универсального представляются неправомерными. Вместе с тем такой подход является очень распространенным и вносит дополнительную путаницу в понимание межрелигиозного диалога, поэтому на этой проблеме полезно остановиться чуть более подробно.

Мартин Бубер предлагал различать три типа диалога, которые он обозначил как «подлинный», «технический» и «монологический» диалог. По мнению философа, «в подлинном диалоге каждый участник воспринимает другого в его настоящем, особенном бытии и обращается с намерением установить живую взаимосвязь. Технический диалог вызван исключительно потребностью объективного понимания, а монологический служит желанию самоутверждения и лишь замаскирован под диалог: участники говорят каждый с самим собой удивительно неискренним образом» (Хромцова, 2012: 69). В католической классификации видов межрелигиозного диалога техническому диалогу М. Бубера соответствует «диалог теологического обмена» (*dialogue of theological exchange*) («диалог изучения»). Подлинному диалогу можно сопоставить «диалог духовности», или «диалог религиозного опыта» (*dialogue of religious experience*), «в рамках которого лица, укорененные в своих традициях, делятся своими духовными богатствами, например, в отношении молитвы и медитации, веры и способов поиска Бога или Абсолюта» (*Dialogue and Proclamation*, 1991).

Католическая классификация указывает, что в теологическом диалоге участники задействуют свою «голову» (*head*), то есть коммуникация осуществляется на интеллектуально-дискурсивном уровне. Главная цель такого диалога – узнать взгляды собеседника, понять его мировоззрение. В диалоге духовности участники идут глубже, они вовлекают «сердце», «чтобы оценить и даже в некоторой степени попытаться разделить опыт другой традиции» (Knitter, 2013: 117-132). Духовный диалог предполагает, отмечают католические спе-

циалисты, «взаимное обогащение... духовный и личностный рост... участников... просвещение, расширение, углубление» (Свидлер, 2011). Например, в католической церкви практиковался так называемый монашеский межрелигиозный диалог (*monastic interreligious dialogue*). Католические и дзен-буддийские монахи в течение некоторого периода (порядка двух недель) жили в монастырях друг друга и делились опытом духовных практик, молитвы, медитации (см.: Bethune, 2013: 37).

Проблема заключается в том, что именно духовный диалог нередко представляется католическими авторами как аутентичный диалог, к которому должны быть направлены межрелигиозные отношения, и эта модель универсализируется. В документе Ватикана «Диалог и Прокламация» (1991) присутствует дефиниция межрелигиозного диалога как «любой формы позитивных и конструктивных межрелигиозных отношений между отдельными людьми или группами верующих, которая направлена на взаимное понимание и обогащение (*enrichment*), в послушании истине (*obedience to truth*) и уважении свободы» (цит. по: Мельник, 2017: 64) (в данном случае «послушание истине» означает, что верующие сохраняют приверженность своей религии, а «уважение свободы» – отказ от агрессивного миссионерства).

Известный католический теоретик и практик межрелигиозного диалога Л. Свидлер указывает: «Диалог – это разговор на общую тему между двумя или более персонами с различными взглядами, главной целью которого для каждого из участников является стремление научиться чему-то у другого с тем, чтобы сделать возможным собственное изменение и рост» (Swidler, 2015: 6). То есть в само слово «диалог» Л. Свидлер вкладывает определенный, специфический смысл, который соответствует духовному диалогу.

Специалист К. Корнилл выделила следующие необходимые, по ее мнению, условия диалога: ««скромность» (признание возможности изменения собственных

представлений и «возрастания в понимании истины» посредством знакомства с религией партнера), «верность» (приверженность своей религии), «убежденность во взаимосвязи» (признание универсальной ценности религиозных учений), «эмпатия», «гостеприимство»» (Cornille, 2013a).

Важно сознавать: приведенные дефиниции и характеристики выражают специфическое католическое понимание межрелигиозного диалога и не отражают всего многообразия форм этого феномена. Это всего лишь одна из разновидностей когнитивного диалога, а позиционировать эту форму отношений как «подлинный межрелигиозный диалог», как своеобразный идеал диалога, конечно же, неправомерно. Так, миротворческий или партнерский типы диалога вообще не предполагают обсуждения догматической проблематики, даже на «интеллектуальном» уровне. Кроме этого, если теологический диалог, простое интеллектуальное знакомство с другой религией, не вызывает возражений, то вхождение в перспективу опыта другой религии и обогащение участников в рамках духовного диалога является неоднозначной формой межрелигиозных отношений, которая может вызывать настороженность и отторжение со стороны консервативно настроенных верующих.

Для того, чтобы избежать путаницы в описании межрелигиозного диалога, представляется полезным добавлять определение, чтобы было ясно, о каком способе межрелигиозных отношений мы говорим: полемическом диалоге, когнитивном диалоге, миротворческом диалоге или партнерском диалоге. Эти типы диалога ставят различные задачи и используют разные дискурсы. В данной статье мы попытались рассмотреть некоторые основные интерпретации межрелигиозного диалога, истоки существующих недоразумений и прояснить значение этого термина, что может быть полезным для дискуссий и исследований в этой области.

Литература

Владыченко, Л.Д. «Межрелигиозный» диалог – театр, комедия, реальность или фикция?! [Электронный ресурс] URL: <https://religion.in.ua/main/analitica/7993-mezhreligioznyj-dialog-teatr-komediya-realnost-ili-fikciya.html> (дата обращения: 24.01.2022).

Демченко, М. Путь Сатчитананды. М.: Ганга, 2008. 320 с.

Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н.А. Безменова. М.: ИНИОН, 1991. 159 с.

Журавский, А.В. «И наш Бог, и ваш Бог един» (обзор конференции) // Минарет. 2006. № 8. [Электронный ресурс] URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/8/comgod.htm? (дата обращения: 24.01.2022).

Мельник, С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2. С. 25-51.

Мельник, С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. Москва: ИНИОН РАН, 2022. 398 с.

Мельник, С.В. Православие и хасидизм хабар: личностная модель межрелигиозного диалога: монография / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. философии; отв. ред. Хлебников Г.В. М.: ИНИОН РАН, 2017. 250 с.

Свидлер, Л. Десять заповедей межрелигиозного диалога // В поисках первоисточника. 4 мая 2011 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.moonsun-bel.blogspot.ru/> (дата обращения: 24.01.2022).

Совместная декларация Председателя Управления мусульман Кавказа Шейх-уль-ислама Аллахшукюра Пашазаде и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/40248.html> (дата обращения: 24.01.2022).

Хромцова, М.Ю. Личностная модель диалога в философии и богословии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 68-78.

Шохин, В.К. Диалог религий: идеология и практика // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). С. 281-295.

Bethune, P.-F. Monastic inter-religious dialogue // The Wiley-Blackwell companion to inter-

religious dialogue. Chichester: John Wiley & Sons, 2013. P. 34-50.

Cornille, C. Conditions for inter-religious dialogue // *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester: John Wiley & Sons, 2013a. P. 20-33.

Cornille, C. Introduction // *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, 2013b. P. XII-XVII.

Dialogue and Proclamation. 42. The forms of dialogue // *Bulletin of the Pontifical Council on Interreligious Dialogue*. 1991. Vol. 26. No. 2 [Электронный ресурс] URL: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interrelg/documents/rc_pc_interelg_doc_19051991_dialogue-and-proclamatio_en.html (дата обращения: 24.01.2022).

Guinovart-Pedescoll, J.-O. When Fear becomes Peace: Transforming Interreligious Dialogue into a Social Movement (World Conference on Religion and Peace/1970-1973) // *Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement* / ed. by Lehmann K. Berlin. Boston: De Gruyter, 2021. P. 203-230.

Knitter, P. One Earth, Many Religions: Multifaith Dialogue and Global Responsibility. Maryknoll: Orbis, 1995. 218 p.

Knitter, P.F. Inter-Religious Dialogue and Social Action // *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*. Chichester, 2013. P. 117-132.

Leirvik, O. Philosophies of interreligious dialogue: Practice in search of theory // *Approaching Religion*. 2011. Vol. 1. P. 16-24.

Melnik, S. Types of Interreligious Dialogue // *Journal of Interreligious Studies*. 2020. № 31. P. 48-72 [Электронный ресурс] URL: <https://irstudies.org/index.php/jirs/article/view/499> (дата обращения: 24.01.2022).

Mojzes, P. Types of encounter between religions // *Attitudes of religions and ideologies toward the outsider* / eds. L. Swidler, P. Mojzes. Lewiston, 1990. P. 1-24.

Moyaert, M. Interreligious Dialogue // *Understanding Interreligious Relations* / ed. by D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 193-217.

Rink, A., Sharma K. The determinants of religious radicalization: Evidence from Kenya // *Journal of conflict resolution*. Thousand Oaks, 2018. Vol. 62. No. 6. P. 1229-1261.

Swidler, L. The «dialogue of civilizations» at the tipping point: The «dialogosphere» // *Journal of ecumenical Studies*. 2015. Vol. 50. No. 1. P. 3-17.

Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement / ed. by Lehmann K. Berlin. Boston: De Gruyter, 2021. 377 p.

The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue / ed. by T. Merrigan, J. Friday. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2017. 280 p.

References

Bethune, P.-F. (2013), "Monastic inter-religious dialogue", in Cornille, C. (ed.), *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*, John Wiley & Sons, Chichester, 34-50.

Bezmenova, N. A. (ed.) (1991), *Dialog: teoreticheskie problemy i metody issledovaniya: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov* [Dialog: theoretical problems and research methods: collection of scientific and analytical reviews], INION RAN, Moscow, Russia (in Russ.).

Cornille, C. (2013a), "Conditions for inter-religious dialogue", in Cornille, C. (ed.), *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*, John Wiley & Sons, Chichester, 20-33.

Cornille, C. (2013b), "Introduction", in C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*, John Wiley & Sons, Chichester, XII-XVII.

Demchenko, M. (2008), *Put' Satchitanandy* [The path of Sachchidananda], Ganga, Moscow, Russia (in Russ.).

Dialogue and Proclamation. 42. The forms of dialogue (1991) [Online], available at: https://w2.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/interrelg/documents/rc_pc_interelg_doc_19051991_dialogue-and-proclamatio_en.html (Accessed 24 January 2022).

Guinovart-Pedescoll, J.-O. (2021), "When Fear becomes Peace: Transforming Interreligious Dialogue into a Social Movement (World Conference on Religion and Peace/1970-1973)", in Lehmann, K. (ed.), *Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement*, De Gruyter, Berlin; Boston, 203-230.

Khromtsova, M. Iu. (2012), "A personal model of dialogue in Philosophy and theology", *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 13 (2), 68-78 (in Russ.).

Knitter, P. (1995), *One Earth, Many Religions: Multifaith Dialogue and Global Responsibility*, Orbis, Maryknoll.

Knitter, P.-F. (2013), "Inter-Religious Dialogue and Social Action", in Cornille, C. (ed.) *The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue*, John Wiley & Sons, Chichester, 117-132.

Lehmann, K. (ed.) (2021), *Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement*, De Gruyter, Berlin, Boston.

Leirvik, O. (2011), "Philosophies of interreligious dialogue: Practice in search of theory", *Approaching Religion*, vol. 1, 16-24.

Melnik, S. (2020), "Types of Interreligious Dialogue", *Journal of Interreligious Studies*, № 31, 48-72 [Online], available at: <https://irstudies.org/index.php/jirs/article/view/499> (Accessed 24 January 2022).

Melnik, S. V. (2017), *Pravoslavie i khasidizm khabad: Lichnostnaia model mezhreligioznogo dialoga* [Orthodox Christianity and Chabad Hasidism: The personal model of interreligious dialogue], INION RAN, Moscow (in Russ.).

Melnik, S. V. (2020), "Classification of types of interreligious dialogue", *Kommunikologiya*, 2020, 2, 25-51 (in Russ.).

Melnik, S. V. (2022), *Mezhreligiozniy dialog: tipologizatsiya, metodologiya, formy realizatsii* [Interreligious dialogue: typologization, methodology, forms of implementation], INION RAN, Moscow (in Russ.).

Merrigan, T. (ed.) (2017), *The Past, Present, and Future of Theologies of Interreligious Dialogue*, Oxford University Press, Oxford, U.K.

Mojzes, P. (1990), "Types of encounter between religions", in L. Swidler (ed.), *Attitudes of religions and ideologies toward the outsider*, Lewiston, 1-24.

Moyaert, M. (2013), "Interreligious Dialogue", in D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas (eds.), *Understanding Interreligious Relations*, Oxford University Press, 193-217.

Rink, A. and Sharma, K. (2018), "The determinants of religious radicalization: Evidence from Kenya", *Journal of conflict resolution*, vol. 62 (6), 1229-1261.

Shokhin, V. K. (1997), "Dialogue of religions: ideology and practice (part 1)", *Alfa i Omega*, 1 (12), 281-295 (in Russ.).

Sovmestnaya deklaratsiya Predsedatelya Upravleniya musul'man Kavkaza Shejh-ul'-islama

Allahshukjura Pashazade i Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II (2005) [Joint Declaration of the Chairman of the Administration of Muslims of the Caucasus Sheikh-ul-Islam Allahshukur Pashazade and the Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II], [Online], available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/40248.html> (Accessed 24 January 2022) (in Russ.).

Swidler, L. (2011), *Ten commandments of interreligious dialogue* [Online], available at: <http://moonsun-bel.blogspot.com/> (Accessed 24 January 2022).

Swidler, L. (2015), "The 'dialogue of civilizations' at the tipping point: The 'dialogosphere'", *Journal of ecumenical Studies*, 50 (1), 3-17.

Vladychenko, L. D. (2008), "Mezhreligiozniy dialog – teatr, komediia, real'nost' ili fiktsiia?!" ["Interreligious" dialogue – theater, comedy, reality or fiction?!] [Online], available at: <https://religion.in.ua/main/analitica/7993-mezhreligioznyj-dialog-teatr-komediya-realnost-ili-fiksiya.html> (Accessed 24 January 2022) (in Russ.).

Zhuravskiy, A. V. (2006), "I nash Bog, i vash Bog edin" (*obzor konferentsii*) ["Our God and your God is the same" (Conference Review)] [Online], available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/8/comgod.htm? (Accessed 24 January 2022) (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Мельник Сергей Владиславович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Нахимовский пр., д. 51/21, г. Москва, 117997, Российская Федерация; melnik.s.vl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey V. Melnik, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science (ISSS RAS), 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; melnik.s.vl@yandex.ru

УДК 1:14

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-4

Афанасов Н. Б. | Идея автономии в контексте позднего капитализма

Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия;
n.afanasov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются философские импликации идеи автономии в контексте позднего капитализма. Автор статьи показывает, что широко распространенное понимание автономии часто является производным от более узкого понятия «социальная автономия». Статья показывает, что с точки зрения методологии современных социальных исследований понятие «автономия» должно быть понято именно в философском ключе. Это предполагает внимание к историко-культурному философскому контексту феномена, а также к трансформациям актуального капитализма. Опираясь на методологию культурно-исторической эпистемологии, автор показывает потенциал философского понимания автономии субъекта в контексте детерминации последнего поздним и цифровым капитализмами. В качестве иллюстрации своих идей автор обращается к мысли итальянских философов Франко Берарди и Джорджо Агамбена, показывая, что их критика современности опирается на теоретическое и практическое расширение смысла понятия автономии именно с позиций исторической философии.

Ключевые слова: автономия; поздний капитализм; культурно-историческая эпистемология; Г. Шпет; Дж. Агамбен; Ф. Берарди; практическая философия; социальная философия

Для цитирования: Афанасов Н.Б. Идея автономии в контексте позднего капитализма // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 42-54. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-4

N. B. Afanasov | The idea of autonomy in the context of late capitalism

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; *n.afanasov@gmail.com*

Abstract. The article analyzes philosophical implications of the idea of autonomy in the context of late capitalism. The author shows that the widespread understanding of autonomy is often derived from the narrower concept of "social autonomy". The article shows that from the point of view of the methodology of modern social research the concept of "autonomy" should be understood in a philosophical way. This entails attention to the historical and cultural philosophical context of the phenomenon, as well as to the transformations of actual capitalism. Based on the methodology of cultural-historical epistemology the author shows the potential of a philosophical understanding of subject's autonomy in the context of its determination by late and digital capitalisms. To illustrate his ideas, the author turns to the thought of the Italian philosophers Franco Berardi and Giorgio Agamben, showing that their critique of modernity relies on a theoretical and practical

expansion of the meaning of autonomy precisely from the perspective of historical philosophy.

Keywords: autonomy; late capitalism; cultural-historical epistemology; G. Shpet; G. Agamben; Fr. Berardi; practical philosophy; social philosophy

For citation: Afanasov N.B. (2022), "The idea of autonomy in the context of late capitalism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 42-54, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-4

Социальная автономия – сложное понятие, которое имеет, по меньшей мере, несколько значений. Под этим словосочетанием часто имеют в виду возможность субъекта принимать решения без оглядки на доминирующие в обществе представления. Автономия при определенных обстоятельствах может быть понята как нежелательная девиация или даже преступление. В философском смысле социальная автономия представляет собой допущение, согласно которому субъект не полностью детерминирован обществом, но способен к свободному и произвольному действию. В таком виде это одновременно социологическое описательное понятие и феномен, изучение которого может послужить для качественного анализа общественной структуры. В контексте социологии и психологии учет автономии выполняет в том числе роль гуманизации теории: «Автономия личности – гуманитарная ценность, высшая ценность личностного бытия, которая позволяет обеспечить раскрытие индивидуальных способностей, субъектных и личностных качеств человека» (Майкова, 2015: 57).

Будучи частью гуманистического дискурса социальных и психологических наук, понятие социальной автономии содержит в себе важную ценностную предпосылку. В актуальной парадигме этих дисциплин существует убеждение, что некоторая степень осознанной свободы является безусловным благом для оценки потенциала личности. Эта предпосылочность дискурса об автономии давно стала одной из проблем и в культурно-исторической психологии как «...изучение (и поддержание) борьбы самосознания за независимость и свободу,

сочетающееся с признанием ценностно-культурных универсалий ориентирами ума и действия» (Порус, 2011: 56; Пружинин, 2013: 48). Современная культурно-историческая эпистемология делает своим предметом изучение таких любопытных ориентаций научного поиска, показывая, что философские основания науки продолжают играть важнейшую роль в мотивации исследователей и самого исследования (Пружинин, 2012: 32). В конечном итоге изучение социальной автономии становится одновременно и ее (ре-)конструкцией, поскольку она является желаемой ценностью. Практика и теория описания общества и субъекта предполагают ее существование. Тонкость состоит в том, что это измерение исследования невозможно элиминировать, поскольку подобное действие привело бы к постановке под вопрос самих основ теории и доверия к ней.

В российском исследовательском контексте социальную автономию часто изучают в рамках социологии и психологии, но у этого понятия есть и очевидное социально-философское измерение. О нем говорят реже, хотя в современной социальной теории ученые часто прибегают к идее социальной автономии в своих валуативных оценках (см.: Павлов, 2018: 156) происходящего в обществе. Социальная автономия становится и авторским проектом в ряде философских трудов. К примеру, итальянский философ-марксист Франко «Бифо» Берарди прямо указывает на то, что «социальная автономия» не является абстрактным понятием, но должна стать конечной целью свободного индивида, которую ему поможет достичь социально-философская

критика (см.: Берарди, 2019). Социальная автономия стала предметом критической теории современности. В статье мы проанализируем, почему старая дискуссия об автономии помещается в контекст позднего капитализма, а также укажем на то, какие преимущества и новые проблемы привносит работа с этим понятием для современной социальной философии. Для анализа исторического смысла понятия мы будем использовать теоретический инструментарий культурно-исторической эпистемологии, который позволяет осуществить переход к концептуализации феноменов в противовес их фрагментарной историзации (см.: Пружинин, 2021: 19-21).

Для начала обратимся к историко-понятийному генезису социальной автономии в универсуме философских идей. Историк философии Джон Кристман полагает, что, прежде чем дать позитивное определение в каком-либо из контекстов (ценностном, либеральном, патерналистском, социальном, политическом, идентичностном и т. д.), нужно отграничить понятие от других важных идей в философии: свободы и персональной автономии (см.: Christman, 2020). Для наших целей избыточно воспроизводить приведенные ученым аргументы. Принципиально важно лишь то, что обращение к автономии было составной частью практической философии с момента ее появления. Уже в древнегреческих полисах с их развитыми социальными отношениями вставал вопрос о возможности свободного существования в тесной связи с согражданами. К тому же, по всей видимости, ставки в то время были куда более высокими: неудачный проект отстаивания собственной автономии мог привести к остракизму или даже к смерти (Суриков, 2006: 14).

В то время практическая философия, как мы понимаем ее сегодня (см.: De Naap, 2020: 49-51), была куда менее разработанной областью. Мы имеем в виду, безусловно, не качество идей, но проведение субдисциплинарных границ в рамках единого философского знания, которое стало

возможно лишь с перенесением фрагментации, иерархии и разграничения сфер из точных наук в гуманитарные по мере становления современной исследовательской науки (см.: Шпет, 2016). Автономия часто становилась предметом именно политического дискурса, что легко объяснимо господствовавшими в то время социально-политическими условиями, в которых приходилось существовать философам. В основе политической автономии субъекта лежала разработка принципов противостояния мнению большинства. Именно в борьбе за идеи должен был отстаивать свою автономию свободный человек. В социальном смысле это предполагало существование общего пространства диалога и понимания правил корректного ведения коммуникации всеми сторонами.

На многочисленных примерах философам прошлого было несложно убедиться в том, что автономия в высказывании своих суждений и действиях может дорого обходиться. Тем не менее, без идеи свободного поиска знания (см.: Пружинин, 2021: 23) философия была бы невозможна. Соответственно, предметом мышления об автономии стало конструирование «утопического» образа возможности высказываться. С самого начала своей истории «автономия» сталкивалась с множеством трудностей. В конечном итоге из поля практической и политической философии акцент в ее разработке сместился на этику (см.: Christman, 2020): автономия стала мыслиться как благо не только в реализации на практике внутренних убеждений субъекта, но и как формирование самих этих убеждений. Говоря проще, политическое понимание автономии могло приводить к тому, что идея утрачивала присущий ей сегодня эвристический потенциал и становилась формальной рамкой разработки теории политической коммуникации. В рамках мысленного эксперимента легко себе представить фанатичного субъекта, чьи убеждения были сформированы каким-либо учением, но не стали результатом собственной ре-

флексии. Именно в такой постановке вопроса сосредотачивается нерв морально-этического понимания автономии.

Если суммировать эту историю развития дискурса автономии, мы придем к выводу, что в основе мышления об автономии лежала практическая философия (см.: De Naan, 2020: 54). В сложной взаимосвязи и взаимовлиянии вновь возникавших логических и фактических проблем дискурс автономии трансформировался от попытки реализации политической автономии в рамках права на влияние и на принятие политических решений до вопроса о том, что формирует базовые установки, которые лежат в основе предпочтений и действий самого индивида. Парадоксально, но уже на самых ранних этапах становления автономии как философской идеи «свобода» автономии постепенно смещалась к внутреннему пространству мысли и лишалась внешнего измерения. В наиболее разработанном и утонченном виде впоследствии этот вектор будет представлен в моральной философии XVIII и XIX веков, тем самым задав концептуальную рамку для сегодняшнего восприятия понятия.

Этот процесс ухода от внешней жизни в сторону внутренней, где, как казалось многим, будет сложнее оспаривать автономию субъекта, стал повсеместным в философии эпохи Модерна. Более того, внутренняя автономия становилась главной ценностью, в то время как внешняя автономия обретала все более факультативный характер, что было связано с сужением пространства возможностей частного влияния на общественную жизнь. Потенциально субъект сохранял возможность завладеть умами и тем самым реализовать свою волю, но лишь в условиях конкурентной модели «победитель получает все», которая на уровне политики стала распространена раньше цифровой и платформенной конкуренции. Само обозначение «частное» лицо – это результат преобладания определенного вида ценностей и мышления (Шпет, 2010: 180). Первые дискуссии об автономии затева-

лись общественными лицами, которые существовали в обществе, где имелаась возможность отстаивать свои интересы.

Сложно дать оценку этому процессу имплозии границ автономии, но важно его зафиксировать. С историко-философской точки зрения его протекание многое говорит о теоретическом уровне осмысления мира в Западной философии. Для современной философии культурно-историческая реконструкция этого процесса предлагает новые методологические перспективы. В полной мере ход реституции концептуального полисного опыта в процессах и практиках конструирования субъекта дал французский философ Мишель Фуко. Его исторический анализ всегда был не только историко-философской работой, но и реконструкцией критики, восстановлением ее в своих правах через указание возможных и реально существовавших альтернатив (см.: Taylor, 1984: 161). Философу удавалось деконструировать субъекта через ретроспективное включенное описание его исторического становления. Наивно полагать, что этот проект имел лишь негативный смысл, стремящийся к усилению фрагментации представлений о человеке, его релятивизации. Напротив, в диалектическом смысле борьбы обусловленности и спонтанности, личного и общественного, конкретного и общеисторического теория Фуко предложила подход, имеющий значительный эвристический потенциал для критики современности.

Вслед за Фуко многие пытались использовать его наработки в классических областях практической философии, которые переживали кризис во второй половине XX века. Утрата позиций большими нарративами в теории болезненно переживалась многими учеными. Шведский социолог Йоран Терборн предложил свое видение этого процесса: «Это было время, когда американская эмпирическая социальная наука, в особенности социология, политическая наука и социальная психология, были восприняты и прижились в Европе, поддер-

жанные щедрыми американскими стипендиями. Быстрее всего вошли в моду более эмпирицистские и консервативные варианты американской социальной науки. Марксизм был оттеснен на поля крайне левой политики» (Терборн, 2021: 145). Для Терборна важно, что позиции утратил марксизм и, в более общем смысле, критическая социальная теория, которая мыслила философию в качестве своего центрального элемента. Но этот процесс носил общий характер во многих отраслях философского знания. Для идеи автономии фрагментация дисциплин и их методологического аппарата привели к тому, что в философском смысле идея была фактически забыта, продолжив свое существование в качестве предмета в курсах по истории философии.

Именно предельное сужение контекста использования идеи автономии в философии до безусловного основания трансцендентального субъекта привело к тому, что во многих дискуссиях после Второй мировой войны рассуждения об автономии были вытеснены эссеистичными размышлениями об эмансипации, освобождении *от* чего-либо. Дело в том, что прикладные исследования в первом приближении не нуждаются в прояснении таких глубоких оснований, а сам трансцендентальный субъект перестал быть для многих проблемой, в лучшем случае оставшись красивой идеей из истории мысли. Именно в такой ситуации философская автономия сменяется исследованиями социальной автономии (см.: Crittenden, 1993: 43) в ряде дисциплин, колонизировавших смысловое поле философии. Но актуализация идеи не заставила себя долго ждать в социальной мысли и критике капитализма (см.: Агамбен, 2014: 67; Берарди, 2019: 14, 283). Поскольку содержательное осмысление последнего с точки зрения заинтересованного субъекта продолжило оставаться задачей философии, именно в рамках этой познавательной ситуации появился новый дискурс автономии, который, как мы увидим далее, про-

шел несколько стадий: от основания критики общества потребления до утопического проекта.

Идее автономии было суждено пережить вторую стадию овнешнения после имплозии в модернистском субъекте. Катализатором этого процесса выступила экспансия капитализма в область культуры, одним из следствий которой стало окончательное формирование черт массового общества (см.: Brenkman, 1984: 103). Представление о капитализме как об особенной форме ведения хозяйственной деятельности, которая влияет не только на устройство общества, но и радикально переформатирует субъекта под нужды своей специфической рациональности, подразумевает качественное определение этого феномена человеческой жизни. Но предоставить какую-либо вразумительную концептуальную метафору, которая могла бы схватить суть явления, сегодня стало фактически невозможно. Основная проблема заключается не только во множестве интерпретаций, но и в множественности форм самого капитализма (см.: Павлов, 2021: 43-46). На протяжении XX века – если быть точнее, то начиная с 50-х гг. – капитализм пережил множество трансформаций, а его приспособление к меняющейся социальности породило формы капитализма, которые требуют отдельного рассмотрения. Для того чтобы проследить идею автономии, нам необходимо представлять себе этот процесс и его внутренние причины, поскольку именно они будут задавать траекторию нового овнешнения автономии субъекта – уже капиталистического.

Сложившееся словоупотребление при описании современного или актуального капитализма тяготеет к использованию темпоральной, но не качественной метафоры: речь идет о «позднем капитализме». Американский публицист Энни Лоури сочла нужным отметить, что апелляция к «позднему капитализму» стала настолько расхожим риторическим приемом со стороны ученых, публицистов, деятелей культуры и даже самых обычных людей, что

термину вновь понадобилась его реактуализация в социально-экономическом ключе (см.: Lowrey, 2017). Сама история понятия весьма показательна: по меньшей мере, можно говорить о нескольких поздних капитализмах. Словосочетание в теоретическом ключе впервые употребил в начале XX века немецкий экономист и философ Вернер Зомбарт (см.: Sombart, 2018). Спустя полвека бельгийский марксист троцкистского толка Эрнст Мандель использовал понятие для выявления критических противоречий в структуре актуального ему капитализма (см.: Mandel, 1972). Современные теоретики, как правило, обращаются к понятию не столь методологически выверенно, как это делали Зомбарт, Мандель или их последователи, что позволяет говорить о «третьем» позднем капитализме.

Последний, в силу отсутствия внятной теории, которая бы стояла за феноменом, можно определить лишь контекстуально. Ошибочной стратегией, как ни парадоксально, было бы следовать теоретическим разработкам *авторов* первых двух итераций понятия. Ни идеи Зомбарта, ни идеи Манделя нельзя назвать популярными в актуальной социальной теории. Дело в том, что их понимание позднего капитализма предполагало включение последнего в последовательную и обстоятельную теорию, имевшую прогностический смысл. На уровне оценки ученые также полагали, что «поздний капитализм» – это негативное явление, которое знаменует собой накопление противоречий в функционировании капитализма, которые в конечном счете лишат его динамики и преимуществ. Пусть и по-разному, но Зомбарт и Мандель считали «поздний капитализм» угрозой, с которой может помочь справиться критическая теория. Для ницшеанского духа философии немца подходил ответ о «волевом» решении вопроса: государственном и идеологическом вмешательстве. В свою очередь Мандель считал, что экспликация недостатков и противоречий позднего капитализма сможет реактуализировать революционный потенциал марксистской теории.

Современный контекст использования понятия абсолютно лишен исторической глубины. Лишь немногие философы и теоретики вспоминают о том, что концепции постмодернизма как социальной и культурной теории (пост-)современности предполагали экономическую теорию в своей основе. Для американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона и британского социального географа Дэвида Харви, трудам которых принадлежит первенство в разработке наиболее фундаментальных положений теории постмодерна, Мандель выступал в качестве точки отсчета при анализе современности (Джеймисон, 2019: 178). По крайней мере, на уровне декларации. Впрочем, читателя, который обнаружит в себе желание узнать подробнее о концепте Манделя из трудов постмодернистов, ждет разочарование: подробно к идеям бельгийского экономиста они не обращаются, лишь заявляя или вовсе просто упоминая о том, что они согласны с основными положениями его теории. Контекстуальность определения «позднего капитализма» существовала уже тогда, то есть в 80-е гг. В заслугу постмодернизму следует поставить не то, что он уточнил основные черты «позднего капитализма», но то, что он, в рамках своей работы с культурой и обществом, наделил его новым содержанием, которое и стало доминирующим в актуальной дискуссии. Каждый раз, когда мы не можем подобрать какое-то качественное определение для капитализма, мы можем сказать «поздний капитализм», и попадем в точку.

Но в чем все же заключаются основные отличающие черты «позднего капитализма» в его контекстуальной интерпретации постмодернизмом? Обращаясь к экономике, теоретики преследовали вполне определенную цель – понять, почему все происходит именно так. В начале XXI века *новое* нам уже слишком привычно, хотя цифровизация и стала шоком для многих интеллектуалов, но слом традиционного хода вещей и нарастание скорости изменений, в отно-

шении которого можно было зафиксировать лишь то, что фиксация на нем становится бессмысленной, произошел после Второй мировой войны вместе с развитием потребительского капитализма и глобализации (см.: Харви, 2021: 246). На уровне конкретного субъекта происходившие изменения проще всего было диагностировать в культуре: менялись модели потребления (см.: Джеймисон, 2019: 512), в то время как производство традиционных благ оставалось более консервативной сферой. Капитализм получал культурную логику, которая выражалась в обновлении практик потребления через придание материальным товарам культурной ценности.

Нельзя сказать, что ранее исследователи полагали капиталистическое производство процессом, происходящим на большой дистанции от культуры. Напротив, этот фактор часто учитывался не только теоретиками, но даже менеджментом крупных инновационных компаний. Ход рассуждения о «позднем капитализме» был несколько иной. Перед капитализмом стояла задача увеличить свою норму прибыли через интенсификацию производства и потребления. После удовлетворения базовых потребностей людей, которое в развитых странах завершилось с послевоенным восстановительным ростом экономики, пришлось искать новые сферы и регионы сбыта. Географическая экспансия была ограничена объективными причинами, и новым царством капитализма стала культура, стремительно превращавшаяся в популярную и массовую. В этом было завершение логики капитализма, поэтому теоретикам пришлось по вкусу темпоральная характеристика «поздний», ведь капитализация и коммерциализация культуры, по всей видимости, завершают качественно новое освоение ранее автономных сфер экономикой. Дальше – не качественные, но лишь количественные изменения.

Коммодификация культуры имела ряд важных последствий для субъекта и теории. Размах процесса был таким, что социальная философия, философия истории и

даже социальная теория превратились в дисциплины, которые всегда приходили к единому основанию – капитализму. Изучение человека превратилось в изучение капиталистического человека. До настоящего момента этот процесс казался необратимым и абсолютно логичным, но актуальный расцвет частных подходов к изучению множественности сфер культуры несколько уточняет эту картину. Многообразие культурных форм, существующих в рамках трудно уловимого позднего капитализма, а также их переполненность содержанием порождают новые предметы исследования, что было показано еще Жаном Бодрийяром. Критика превращается в часть самой коммодифицированной культуры. Примечательно, что актуальная социальная теория, отказавшись от больших нарративов и прогнозов в последние полвека, всегда оставалась критической по отношению к актуальному капиталистическому обществу.

Именно эта повсеместная и сущностно характерная для современной социальной и культурной теории критика подводит нас к новому овнешнению автономии, которая становится социальной. Философы критиковали общество сверхпотребления как феномен, воспроизводство и выживание которого может быть поставлено под угрозу. Но еще чаще они обращались к человеку массы, сформированному современной массовой культурой потребителю. Утрируя, этот потребитель представлялся черным ящиком, загадкой, лишенной агентности и автономии вне предзаданных моделей поведения. Методологический кризис настиг эту установку практически сразу: деконструируя капитализм, был деконструирован и сам субъект, а надеждам на возвращение ценностей или «событий» каждый раз было суждено потерпеть крах. Все они встраивались в капиталистический нарратив. В таком ключе теории, казалось бы, следовало говорить об автономии лишь в негативном ключе, как о чем-то утраченном. И в парадигме постмодернизма всегда подразумевалась бы именно культурная автономия субъекта (культурные автономии

сообществ давно стали желаемой практикой). Но ряд обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, позволяют утверждать, что автономия вернулась в дискурс социальной и культурной теории в другом качестве.

Мы не зря упоминали двоякий характер теории Мишеля Фуко. Его деконструкция, практики которой инкорпорировали в свою методологию многие исследователи современности, была лишь частью проекта французского ученого. Ее потенциал, несомненно, впечатляет, а исторический анализ интеллектуальной и социальной культуры сквозь призму властных отношений позволяет выявлять те закономерности, которые ранее были скрыты от глаз. Сам Фуко писал, что его интересовала проблема человека с более общих позиций, которые позволили бы сформировать понимание социальной истории в ее полноте (Foucault, 1984: 344). Фрагментация субъекта в многочисленных практиках и методологических подходах социальных, философских, психологических, культурологических и многих других дисциплин также является лишь ступенью на пути к философскому пониманию субъекта современности. В конечном итоге наиболее применимые паттерны понимания целостного субъекта обнаруживаются в Античности (Шпет, 2010: 91). Более того, кажущаяся простота и наше развитое понимание обуславливающих те формы факторов приводят к тому, что деконструкция всегда уже проведена, и мы избавлены от тяжелой ноши вновь ею заниматься. Остается лишь материал человеческих устремлений – ранее его могли именовать «человеческой природой», – который получает возможность быть экстраполированным на настоящее.

Именно пределы деконструкции и фрагментации возвращают философскую мысль к родовой природе человека, социальности со всеми ее атрибутами, такими как политика, свобода, право на высказывание, владение частной собственностью и многое другое. Оказывается, что современность, чьим девизом стал критический разум и повсеместный критический подход,

слишком часто упускала саму себя из фокуса критики, отождествляя частные проявления своей реальности с историческими формами или фантомными образами. Как нетрудно догадаться, все они должны быть подвергнуты критике, а после и отвергнуты в пользу более рациональных и разумных исходных точек. Строго говоря, проблема сужающегося изобилия человеческого пространства при кажущемся увеличении возможностей в современных социальных проектах была методологической. У понятой в широком смысле критической теории просто не было основания для критики всей современности, в то время как причин и способов критиковать отдельные явления современности при помощи обращения к экономике или культуре было в достатке. Культурная гегемония позднего капитализма, превращающая критический подход в одну из престижных форм интеллектуального потребления, поставила вопрос о трансгрессивном выходе из этого методологического тупика.

Для преодоления описанного мыслительного затруднения предлагаемая альтернатива должна соответствовать нескольким критериям. В первую очередь, идея должна не быть критикой частных методологических стратегий, дизайна современных исследований. Они приносят результаты в рамках своей постановки вопроса. Но суть в том, что сам вопрос должен быть переформулирован. Несмотря на то, что повседневный опыт человека превратился в поток сменяющих друг друга поверхностных образов, центрирующий их субъект продолжает существовать как константа теории. Калейдоскоп впечатлений может выступать эрзацем свободы и социальности лишь до некоторого предела. Затем, альтернатива должна быть реально важной для общества и человека. В противном случае возникнет вопрос о ее притягательности: проектов и критик антиутопий за последние несколько столетий было произведено немало. Наконец, она не должна быть ангажированной критикой сложившейся ситуации в социально-гуманитарной науке.

Мы предполагаем, что все более широкое обращение к автономии претендует на то, чтобы стать подобным проектом реактуализации философии в гуманистическом ключе, возвращении ее к человеку (Berardi, 2007: 58). Для начала ответим на вопрос, почему социальная автономия стала, собственно, «социальной». Из предыдущего изложения можно было бы заключить, что она должна была бы быть культурной. Такое понятие также существует и может быть применимо для анализа современного общества, но методологически оно располагается внутри доминирующего дискурса конкретных исследований (*studies*), тем самым развивая логику постмодернизма как описательного проекта. Само по себе это не является недостатком, но одновременно и не служит развитию философии как проекта самопознания человека. Не следует забывать, что самопознание – это одновременно взгляд вперед и перспектива, история и созидание, которые лежали в основании философии с древнейших времен (см.: Шпет, 2016).

Социальной автономия становится в результате реактуализации предельно деконструированных структур человеческого опыта прошлого, которые неожиданным образом сохраняют свое значение и сегодня (Пружинин, 2021: 18). Среди них можно перечислить свободу, индивидуальность, агентность. Британский исследователь политической философии Джек Криттенден, анализируя актуальное состояние автономии, замечает, что для того, чтобы говорить об автономии субъекта в политическом контексте, необходимо, чтобы сам субъект знал, что он автономен (Crittenden, 1993: 37). Таким образом, на уровне рефлексии самого человека автономия для него представляется в качестве философского вопроса. Более того, решает возникающие попутно вопросы он на социальном уровне, уровне действия. Культурцентристская парадигма смещает фокус исследования в сторону частных предпочтений, каждое из которых онтологически равноценно, по-

скольку легко сменяется и перетекает из одного в другое. Именно в таком виде культурная логика позднего капитализма определяет методологию исследования современного мира. Основанием этой стратегии становится отождествление логики капитала и логики мира: установив одну, мы сможем объяснить и спрогнозировать все остальное.

Каждая из дисциплин создает свой универсум в рамках неэлиминируемой перформативной составляющей своего методологического аппарата. Если в естественных науках остается – пусть и со множеством оговорок – критерий (не-)соответствия представлений реальности, то в науках социально-гуманитарного профиля, не говоря уже о культурологических или психологических дисциплинах, перформатизм может сильно осложнить задачу исследователя. Философия отстывает ровно в тот момент, когда конкретные дисциплины приобретают абсолютную уверенность в своей достоверности и безальтернативности. Тем не менее и здесь реальность вносит свои коррективы. Для Ф. Берарди, к примеру, путь к пониманию необходимости разработки идеи социальной автономии начался с увлечения марксизмом и с неудовлетворенности частной критикой явлений позднего капитализма.

В своем анализе цифровой среды Берарди показал, что современный мир за разнообразием впечатлений скрывает мощнейшую феноменологическую гомогенизацию пространства человеческой жизни (см.: Берарди, 2019: 183; Berardi, 2007: 68-72). Если абстрактная формула, согласно которой человек должен был превратиться в идеального потребителя, в мире позднего культурного капитализма тем не менее имела множество воплощений, то Берарди вслед за американским социологом Джорджем Ритцером указывает, что современный человек – это «просьюмер» (см.: Ritzer, 2015: 2-3), чье тело адаптируется к потреблению / производству информации на экранах цифровых устройств. На темпоральном уровне этот процесс стремится к тому,

чтобы полностью заполнить собой все пространство человеческой жизни, что превращает ее в полную противоположность автономии. Мы полагаем, что итальянскому философу удалось ухватить самое основание современной апелляции к социальной автономии в контексте, который более привычен для классической политической философии и исследований повседневности.

Согласно логике позднего капитализма, общественно-политическая надстройка должна подстраиваться под задачу максимально возможного воплощения логики накопления капитала. Цифровой капитализм как идея наиболее приближается к естественным пределам существующих человеческих возможностей интенсификации производства / потребления: все время человека – это отчужденное производство, нескончаемое потребление, а само единство этих процессов – отчуждаемая образность, служащая поддержанию капиталистической экспансии в границы субъекта (см.: Берарди, 2019: 47). Автономия становится не только нежелательной, но и фактически опасной для такой картины мира. Привязанность человека к просьюмеризму лежит в плоскости невозможности приостановки машины своих желаний соответствовать плоским образам цифрового капитализма.

Джорджо Агамбен прозорливо заметил, что «... ничто не превращает нас в нищих и не лишает свободы так, как <...> отчуждение неспособности» (Агамбен, 2014: 76). Социальная автономия – это не свобода выбора из предложенных альтернатив, все они слишком погружены в контексты позднего капитализма, но способность приостановки потока действий и впечатлений, приостановки логики интенсификации потребления / производства. На уровне человеческого субъекта это вынесение за скобки своим действием внешнего сконструированного мира дарит иную перспективу, предельно простую и деконструированную, но возвращающую к ответственности за свой выбор. На самом деле, приостановка – это

всегда утрата, потеря потенциала. Но это же верно и для продолжения деятельности, работы. Последнее становится пугающей субъекта максимой, а первое слишком редко рассматривается как ценность. В мире изобилия негативное понимание ценности отказа может значить куда больше, чем накопление того, что никогда не было нам нужно.

В конечном счете, идея социальной автономии состоит в том, что современному субъекту, существующему в мире позднего капитализма, сложно самому найти какую-либо альтернативу актуальному порядку вещей. Предлагаемые возможности отличаются друг от друга на феноменальном, но не на сущностном уровне. В мире «после конца» будущего философия смогла предложить интересный подход к прошлому: социальности человека. Сформировавшийся в позднем капитализме образ жизни превратил социальную автономию не просто в роскошь, но в непозволительную растрату своего времени и сил. Именно такова рамка восприятия приостановки действия, но именно эта приостановка, свобода действовать вне предложенных квантифицируемыми средствами учета паттернов, дарит ощущение способности взять на себя ответственность за свою судьбу.

В завершение остается предложить ответ на часто приводимый аргумент, согласно которому эта «роскошь» избыточна для большинства. Мы полагаем, что в данном случае ее избыточность и делает возможной само существование логики бесконечной интенсификации. Возможно, что в кризисные ситуации обращение к идее (социальной) автономии позволит справиться с тем чувством отчаяния, которое возникает при анализе своего места в мире наличного капиталистического производства и потребления. Таким образом, автономия – это обратная сторона позднего капитализма, его деконструкция, позитивное наполнение которой как практики освобождения предлагает практическая философия.

Литература

Агамбен, Дж. Нагота / пер. М. Лепиловой. М.: Грюндриссе, 2014. 204 с.

Берарди, Ф. Душа за работой = L'anima al lavoro: от отчуждения к автономии / пер. с итал. К. Чекалова. М.: Grundrisse: Грюндриссе, 2019. 315 с.

Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 799 с.

Майкова, Э.Ю., Филиппченкова, С.И. Риски автономии личности в социальной траектории // Власть. 2015. № 3. С. 57-60.

Павлов, А.В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 149-172.

Павлов, А.В. Что нового в новом капитализме? // Социология власти. 2021. Т. 33. № 1. С. 39-63.

Порус, В.Н. Психология в культурно-исторической проекции // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 49-57.

Пружинин, Б.И. Знание в современной культуре (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 3-45.

Пружинин, Б.И., Щедрина, Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 19-26.

Пружинин, Б.И., Щедрина, Т.Г. Методологическое сознание науки в междисциплинарной перспективе: опыт культурно-исторического подхода в психологии // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Часть 1. М.: ИФ РАН, 2013. С. 45-65.

Суриков, И.Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 640 с.

Терборн, Й. От марксизма к постмарксизму? / пер. с англ. Н. Афанасова; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

Харви, Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Шпет, Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы. Реконструкция Т. Щединой / отв. ред.-сост.,

вступ. статья, реконструкция Т.Г. Щедрина; археограф. работа Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина. М.; СПб.: Университетская книга, 2016.

Шпет, Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 19-352.

Berardi, F., Mecchia, G. 2007. Technology and Knowledge in a Universe of Indetermination // SubStance. Vol. 36. № 1. P. 56-74.

Brenkman, J. Mass Media: From Collective Experience to the Culture of Privatization // Social Text. 1984. № 1. P. 94-109.

Christman, J., Autonomy in Moral and Political Philosophy. In: Zalta, E. (ed.) the Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020 [Online] available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/autonomy-moral/> (Accessed 30 October 2021)

Crittenden, J. The Social Nature of Autonomy // The Review of Politics. 1993. Vol. 55. № 1. P. 35-66.

De Haan, I. Filosofie als praktijk. Krisis na 40 jaar // Krisis. 2020. Vol. 40. № 1. P. 48-59.

Foucault, M. Preface to the History of Sexuality. Vol. II. In: Rabinow, R. (ed.) The Foucault Reader. New York: Pantheon Books, 1984. P. 333-339.

Lowrey, A. Why the Phrase “Late Capitalism” Is Suddenly Everywhere? The Atlantic, 2017 [Online] available at: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/05/late-capitalism/524943/> (Accessed 30 October 2021).

Mandel, E. Spätkapitalismus. Berlin: Suhrkamp Verlag, 1972.

Ritzer, G. The “New” World of Prosumption: Evolution, “Return of the Same”, or Revolution? // Sociological Forum. 2015. Vol. 30. № 1. P. 1-17.

Sombart, W. “Die Wandlungen des Kapitalismus”. In: Sombart, W., Lichtblau, K. (Hrsg. Die Modernität des Kapitalismus). Wiesbaden: Springer, 2018. S. 297-312.

Taylor, Ch. Foucault on Freedom and Truth. Political Theory. 1984. Vol. 12. № 2. P. 152-183.

References

Agamben, G. (2014), *Nagota* [Nudita (nudity)], Grundrisse, Moscow, Russia (in Russ.).

Berardi, F. (2019), *Dusha za rabotoy* [L'anima al lavoro (Soul at work)], Grundrisse. Moscow, Russia (in Russ.).

Berardi, F., Mecchia, G., (2007) "Technology and Knowledge in a Universe of Indetermination", *SubStance*, 36 (1) 56-74.

Brenkman, J. (1984), "Mass Media: From Collective Experience to the Culture of Privatization", *Social Text*, 1, 94-109.

Christman, J. (2020), "Autonomy in Moral and Political Philosophy", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, in: Zalta, E. (ed.) [Online] available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/autonomy-moral/> (Accessed 30 October 2021).

Crittenden, J. (1993), "The Social Nature of Autonomy", *The Review of Politics*, 55 (1), 35-66.

De Haan, I. (2020), "Filosofie als praktijk". *Krisis na 40 jaar, Krizis [Krisis]*, 40 (1), 48-59.

Foucault, M. (1984), "Preface to the History of Sexuality", Rabinow, R. (ed.), *The Foucault Reader*, Vol. II, Pantheon Books, New York, 333-339.

Harvey, D. (2021), *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy* [The Condition of Postmodernity. An Inquire into the Origins of Cultural Change], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Jameson, F. (2019), *Postmodernizm, ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism or. the Cultural Logic of Late Capitalism], Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Lowrey, A. (2017), "Why the Phrase "Late Capitalism" Is Suddenly Everywhere? The Atlantic [Online] available at: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/05/late-capitalism/524943/> (Accessed 30 October 2021).

Mandel, E., (1972), *Spätkapitalismus* [Late capitalism], Suhrkamp Verlag, Berlin Germany (in Germ.).

Maykova, E.Yu., Filippchenkova, S.I. (2015), "Risks of the Personal Autonomy in the Social Trajectory", *The Authority*, 3, 57-60 (in Russ.).

Pavlov, A.V. (2018), "The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy", *The Russian Sociological Review*, 17 (3), 149-172. (in Russ.)

Pavlov, A.V. (2021), "What is New in New Capitalism?", *Sociology of Power*, 33 (1), 39-63 (in Russ.).

Porus, V.N. (2011), "Psychology in the Cultural-historical Projection", *Voprosy filosofii*, 7, 49-57 (in Russ.).

Pruzhinin, B.I. (2012), "Knowledge in Contemporary Culture ("Round Table" Materials)", *Voprosy filosofii*, 9, 3-45. (in Russ.).

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2021), "Cultural-historical Epistemology and Perspectives of the Philosophy of Science", *Epistemology & Philosophy of Science*, 58 (2), 19-26 (in Russ.).

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2013), "Methodological Consciousness of Science in Interdisciplinary Perspective", *Poznanie i soznanie v mezhdistsiplinarnoj perspective. Chast' 1* [Cognition and Consciousness in Interdisciplinary Perspective. Part 1], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, 45-65 (in Russ.).

Ritzer, G. (2015), "The "New" World of Prosumption: Evolution, "Return of the Same", or Revolution?", *Sociological Forum*, 30, 1, 1-17.

Shpet, G. G. (2016), *Istoriya kak problema logiki: kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Chast' vtoraya. Arkhivnye materialy. Rekonstruktsiya Tatyany Shchedrinoy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Research. Part II. Archive Materials. Reconstruction by T. Shchedrina], Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Moscow, Russia (in Russ.).

Shpet, G. G. (2010), "Philosophy and Science. Lecture Courses", *Shpet, G.G. Filosofiya i nauka. Lektsionnye kursy* [Philosophy and Science. Lecture Courses], ed. by T.G. Shchedrina, ROSSPEN, Moscow, 19-352, Russia (in Russ.).

Sombart, W. (2018), "Die Wandlungen des Kapitalismus", *Die Modernität des Kapitalismus* [The modernity of capitalism], in: Sombart, W., Lichtblau, K. (ed.), Springer, Wiesbaden, Germany, 297-312 (in Germ.).

Surikov, I.E. (2006), *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia (in Russ.).

Taylor, Ch. (1984), "Foucault on Freedom and Truth", *Political Theory*, 12 (2), 152-183.

Therborn, G. (2021), *Ot marksizma k postmarksizmu?* [From Marxism to Post-Marxism?], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ

Афанасов Николай Борисович, младший научный сотрудник сектора социальной философии, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия; n.afanasov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolay B. Afanasov, Junior Researcher of the Social Philosophy Sector, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; n.afanasov@gmail.com

УДК 316.454.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5

Ананченко А. Б.¹,
Никулин Е. Р.²,
Хардикова А. С.³

**Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии
политического поведения российской молодежи:
ценностно-идеологические ориентации и географическая
дифференциация***

¹Московский педагогический государственный университет, пр-т Вернадского,
д. 88, г. Москва, 119296, Россия; hispol@mpgu.su

²Московский педагогический государственный университет, пр-т Вернадского,
д. 88, г. Москва, 119296, Россия; egor.nikulin.98@bk.ru

³Московский педагогический государственный университет, пр-т Вернадского,
д. 88, г. Москва, 119296, Россия; as_burkut@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению специфики политического поведения российской молодежи в возрасте от 15 до 24 лет. В разрезе цифровой активности, декларируемых ценностных и идеологических ориентаций, приемлемых сценариев политической активности рассматриваются географические особенности проявления сценариев политического поведения. С помощью разработанной нами гибридной методики определена географическая специфика онлайн и офлайн политического поведения данной возрастной категории, а также спрогнозированы наиболее «проблемные» (в краткосрочной перспективе) географические точки.

Ключевые слова: российская молодежь; сетевое пространство; политическое участие; политическое поведение; ценностно-идеологические ориентации; специфика политической активности; цифровое поведение

Для цитирования: Ананченко А.Б., Никулин Е.Р., Хардикова А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 55-70. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5

A. B. Ananchenko¹,
E. R. Nikulin²,
A. S. Khardikova³

**The specifics of digital activity and acceptable scenarios
of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations
and geographical differentiation***

¹Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia;
hispol@mpgu.su;

²Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia;
egor.nikulin.98@bk.ru;

* Статья написана в рамках реализации исследовательского проекта «Треки 2024: прогнозирование политического выбора молодых избирателей», осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ (проект № 21-011-31891 опн, 2021).

* The research project "Tracks 2024: Predicting the Political Choice of Young Voters" was funded by RFBR, project number 21-011-31891 opn, 2021.

³Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia;
as_burkut@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the specifics of the political behavior of Russian youth between the ages of 15 and 24. In the context of digital activity, declared value and ideological orientations, acceptable scenarios of political activity, geographical features of the manifestation of scenarios of political behavior are considered. With the help of the hybrid methodology developed by us, the geographical specifics of online and offline political behavior of this age category are determined, and the most "problematic" (in the short term) geographical points are predicted.

Keywords: Russian youth; network space; political participation; political behavior; value-ideological orientations; specifics of political activity; digital behavior.

For citation: Ananchenko A.B., Nikulin E.R., Khardikova A.S. (2022), "The specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations and geographical differentiation", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 55-70, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5

Введение

На протяжении всего постсоветского периода отмечается активное применение неконвенциональными политическими акторами технологий дестабилизации социально-политического пространства в Российской Федерации. Одной из целей в контексте этих процессов является вовлечение молодых людей (в возрасте 15–24 лет) в деструктивную деятельность политической направленности не только через форматы офлайн-участия, но и с активным применением сетевых платформ. Определение территорий (местности, исходя из числа жителей населенного пункта) и регионов (согласно административному делению), где молодежь является носителем и наиболее подвержена воспроизведению дестабилизирующей политической активности, а также идеологических ориентаций, проецирующих такую активность, является одной из ведущих задач по противодействию распространению неконвенциональных политических практик. Выявление доминирующих ценностных ориентиров и моделей политического поведения позволяет определить перспективы участия молодых граждан в позитивной политической активности с учётом территориальной и региональной специфики.

Теоретическим объектом настоящего исследования являются цифровое и политическое поведение российской молодежи с учетом ценностно-идеологических ориентаций.

Предмет исследования – географическая специфика цифрового и приемлемых сценариев политического поведения российской молодежи (в возрасте 15–24 лет) и их соотношение с идеологическими и ценностными предпочтениями в динамике с 2011 года.

Эмпирический объект исследования включает в себя анкеты 522 респондентов, 243 аккаунта пользователей в изучаемой возрастной категории и данные релевантных цифротоков (N=921484).

Цель исследования состоит в выявлении региональных и территориальных особенностей цифрового и приемлемых сценариев политического поведения российских пользователей в возрастной категории от 15 до 24 лет в рамках их включенности в политические процессы с учетом идеологически-ценностных предпочтений, а также трансформации данных особенностей в течение времени с 2011 по 2021 гг.

Теоретическая база исследования включает две группы работ, что позволяет разносторонне раскрыть теоретический

объект настоящего исследования и сформировать валидный инструментарий в виде новой гибридной модели методики.

Первая группа направлена на выявление специфики политической коммуникации в сетевом пространстве и влиянию сетевых технологий на преобразование политической действительности и состоит из работ М. Кастельса (Кастельс, 1996), Г. Рейнгольда (Рейнгольд, 2006), П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер и Лукман, 1995), С. Грина (Грин, 2012), Дж. Томпсона (Томпсон, 2000).

Вторая группа исследований посвящена изучению политической активности молодежи, ее цифрового поведения в рамках политической коммуникации, а также ценностных ориентаций граждан РФ в возрасте до 25–30 лет и включает в себя работы Е.В. Бродовской (Бродовская, 2019; 2020), А.Ю. Домбровской (Домбровская, 2019; 2020), Т.В. Евгеньевой и В.Д. Нечаева (Евгеньева, Нечаев, 2014), Р.В. Пырмы (Пырма, 2020) и А.Ю. Станевича (Станевич, 2018).

Методологически исследование опирается на два ключевых подхода – сетевой и неоинституциональный (его когнитивную версию). Это позволяет нам анализировать объектно-предметную область с точки зрения взаимного влияния онлайн- и офлайн-компонентов на политической среде, а также учесть существенное значение эмоциональной составляющей в политическом поведении данной возрастной категории.

Методика данного исследования носит гибридный характер и состоит из следующих методов сбора и анализа эмпирического материала: *массовый онлайн-опрос* граждан Российской Федерации в возрасте от 15 до 24 лет (N=522), *комплексный социально-медийный анализ* профилей пользователей в возрастной категории 15-24 лет (N=243) и ретроспективный *автоматизированный социально-медийный анализ* релевантных цифротоков (N=921484).

Выбор нами *возрастных показателей* (15-24 года) обусловлен тем, что в этом возрасте происходит политическая социализация молодых людей через усвоение определенных идеологически-ценностных ориентаций, а также первый опыт политического участия. Показатели сегментированы в равной пропорции (15-17 лет и 18-24 года) по формально-юридической границе получения политических прав; верхняя граница обусловлена формальной возможностью участия минимум в одном электоральном цикле на территории проживания.

При использовании всех методов сбора данных соблюдались принципы территориальной дифференциации (респондентов / пользователей) на три группы: проживающие в населенных пунктах с более 500 тыс. жителей (крупный город), от 100 тыс. до 500 тыс. жителей (средний город) и менее 100 тыс. жителей (малый город) (далее представлены как Тип 1, Тип 2, Тип 3). Подобного рода разграничение объясняется специфичностью коммуникативной среды как в онлайн, так и в офлайн-пространстве.

Выборочная совокупность *онлайн-опроса* составляет 522 респондента (при погрешности не более 4,29 % при доверительной вероятности 95 %), отобранных нами в рамках квот относительно территориального и возрастного параметров в равной пропорции. Структура опроса (вопросы и варианты ответа см. в табл. 1, 1-й и 2-й столбцы) сформирована по следующей схеме: определение каналов и круга политической коммуникации молодых людей, референтные проблемы политического, социального или экономического характера, пути их решения с разной степенью конвенциональности, а также предполагаемая оценка уровня удовлетворенности ситуацией в Российской Федерации через пять лет, что в совокупности с относительно высокой долей вероятности позволит нам определить готовность участия респондентов в политической деятельности.

Методы *социально-медийного анализа* реализовывались в сети «ВКонтакте» в

силу ее популярности среди разнообразных групп молодежи (Социальные сети..., 2021), а также постоянного роста ее аудитории, в том числе и в рамках изучаемой нами возрастной категории (Медиапотребление в России..., 2021). Проведение исследования на данной площадке также обусловлено широким спектром инструментов автоматизированной социально-медийной аналитики, что позволяет более детально изучить особенности релевантных профилей и цифротоков.

Объектом комплексного социально-медийного анализа являются 243 профиля, отобранных в сообществах, продуцирующих аполитичный или политический контент с той или иной идеологической направленностью.

Данные анализировались в рамках *дискурс-анализа* (параметры и значения см. в табл. 2 и 4: «идеологические предпочтения профиля», «цифровое поведение профиля», «тематические особенности потребляемого контента») и *метода социального графа* (представлен в строках табл. 2 «плотность связей аудитории профиля»¹ «географические особенности аудитории профиля»; количественные и качественные показатели см. в табл. 5; инструмент – специальное программное обеспечение). Данная гибридизация позволяет нам отпортретировать пользователя по его цифровому поведению, идеологически-ценностной ориентации и выявить специфику его аудитории, различая «лидеров», «активистов» и «активных вовлеченных».

Необходимо указать особенности ряда производных параметров. Так, дифференциация «идеологические предпочтения» осуществлялась исходя из самоидентификации пользователей² (поскольку они потребляют контент сетевых агентов с ярко выраженной идеологической ориентацией,

что указано в разделе «Информация» релевантного сообщества) и принимает три значения: «левые» (преимущественно сторонники коммунистических и социалистических взглядов), «либералы» (преимущественно сторонники либеральной демократии и ценностей, транслируемых прозападно ориентированными политическими акторами) и «националисты» (преимущественно сторонники идей русского национализма) при разной степени конвенциональности.

Отметим, что определить приемлемые формы политического участия профиля не удалось, поскольку потребляемый контент в большинстве случаев носит как конвенциональный, так и неконвенциональный характер (подписаны как на деструктивные, так и конструктивные сообщества).

Параметр «Цифровое поведение профиля» определялся исходя из следующих ролей: «лидер» – пользователь, являющийся администратором сообщества и продуцирующий контент политического характера; «активист» – пользователь, продуцирующий контент политического характера на аудиторию своего профиля; «активный вовлеченный» – пользователь-репостер контента политического характера, «пассивный вовлеченный» – потребитель контента политического характера и «обыватель-зритель» – аполитичный пользователь.

Вес цифротока, полученного при реализации *ретроспективного автоматизированного социально-медийного анализа* (инструмент – IQ Buzz), равен 921484 исследовательским случаям, дифференцированным по параметрам возрастной и региональной принадлежности.

Словарь поисковых запросов был построен по результатам дискурс-анализа на основании выявленного семантического ядра и речевых паттернов релевантного контента. Релевантный цифротоковый был

¹ Отношение числа связей между друзьями профиля к числу его друзей. Характеризует коммуникативную среду аудитории «лидеров и активистов» (чем выше показатель, тем она плотнее)

² На основании указанной идеологической направленности в описании сетевого агента, выявленного в сообществах «ВКонтакте», где доля аудитории релевантного возраста превышала 50 % от общего числа подписчиков.

структурирован в соответствии с параметром «идеологические предпочтения» (рубрики: «Левые», «Либералы», «Националисты»), а также по степени одобрения деятельности руководства Российской Федерации (рубрики: «Провластная», «Оппозиционная» (конвенциональная), «Протестная» (неконвенциональная) с учетом хронологии выборок (2011, 2013, 2015, 2017, 2019, 2021 годы). Возрастные особенности релевантного цифротока учитывались для определения погрешности выявленного сегментирования цифротока по субъектам Российской Федерации, которая не превышает 5 % по формируемым нами выборкам.

Основная часть

Анализ эмпирической базы проводился с помощью *осевого, кросс-табуляционного* (инструмент: SPSS Statistic) и *дискурс-анализа*.

По итогам анализа были получены следующие **результаты**.

Данные *массового онлайн-опроса* (см. табл. 1) показывают, что респонденты в большинстве своем демонстрируют горизонтальные коммуникационные стратегии посредством социальных сетей и доминирующую микросоциальность и декларируют преимущественно конвенциональное политическое поведение.

Для респондентов всех типов населенных пунктов наиболее приемлемым каналом политической коммуникации являются социальные сети, а референтной группой для обсуждения новостей политического характера – друзья (преимущественно) и семья. Подобного рода ситуация указывает на горизонтальную модель политической коммуникации, при которой политическая социализация и передача политического опыта переходит не от институтов или агентов конвенциональных политических акторов (например, депутатов местных законодательных собраний), а от лиц в круге личного общения.

В качестве ключевых проблем современной Российской Федерации респонденты выделили «личную безопасность»,

«рост цен» и «обнищание населения». Полагаем, что данные результаты следует рассматривать с точки зрения приверженности опрашиваемых преимущественно микросоциальным ценностям, в том числе через проекцию проблемы («рост цен») на себя. Это свидетельствует о влиянии негативного социально-экономического аспекта, который при определенных обстоятельствах может быть триггером и / или конвертирован в политические требования и действия.

Это соотносится с высоким уровнем социального пессимизма – большинство респондентов (независимо от типа населенных пунктов) отмечает, что жизнь в РФ через 5 лет ухудшится (37 %; 33 %; 38 %) либо останется на прежнем уровне (25 %; 24 %; 26 %).

В то же время большинство респондентов отмечают в качестве приемлемых конвенциональные методы политической активности: участие в выборах и в деятельности политической партии. Значительное превалирование первого варианта ответа (более 50 % во всех группах респондентов) может свидетельствовать о том, что их политическое участие для разрешения обозначенных проблем ограничивается только реализацией собственного активного избирательного права.

Распределение ответов об уместности нарушения закона показывает территориальную дифференциацию. Несмотря на высокую степень лоялизма (процент выбора варианта «всегда нужно соблюдать» варьируется от малых населенных пунктов к крупным – 59 %; 46 %; 37 %) и на преобладание микросоциальных ценностей, нарушение закона считается возможным, если это «не наносит ущерб обществу». Данная тенденция усиливается от малых населенных пунктов к крупным (25 %; 26 %; 38 %), где оба варианта практически сравниваются. Подобного рода ситуация свидетельствует о потенциале деструктивного поведения в рамках политической активности в крупных городах при их вовлечении в цифровую повестку неконвенциональных акторов.

Таблица 1. Результаты массового онлайн-опроса
 Table 1. Results of a massive online survey

Вопрос респондентам / Question to respondents	Варианты ответа / Answer options	1 тип / first kind (%)	2 тип / second kind (%)	3 тип / the third kind (%)
Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о происходящем в стране и мире? (до трех вариантов ответа)	социальные сети (ВК, Twitter и др.)	87	84	90
	видеоролики в сети (YouTube, TikTok, и др.)	8	8	3
	каналы и чаты в Telegram	1	2	2
	отдельные сайты	1	1	0
	Телевидение	2	2	3
	печатные СМИ	1	2	1
	личное общение	0	1	1
С кем Вы чаще всего обсуждаете новости и иную информацию о происходящем в стране и мире? (до трех вариантов ответа)	с друзьями	82	68	77
	с семьей	8	15	14
	с одноклассниками / коллегами по работе	2	8	3
	не обсуждаю ни с кем	8	9	6
Какие проблемы в современной России Вас больше всего волнуют? (до трех вариантов ответа)	личная безопасность	35	37	30
	рост цен	27	26	36
	бедность, обнищание населения	18	28	19
	коррупция, взяточничество	7	1	3
	социальное неравенство, несправедливость	5	4	6
	неэффективная социальная инфраструктура	7	3	5
	ограничения гражданских прав и свобод, цензура	1	1	1
Какие методы политической активности Вы в принципе считаете допустимыми? (до трех вариантов ответа)	участие в выборах	67	52	64
	участие в деятельности политической партии	19	18	18
	участие в реализации политических реформ	1	3	1
	участие в акциях протеста	1	4	2
	участие в революционных действиях	1	3	1
	затрудняюсь ответить	11	20	14
В каких случаях Вы считаете допустимым нарушение законов?	законы необходимо соблюдать всегда	37	46	59
	когда это близко моим взглядам и позиции	7	6	5

Вопрос респондентам / Question to respondents	Варианты ответа / Answer options	1 тип / first kind (%)	2 тип / second kind (%)	3 тип / the third kind (%)
(один вариант ответа)	когда это не наносит ущерба обществу	38	26	25
	когда эти законы никто не соблюдает	3	2	3
	затрудняюсь ответить	15	20	8
Как Вы думаете, жизнь в России через 5 лет..? (один вариант ответа)	улучшится/скорее улучшится	18	17	16
	останется неизменной	25	24	26
	скорее ухудшится/ухудшится	37	33	38
	затрудняюсь ответить	20	26	20

Результаты комплексного социально-медийного анализа профилей (представлены в табл. 2) показывают, что пользователи (практически вне зависимости от идеологических ориентаций и типов населенных пунктов) потребляют преимущественно развлекательный контент. Минимальные показатели (64 % и 72 %) характерны для «националистов» крупных и малых городов в сочетании с политической повесткой, 73 % – для «либералов» крупных городов в сочетании с «волонтерской» повесткой (18 %). Это свидетельствует о крайне низкой степени использования ими сетевого пространства как площадки для постоянного продуцирования и трансляции политических ценностей и идей при декларируемой политической позиции. Однако такая латентность (в сочетании оппозиционным контентом (6-18 %) и социальным пессимизмом) может привести к быстрой и масштабной конвертации аполитичного сетевого поведения в деструктивную активность.

Половая структура аудитории имеет зависимость от идеологически-ценностных ориентаций, но не от территории: «левые» и «националисты» характеризуются превалированием мужского пола, а «либералы» сбалансированы, что, с нашей точки зрения, связано с дискурсивной по-

весткой, транслируемой либеральными сетевыми агентами (например, проблематика домашнего насилия над женщинами).

«Цифровое поведение профиля» показывает зависимость от места проживания.

Для профилей, владельцы которых проживают в населенном пункте с населением более 500 тыс. человек, отмечается достаточно высокая доля «лидеров» (у «либералов» и «националистов»), существенный процент, занимаемый «активистами» и «активными вовлеченными», что свидетельствует о высокой степени политической активности в процессе политической коммуникации в рамках данных идеологических направлений. Примечательно, что среди аполитичных пользователей 25 % являются ретрансляторами политической повестки, которая, однако, не носит ярко выраженный идеологически-ценностный характер, но протестно окрашена.

Особенностью аккаунтов, владельцы которых проживают в городе средней величины, следует считать отсутствие «лидеров» и низкий процент «активистов». Большинство из исследовательских случаев в рамках данной квоты являются активными или пассивными вовлеченными, что свидетельствует об отсутствии потенциалов на формирование собственной дискурсивной повестки, способной конвертироваться в офлайн-среду. Несколько иная ситуация у

«националистов»: существенная доля «активистов» свидетельствует о возможности расширения и проявления националистических воззрений в населенных пунктах средней величины. Также примечательно, что среди аполитичных аккаунтов существенная часть является политическими активистами, транслирующими антиправительственную точку зрения.

Для малых городов также характерна существенная доля «лидеров» (у «националистов» и «аполитичных») и «активистов» (у «левых» и «националистов»), что свидетельствует о высокой степени включенности в политическую повестку в определенном идеологически-ценностном направлении. Однако большая часть профилей является сугубо потребителями политического

контента, что является схожим для всех исследуемых нами типов населенных пунктов.

Параметры «Плотность» и «География» (количественный показатель) целесообразно рассматривать в совокупности: высокие показатели сравнительно с прочими демонстрируют «националисты» крупных и малых населенных пунктов, что дает основания рассматривать данную идеологическую направленность в качестве перспективной. «Либералы» и «левые» в разной степени успешны в разных городах, однако их показатели в большинстве случаев сравнения примерно схожи: ожидать существенного резкого географического расширения данных идеологически-ценностных ориентаций не следует.

Таблица 2. Результаты комплексного социально-медийного анализа профилей
 Table 2. Results of a comprehensive social media analysis of profiles

Параметр / Parameter	Значения / Values	1 тип / first kind (%)				2 тип / second kind (%)				3 тип / the third kind (%)			
Идеологические предпочтения профиля (1 – «левые», 2 – «либералы», 3 – «националисты», 4 – аполитичные) / Ideological preferences of the profile (1 – "left", 2 – "liberals", 3 – "nationalists", 4 – apolitical)		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Пол (%) / Gender (%)	Мужчины / Men	78	55	76	69	82	58	79	61	76	67	73	75
	Женщины / Women	22	45	24	31	18	42	21	39	24	33	27	25
Цифровое поведение профиля (%) / Profile digital be- havior (%)	Лидер / Leader	0	8	3	0	0	0	0	0	0	0	7	6
	Активист/Activist	11	0	21	0	0	0	12	7	17	0	3	0
	Открытый вовлеченный / Open involved	10	0	9	6	22	34	11	0	11	17	15	0
	Скрытый вовлеченный / Hidden in- volved	79	92	67	25	78	66	77	27	72	83	75	0

Параметр / Parameter	Значения / Values	1 тип / first kind (%)				2 тип / second kind (%)				3 тип / the third kind (%)			
	Зритель-обы- ватель / Spec- tator-philistine	0	0	0	69	0	0	0	66	0	0	0	94
Тематиче- ские осо- бенности потребляе- мого кон- тента / Thematic features of the content consumed	Волонтерство / Volunteering	0	18	3	0	0	0	0	0	0	0	4	0
	Провластная / Pro-govern- ment	0	0	6	1	6	0	0	0	0	0	0	0
	Оппозицион- ная / Opposition	6	9	18	5	6	11	6	0	14	0	8	0
	Развлекатель- ная / Entertaining	94	73	64	94	88	89	88	95	86	89	72	83
	Бытовая / Household	0	0	6	0	0	0	6	0	0	0	0	3
	Местная / Local	0	0	3	0	0	0	0	5	0	11	16	14
Плотность связей аудитории профиля / Density of the pro- file audience links		4,9	7,1	10,4	17,3	3,2	3,3	3,9	4,7	9,3	5,2	8,1	5,1
Географические особен- ность аудитории профиля (кол.) / Geographic feature audience profile (number)		34	36	87	137	21	28	23	30	43	19	39	21

В табл. 3 и 4 представлена динамика долевого соотношения релевантного цифротока, дифференцированного по субъектам Российской Федерации. Стоит отметить, что используемый нами инструмент формирует выгрузку сугубо по административному формату, без деления на населенные пункты в рамках региона.

Итак, подавляющее большинство во всех идеологических сегментах составляют жители субъектов РФ с центрами, население которых превышает 500 тыс. человек. Это показывает, что политическая коммуникация преимущественно проходит именно в первом типе населенных пунктов.

Москва демонстрирует роль «идеологического» центра для всех идеологических сегментов, производя от 30 до 50 % цифротока. При этом для конкретных сегментов ее вес от 2011 к 2021 году меняется: для

«левых» характерен спад (с 49 % до 34 %), для «либералов» – рост с последующим спадом (29 % в 2011; 43 % в 2015; 33 % в 2021), равно как и для националистов (48 % в 2013; 33 % в 2021).

Наибольшую динамику роста в «левом» сегменте цифротока демонстрируют Санкт-Петербург (с 8 % в 2011 г. до 27 % в 2021), Свердловская, Челябинская и Самарская области, а также Краснодарский край. Именно эти субъекты можно рассматривать в качестве современного российского «красного пояса».

Рост весового параметра цифротока либеральной направленности характерен для Санкт-Петербурга, Новосибирской, Челябинской и Самарской областей. Данные субъекты можно рассматривать с точки зрения «опасных», поскольку масштабные

неконвенциональные акции протеста за последнее десятилетие организовывались преимущественно акторами с либеральными идеологическими ориентациями.

Националистический дискурс увеличился в объеме в Санкт-Петербурге, Республике Коми, Свердловской, Ростовской и Самарской областях. Данные регионы можно рассматривать в качестве наиболее

подверженных включению в социальную и политическую повестку деструктивных националистических поведенческих моделей.

Можно сказать, что Санкт-Петербург в цифровом пространстве выходит на вторую позицию производства и ретрансляции политического контента в молодежной среде.

Таблица 3. Дифференциация релевантного цифротока по регионам Российской Федерации (идеологический аспект)
Table 3. Differentiation of relevant digital traffic by regions of the Russian Federation (ideological aspect)

	Регион (% от веса цифротока) / Region (% of digital traffic weight)	2011	2013	2015	2017	2019	2021	2023 прогн. / forecast	2025 прогн./ forecast
«Левые» / "Left",	Москва	49	45	42	40	35	34	30	27
	Санкт-Петербург	8	17	24	25	26	27	30	33
	Московская область	6	6	5	5	6	5	5	5
	Свердловская область	0	5	5	6	6	6	7	8
	Челябинская область	0	0	0	0	4	4	6	7
	Новосибирская область	4	4	4	4	4	4	5	5
	Краснодарский край	0	0	4	4	5	5	7	7
	Пермский край	7	6	4	0	0	5	2	1
	Нижегородская область	6	4	0	4	0	4	1	2
	Самарская область	0	4	3	4	5	4	5	6
	Ростовская область	0	0	5	4	5	0	3	3
	Остальные субъекты	20	9	4	4	4	2	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-
«Либералы» / "Liberals"	Москва	29	41	43	40	35	33	32	34
	Санкт-Петербург	13	20	26	24	26	28	30	33
	Свердловская область	5	4	3	6	6	7	8	8
	Новосибирская область	0	0	4	4	4	6	7	8
	Московская область	13	7	5	5	5	5	4	3
	Краснодарский край	11	7	5	5	5	5	4	3
	Челябинская область	0	0	0	5	5	5	8	9
	Самарская область	0	4	0	4	4	4	3	6
	Нижегородская область	8	4	3	0	3	4	4	3
	Ростовская область	0	6	4	3	5	0	1	0
	Остальные субъекты	21	7	7	4	2	3	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-
«Н ац	Москва	41	48	42	39	37	33	31	28
	Санкт-Петербург	19	23	21	22	26	25	27	28

	Регион (% от веса циф- ропотока) / Region (% of digital traffic weight)	2011	2013	2015	2017	2019	2021	2023 прогн. / forecast	2025 прогн./ forecast
	Республика Коми	0	0	0	0	0	8	6	8
	Астраханская область	10	0	0	0	0	5	5	6
	Краснодарский край	5	3	6	5	5	5	6	5
	Нижегородская область	6	3	0	4	4	4	5	6
	Свердловская область	0	5	6	7	5	5	6	6
	Ростовская область	3	3	5	6	5	5	6	6
	Московская область	3	5	5	5	6	4	5	5
	Самарская область	0	3	3	4	4	4	5	5
	Остальные субъекты	13	7	12	8	8	2	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-

Как видно из данных табл. 4, наибольшую положительную динамику провластный цифроток демонстрирует в Санкт-Петербурге, Новосибирской и Самарской областях, а также в Краснодарском крае.

Преимущественно оппозиционные регионы: Санкт-Петербург, Свердловская и Челябинская области, а также Республика Коми. Примечательно, что всплеск оппозиционной активности в Свердловской и Челябинской областях коррелируется с увеличением доли «левого» потока, а в Республике Коми – националистического. Подобного рода ситуация, на наш взгляд, свидетельствует о ценностно-идеологической ориентации сетевых агентов региональных политических акторов и о запросе населения на изменения социально-экономического и политического пространства в рамках той или иной идеологической концепции.

Высокие темпы роста неконвенционального цифрового потока демонстрируют Санкт-Петербург, Челябинская, Новосибирская и Свердловская области. Следует отметить, что имеет место пересечение регионов оппозиционного и неконвенционального цифроток, что свидетельствует о взаимной связи конструктивной и деструктивной повестки (динамика по доле цифроток региона в общем информационном потоке). Отдельного комментария

заслуживает Новосибирская область, жители которой продуцируют существенную долю провластного цифроток: подобного рода ситуация, с нашей точки зрения, объясняется активностью провластных медийных агентов по купированию протестного потенциала региона.

Пользователи Москвы снижают объем релевантного цифроток во всех рубриках, а Санкт-Петербург, напротив, увеличивает его, что свидетельствует о постепенном переходе коммуникативного политического центра из Москвы преимущественно в Санкт-Петербург и иные регионы с административными центрами с населением более 500 тыс. жителей.

Поскольку цель исследования состояла в выявлении тенденций, то считаем необходимым проанализировать не только трансформацию территориальных и региональных характеристик цифрового потока и приемлемых сценариев политического поведения и идеологически-ценностных ориентаций молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, но и сформировать *прогнозную* составляющую выявленных нами тенденций в условиях стабильности социально-экономического и политического пространства Российской Федерации (именно в данных условиях есть возможность исходить из инерционности предпочтений молодых людей при реализации прогнозной части исследования).

Таблица 4. Дифференциация релевантного цифрового потока по регионам Российской Федерации (отношение к власти)
Table 4. Differentiation of relevant digital traffic by regions of the Russian Federation (attitude to authorities)

	Регион (% от веса цифрового потока) / Region (% of digital traffic weight)	2011	2013	2015	2017	2019	2021	2023 прогн. / forecast	2025 прогн. / forecast
Проправительственный цифровой поток / Pro-government digital flow	Москва	49	46	40	41	33	34	28	27
	Санкт-Петербург	18	19	25	23	23	23	25	25
	Краснодарский край	4	4	5	5	7	7	9	9
	Московская область	5	5	5	5	6	6	6	7
	Свердловская область	4	5	5	6	6	6	7	7
	Ростовская область	4	6	5	5	6	5	5	5
	Новосибирская область	0	0	4	0	5	5	7	6
	Самарская область	0	0	0	0	5	5	6	8
	Челябинская область	3	4	4	4	5	5	5	6
	Остальные субъекты	13	11	7	11	4	4	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-
Оппозиционный конвенционный цифровой поток / Oppositional conventional digital stream	Москва	46	45	43	42	33	34	29	28
	Санкт-Петербург	23	24	24	22	25	25	25	25
	Свердловская область	4	5	6	6	7	7	8	8
	Челябинская область	0	0	0	4	6	5	8	9
	Московская область	5	5	5	5	5	5	5	5
	Краснодарский край	3	4	4	5	5	5	6	6
	Новосибирская область	4	3	4	4	5	5	6	6
	Республика Коми	0	0	0	0	0	4	4	5
	Самарская область	3	3	3	4	5	5	6	6
	Ростовская область	4	5	5	4	5	4	4	4
	Остальные субъекты	8	6	6	4	4	1	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-
Оппозиционный неконвенционный цифровой поток / Opposition unconventional digital stream	Москва	49	48	43	40	38	33	30	27
	Санкт-Петербург	22	25	25	25	27	29	30	31
	Свердловская область	4	4	4	5	5	6	6	7
	Московская область	5	5	6	6	5	6	5	6
	Челябинская область	0	0	4	4	5	5	7	7
	Краснодарский край	4	4	3	4	5	4	5	5
	Нижегородская область	6	4	4	4	4	4	4	4
	Самарская область	5	4	4	3	4	3	4	3
	Новосибирская область	4	5	6	6	6	7	7	8
	Остальные субъекты	1	1	1	3	1	3	-	-
	Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	-	-

С помощью методов *экстраполяции тренда* и *социального графа* нами спрогнозированы региональные особенности цифротоков разной идеологической направленности на краткосрочную перспективу. Отметим, что, исходя из результатов ретроспективного *автоматизированного социально-медийного анализа*, существенно преобладающая доля релевантного цифротока формируется в субъектах с административными центрами, население которых превышает 500 тыс. человек. Следовательно, предпосылок для территориального «сдвига» в населенные пункты средней и малой величины нами в рамках настоящего исследования выявлено не было. Поэтому региональный параметр тенденции при прогнозировании выявленных особенностей является единственным.

Отметим, что динамика долевого соотношения релевантных цифротоков, описанных нам в табл. 3 и 4, указывает на дальнейшее усиление идеологических настроений в выявленных регионах с тенденцией роста «левых», «либеральных» и «националистических» настроений в 2023 и 2025 годах. Также тенденция существенного роста провластного цифротока отмечается в Самарской области, Краснодарском крае и Санкт-Петербурге, а субъекты РФ, продуцирующие оппозиционные и неконвенциональные цифротоки, по большей части схожи, и наиболее «опас-

ными» регионами в плане протестной активности в краткосрочной перспективе следует считать Санкт-Петербург, Свердловскую и Челябинскую области.

Итак, судя по данным табл. 5 (параметр «География» (кач.)), к регионам, способным превратиться в новый «красный пояс» (Санкт-Петербург, Свердловская, Челябинская и Самарская области), примыкают Тюменская, Омская, Архангельская, Курская, Белгородская и ряд иных областей.

Более скромные перспективы регионального распространения у «либеральных» дискурсов: помимо выявленных субъектов в рамках автоматизированного социально-медийного анализа, в число регионов с повышенным неконвенциональным поведением могут войти Республика Калмыкия и Тюменская область.

Наиболее широкие географические рамки роста характерны для националистического цифротока, поскольку плотность связей и число населенных пунктов «лидеров», «активистов» и «открытых вовлеченных», разделяющих ценности данной идеологии, указывают на более эффективную структуру политической коммуникации. Следовательно, рост весового параметра националистического цифротока следует ожидать в Брянской, Смоленской, Курской, Белгородской, Воронежской, Иркутской, Томской, Омской областях, а также в Пермском крае.

Таблица 5. Результаты комплексного социально-медийного анализа (географически качественный показатель)

Table 5. The results of a comprehensive socio-media analysis (geographically qualitative indicator)

Географические особенности аудитории (кач.) / Geographical features of the audience (qual.)	Населенные пункты с количеством друзей более 10 % от общего числа друзей профиля / Localities with more than 10 % of the total number of friends on the profile		
«Левые» / "Left"	Новосибирск, Чита, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Москва, Тюмень, Омск, Архангельск	Екатеринбург, Иваново, Курск, Белгород, Калининград, Таганрог, Москва	Колпашево, Томск, Москва, Гродно, Минск, Омск, Новосибирск, Казань, Волгоград

Географические особенности аудитории (кач.) / Geographical features of the audience (qual.)	Населенные пункты с количеством друзей более 10 % от общего числа друзей профиля / Localities with more than 10 % of the total number of friends on the profile		
«Либералы» / "Liberals"	Самара, Москва, Санкт-Петербург, Тольятти	Москва, Санкт-Петербург, Элиста, Миасс	Екатеринбург, Москва, Тюмень, Новосибирск
«Националисты» / "Nationalists"	Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Пермь, Минск, Омск, Воронеж, Москва, Белгород, Томск	Москва, Санкт-Петербург, Томск, Брянск, Белгород	Витебск, Москва, Санкт-Петербург, Минск, Могилев, Смоленск, Омск, Иркутск, Воронеж
«Аполитичные» / "Apolitical"	Томск, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Кемерово, Киев	Таганрог, Москва	-

Заключение

По результатам исследования нами сделаны следующие **выводы**:

- каналы политической коммуникации и ее референтные группы, а также ключевые проблемы Российской Федерации и приемлемые методы политического участия для их разрешения практически идентичны для всех респондентов, независимо от их места жительства;

- ролевое соотношение вовлеченных в контент той или иной идеологической направленности несколько отличается в населенных пунктах с разной численностью населения: крупные города характеризуются высокой долей «лидеров» и «активистов», что дает основания рассматривать крупные города в качестве перспективных для конвертации деструктивной онлайн-деятельности в офлайн;

- большая часть релевантного информационного потока формируется в регионах с крупными городами, численность населения которых выше 500 тыс. человек;

- Москва сохраняет роль идеологического центра для всех сегментов, производя более трети цифрового потока, а Санкт-Петербург занимает второе место, производя более четверти, однако доля Москвы неуклонно сокращается, что свидетельствует об усилении региональных центров влияния;

- «либеральный» дискурс остается и, с высокой долей вероятности, останется в перспективе преимущественно «столичным» (основные города – Москва и Санкт-Петербург), а «левый» и «националистический» носят более «провинциальный» характер и имеют широкие перспективы для успешного распространения в иных регионах;

- наиболее подверженной риску вовлечения в неконвенциональную политическую активность является молодежь Свердловской и Челябинской областей, а наиболее провластно ориентированные граждане в возрасте 15-24 лет проживают в Самарской области и Краснодарском крае.

В качестве перспектив исследования следует наметить реализацию методов расширенного ивент-анализа для выявления причин изменчивости долевого соотношения веса релевантного цифрового потока в рамках его дифференциации по субъектам Российской Федерации и выявление причин данной тенденции, а также глубинные интервью «лидеров», «активистов» и «активных вовлеченных» для формирования пула мотивационных установок, сегментированных по ценностно-идеологическим ориентациям, способствующим включению данных личностей в политическую деятельность.

Литература

Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю., Парма, Р.В., Азаров, А.А. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде // *Власть*. 2019. № 1. С. 91-95.

Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю., Парма, Р.В., Азаров, А.А., Карзубов, Д.Н. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019. Т. 14. № 1. С. 37-58.

Бродовская, Е.В., Тюков, Н.А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 2. С. 199-204. DOI 10.31171/vlast.v28i2.7157.

Грин, С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети, мобилизация // Republic. 2012. 12 мая. [Электронный ресурс] URL: <https://republic.ru/posts/23041> (дата обращения: 29.12.2021)

Домбровская, А.Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // *Власть*. 2020. № 2. С. 51-58.

Евгеньева, Т.В., Нечаев, В.Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // *Ценности и смыслы*. 2014. № 1. С. 7-21.

Медиапотребление в России – 2021. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. Москва, сентябрь 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2021.pdf> (дата обращения: 20.01.2022)

Пырма, Р.В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России // *Власть*. 2020. № 6. С. 46-54.

Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ГРАНД: Фаир пресс; 2006. 415 с.

Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021. Brand Analytics [Электронный ресурс] URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 20.01.2022);

Станевич, А.Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности / *Вестник Московского университета*. 2018. Т. 24. № 4. С. 256-274.

Castells, M. The Rise of the network society [Online] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).

Thompson, J.B. Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age. Cambridge: Polity, 2000. 336 p.

References

Berger, P. & Lukman, T. (1995), *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge], transl. by E.D. Rutkevich, Medium, Moscow, Russia (in Russ.).

Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Parma, R. V. and Azarov, A. A., (2019), "Readiness of modern Russian youth to implement civic and political activism in the digital environment", *Vlast' [Authority]*, 1, 91-95 (in Russ.).

Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Parma, R. V., Azarov, A. A. and Karzubov, D. N. (2019), "Russian Youth in the digital space: the basis for differentiating strategies of Internet behavior", *Central Russian Journal of Social Sciences*, 14 (1), 37-58, (in Russ.).

Brodovskaya, E. V., Tyukov, N. A. (2020), "Methodology and methods of applied political research of civic activism in social media in modern Russia", *Vlast' [Authority]*, 28 (2), 199-204, (in Russ.).

Castells, M. (1996), *The Rise of the network society*, [Online], available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (Accessed 29 November 2021).

Dombovskaya A. Yu. (2020), "Civic activism of youth in modern Russia: features of manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study)", *Vlast' [Authority]*, 2, 51-58, (in Russ.).

Evgenyeva, T. V. and Nechaev, V. D. (2014), "The problem of Russian schoolchildren

national identity formation. Analysis of seniors civil and national self-identification research", *"Tsennosti i smysly" (Values and Meanings)*, 1, 7-21. (in Russ.).

Green, S. (2012), "Twitter and the protest in Russia: memes, networks, mobilization", *Republic*. 12 May, Online publication, available at: <https://republic.ru/posts/23041> (Accessed 29 December 2021). (in Russ.).

Media consumption in Russia – 2021. (2021), Deloitte Research Center in the CIS, Moscow, September, Online publication, available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2021.pdf> (Accessed 1 January 2022). (in Russ.).

Пырма, Р. В. (2020), "Factors of formation of attitudes and strategies of civic activism among the youth of Russia", *Vlast' [Authority]*, 6, 46-54, (in Russ.).

Reinhold, G. (2006), *Smart Crowd: A new Social Revolution*, transl. by A. Garkavy, GRAND, Fair Press, Russia (in Russ.).

Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2021, (2021), available at: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (Accessed 20 January 2022). (in Russ.)

Stanevich, A. Yu. (2018), "Political sentiments of Russian youth: state and features", *Bulletin of Moscow University*, 24 (4), 256-274. (in Russ.)

Thompson, J. B. (2000), *Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age*. Polity, Cambridge.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ананченко Алексей Брониславович, кандидат исторических наук, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, пр-т Вернадского, д. 88, г. Москва, 119296, Россия; his-pol@mpgu.su

Никулин Егор Романович, студент Института истории и политики Исторического Факультета Московского педагогического государственного университета, пр-т Вернадского, д. 88, г. Москва, 119296, Россия; egor.nikulin.98@bk.ru

Хардикова Анна Сергеевна, студент Института истории и политики факультета прикладной политологии Московского педагогического государственного университета, пр-т Вернадского, д. 88, г. Москва, 119296, Россия; as_burkut@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alexey B. Ananchenko, Candidate of Historical Sciences, Director of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Head of the Department of Modern National History, Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia; his-pol@mpgu.su

Egor R. Nikulin, Student, Faculty of History, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia; egor.nikulin.98@bk.ru

Anna S. Khardikova, Student, Faculty of Applied Political Science, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky Ave., Moscow, 119296, Russia; as_burkut@mail.ru

УДК 16

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6

Ретюнских Л. Т. | Детство как объект междисциплинарного исследования

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Российская Федерация; retunlar@gmail.com

Аннотация. Статья акцентирует внимание на эпистемологических проблемах, с которыми встретились в XX веке исследователи детства как особого культурно-психологического феномена. Анализируется особенность детства как объекта познания в разных дисциплинарных и национальных научных традициях, а также изменчивость детства как культурно-исторического явления. Определяются понятия «детства» и «детского» как не тождественные. Рассмотрение различных познавательных стратегий в опыте исследования детства приводит к выводу о преимуществах междисциплинарного подхода как дающего более полное и разностороннее понимание детства.

Ключевые слова: детство; детское; статус детства, психология детства; детская педагогика; философия детства; междисциплинарный подход

Для цитирования: Ретюнских Л.Т. Детство как объект междисциплинарного исследования // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 71-78. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6

L. T. Retiunskikh | Childhood as an object of interdisciplinary research

---

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991,
Russian Federation; retunlar@gmail.com

Abstract. The article focuses on the epistemological problems encountered in the 20th century by researchers of childhood as a special cultural and psychological phenomenon. The peculiarity of childhood as an object of knowledge in different disciplinary and national scientific traditions, as well as the variability of childhood as a cultural and historical phenomenon are analyzed. The concepts of "childhood" and "childish" are defined as not identical. Consideration of various cognitive strategies in the experience of childhood research leads to the conclusion about the advantages of an interdisciplinary approach as providing a more complete and versatile understanding of childhood.

Keywords: childhood; childhood; the status of childhood; psychology of childhood; pedagogy; philosophy of childhood; interdisciplinary approach

For citation: Retiunskikh L. T. (2022), "Childhood as an object of interdisciplinary research", Research Result. Social Studies and Humanities, 8 (1), 71-78, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6

Детство как объект исследования очень подвижно. Оно легко меняет свои границы и очертания в зависимости от области научных знаний, а также от целей и задач исследователей. Для естествознания (биологии и медицины) определение детства может звучать примерно так: это период жизни живого организма от рождения до достижения им половой зрелости и способности самостоятельно существовать в природе. Детство появляется на определенной ступени эволюционного развития; простейшие лишены возможности «взрослеть», ибо появляются на свет функциональными организмами (либо благодаря делению ядра, либо слиянию двух половых клеток или ядер), готовыми к существованию в среде. А вот рыбы должны преодолеть тяжелый путь от икринки до взрослой особи. Чем выше вид находится на эволюционной лестнице, тем дольше у его представителей длится период «детства». Впрочем, в биологии не принято термином «детство» обозначать ранние периоды развития живых организмов; в науке укоренилось правило употреблять этот термин только по отношению к человеку, а за животными сохранилось право называться «детенышами». Биологические основания определяют фиксацию детства как определенного этапа жизни, что нашло свое отражение и в других дисциплинах. Однако границы детства в них начинают расширяться.

Психология выводит нас на особенности детского мировосприятия, которое не всегда сопряжено с биологическим возрастом. «Сущностно – Детство представляет собой форму проявления, особое состояние социального развития, когда биологические закономерности, связанные с возрастными изменениями ребенка, в значительной степени проявляют свое действие, «подчиняясь», однако, во все большей степени регулирующему и определяющему действию социального» (Фельдштейн, 2011: 4). Если просмотреть учебники и словари, то можно сгруппировать все имеющиеся в психологии определения детства в две

большие группы. Первая будет связана с указанием на этап онтогенеза, вторая – с историчностью его форм и социальной обусловленностью. Очевидно, что для психологии границы детства вышли за пределы биологического, допустив определяющее действие социального.

Педагогика фиксирует смыслы, связанные с взрослением, опираясь на психологические и биологические основания. Традиционно именно педагогика позиционируется как наука о детстве. Российская педагогическая энциклопедия определяет детство как «этап развития человека, предшествующий взрослости, характеризуется интенсивным ростом организма и формированием высших психических функций. В современной философии, социологии, психологии обобщенное понятие «детство» рассматривается как сложный многомерный феномен, который, имея биологическую основу, опосредован многими социально-культурными факторами, что диктует необходимость изучения его исторического развития» (Рыбинский, 1993: 261). Само определение интересно тем, что его автор, Е.М. Рыбинский, фиксирует его общность для психологии, социологии и философии, прямо указывая на эффективность именно междисциплинарного подхода к его изучению.

Философии принадлежит почтенная роль обобщения данных науки и создания концепта детства. Она рисует мир разными красками, красками печали и радости, пустоты и наполненности, любви и ненависти, истины и тайны. Философия создает тот образ мира, который оказывается востребованным культурой. В каждую эпоху возникают определенные концепции, позволяющие вписать человеческое в онтологическое таким образом, чтобы сформированная целостность представляла собой образ реальности, комфортной для человека. Второй великий антропологический поворот в философии, связанный с распространением психологизма, делает возможным включить в создаваемый образ и детство,

которое никак не вписывалось в объективистские онтологии в качестве самостоятельного объекта анализа. Не выходя за границы главного кантовского вопроса «Что такое человек?», можно, тем не менее, утверждать, что детство – это онтологический феномен, это – особый мир, созидающий смыслы, а следовательно, созидающий бытие. Именно в этом контексте детство может быть введено в число онтологических объектов, изучаемых философией, которая в состоянии дистанцироваться от психологии и педагогики, традиционно исследующих детство как феномен. Философские образы детства будут отличаться от его интерпретации в науке: философия создает некий метафизический проект, позволяющий трансформировать саму реальность, выступая механизмом ее конструирования, в то время как частные науки сохраняют отражательную стратегию в отношении объекта исследования, которым в данном случае является ребенок. Философию интересует *детство* как бытие, частные науки – *ребенок* как элемент множества, именуемого детством. Итак, что такое Детство? Для конкретных наук это совокупная характеристика человека в определенном возрасте, до 14 лет. А для философии?

Дэвид Кеннеди предпринял попытку описать взгляд на детство, сложившийся в современной культуре, фиксируя изменение смыслов трактовки детского и детскости в культуре и философии (Kennedy, 2006). Он отмечает, что со времен Аристотеля мало что изменилось в понимании детства, как в науках, так и в обыденном опыте. Большинство взрослых, полагает он, до сих пор относятся к детству как к ненастоящему периоду в жизни, подготовительному. Однако постмодернизм создает иной способ трактовки роли детства в жизни человека и культуры. Детство полагается одним из элементов пестрой мозаики самой жизни, а не подготовки к ней.

Современная психологическая наука уже не рассматривает детство как этап под-

готовки к взрослой жизни. Эта позиция отражена в исследованиях Д.Б. Эльконина, который усматривает в детской игре способ самовосприятия ребенка (Эльконин, 1978), а не подготовку к взрослой жизни, как это представляли И. Кант и Й. Хейзинга. Вывод этот легко подтверждается естественным опытом: дети всегда заняты игрой. Не играющий ребенок представляет собой исключение из правила, что вызывает особое внимание родителей, педагогов и врачей. Согласно В.В. Зеньковскому: «Личность ребенка есть живое и органическое единство, основа которого лежит во внеэмпирической сфере; от первых дней его жизни личность уже окрашена чем-то индивидуальным...» (Зеньковский, 1996: 312). В нашем понимании, детство представляет целостный, глубокий и ценный сам по себе феномен. Детство порождает собственные уникальные смыслы, радикально отличающиеся от повседневных. «Ребенок живет, чувствует, страдает, размышляет – а не готовится жить, любить, страдать. Он не знает традиции, а постоянно созидает мир: творит язык, мало, кто не восхищался способностью детей, осваивающих языковое общение, выражать свои мысли и потребности в совершенно неповторимых словах и выражениях; выстраивает иерархию отношений, формирует систему ценностей, отличную от традиционной (например, ржавый гвоздь в кармане гораздо ценнее, чем тысяча дорогих костюмов от Армани)» (Ретюнских, 2018: 89).

К. Гросс задает направление поиска биологического основания психики ребенка (Авдулова, 2009), в то время как Дж. Болдуин начинает направление социально-психологического рассмотрения детства, поиска социальных оснований душевной жизни ребенка (Baldwin, 1903). Пиаже приходит к выводу, что детство не есть пропедевтика взрослой жизни (Piaget, 1928). И в России в конце XIX – начале XX в. именно такая трактовка смысла и значения детства получила интенсивное развитие (Сикорский, 2009), (Румянцев, 1913), и наконец В.В. Зеньковский в 1924 году в

Лейпциге издает книгу «Психология детства», в которой раскрывает уникальный характер детства в мире людей, в корне отличный от мира животных. Зеньковский обращает внимание на то, что у человека неоправданно с биологической точки зрения длинный период детства в сравнении с животными. Он полагает, что именно это удлинение периода детства делает его не просто этапом на пути к цели – взрослости, а некой уникальной реальностью, которая носит не временной, а качественный характер. Детство не кончается с приходом определенного возраста. Оно есть не физиологическое состояние, а состояние души. Именно этот поворот в психологических исследованиях послужил отправным пунктом для возникновения такого направления, как философия детства.

Американские авторы включают в круг проблем философии детства как проблемы когнитивного и морального развития, социальной роли детства и его места в социуме, рассмотренные на уровне теории, так и ряд вопросов, которые мы не относим к разряду философских, – проблемы прав ребенка, статуса детского искусства и детской поэзии (мы бы сказали, детского творчества) (Kennedy, 1996; Mettews, 1994). Филипп Арьес в своей влиятельной книге (Арьес, 1999) полагает, что само детство изменяется исторически; Маргарет Мид основывается на Пиаже, доказывая, что детство – особая организменная структура, говорит о существовании аристотелевской концепции детства, которая якобы подтверждает эту теорию (Mead, 1970). Гарет Мэттьюс, профессор Массачусетского университета, в книге «Философия детства» (Matthews, 1994) рассуждает о проблемах детского мышления и нашего (взрослого восприятия этого мышления). В американской традиции философия детства включается в рамки философии образования и читается в качестве специального курса в университетах и колледжах.

Онтология детства связана в большей степени с субъективным миром ребенка,

чем с объективным миром. По сей день сохраняется традиционное восприятие феномена детства и его границ, характерное для патриархальной культуры, в соответствии с которым ребенок не самоценен, он воспринимается как маленький взрослый, но не полноценный человек. Его ценность оказывается локализована в будущем, когда он повзрослеет и сможет трудиться наравне со взрослыми. В культуре некоторых народов такое отношение к детям проявлялось в том, что им не давали имена при рождении, а лишь по достижении некоторого порога взросления. Связано это было с высокой детской смертностью и обычаем давать говорящие имена: «Хитрый лис» или «Упрямый буйвол». В культурах, где имена использовались в качестве краткой характеристики человека, невозможным было дать имя младенцу. Его индивидуальные качества оставались не проявленными до взросления. И даже сейчас в детских сообществах имеет место практика уточнения имени: дети дают друг другу прозвища, отражающие их индивидуальные особенности. Можно считать это продолжением древней традиции образования имен. Но важно то, что в традиционном обществе феномен детства воспринимается совершенно иначе, чем в современном обществе.

Приведу пример. В традиционной патриархальной русской семье главой является Отец, а дети воспринимаются как недоросшие взрослые. Они не могут находиться на одном уровне со взрослыми, поскольку являются несамостоятельными и не могут полноценно трудиться. Поэтому изначально у детей в семье минимальные права. Дети мечтают повзрослеть и готовятся к этому, играя в семью, изображая бытовые дела, работу в поле или в кухне. Дети, подрастая, начинают помогать по хозяйству и в поле, но они еще не могут нести полноценную ответственность и трудиться с той же силой и в том же объеме, что и взрослые. Поэтому их воспринимают как будущих помощников, а временно иждивенцев. Таков порядок жизни патриар-

хального общества, отраженный в Домострое. И этот порядок мы видим в жизни крестьян. Об особенностях крестьянского быта я знаю от своей бабушки, которая была родом из Черноземья. В ту пору наша семья была зажиточной и состояла из тридцати человек. Вся семья собиралась за главным столом в доме, однако детей обычно сажали в дальнем углу, подальше от главы семейства. В целом, среди крестьян было не принято сажать детей за общий стол со взрослыми. Каждая трапеза в большой крестьянской семье проходила в строго заданном порядке. Доступ к пище был связан со статусом члена семьи. Первым прикоснуться к пище имел право глава семьи, патриарх. Он зачерпывал из общей посуды большой ложкой, аккуратно неся ее над куском хлеба. После него могли зачерпнуть остальные взрослые: сначала мужчины, как основные работники в поле, затем женщины и в последнюю очередь дети. Дети питались по остаточному принципу, и нередко им доставались объедки. «Кто не работает, тот не ест!». Бабушка рассказывала: «Я, когда была дьяншицей,¹ бывало, спрячу кусочек мяса, чтоб свекровь не видала, да потихоньку суну твоему отцу, он малый был шустрой, а за обедом яму могло и вообще мяса не достаться, мужуки как набросются, так детки только юшку и хлябают». К слову, мясо на столе в крестьянской семье было редкостью и являлось признаком обеспеченности.

Отчасти такой подход к питанию детей сохранился в наше время, когда ребенка кормят отдельно, пока он не повзрослеет и не научится себя вести за столом и слушать разговоры старших. Другой пример – большие застолья, когда детям накрывают отдельный «детский стол», чтобы они не мешали взрослым, не видели, как те отдыхают, не слушали разговоров. Все это явля-

ется отголоском традиционного для патриархального общества низкого статуса детства, где труд выступает основным смыслообразующим жизненным ориентиром многих поколений.

На основе анализа особенностей воспитания детства в традиционном обществе видно, что его основой является труд и трудовые отношения в целом. Труд – основная ценность, формирующая соответствующие приоритеты патриархального общества. Однако в труде важна не его объективная сторона и не основанные на ней социальные отношения, что характерно для концепции марксизма. В труде важно его экзистенциальное измерение, ибо труд является основным человеческим делом на протяжении всей истории человечества (Финк, 2017). В этом экзистенциальном измерении антитезой труда выступает *игра*. При этом труд является делом серьезным, основным, обязательным, обеспечивающим выживание, а игра – нечто несерьезное, необязательное, праздное. В этом смысле труд противостоит игре. Поэтому дети представляются неполноценными людьми в традиционном обществе, поэтому не считаются достойными серьезного отношения. И хотя труд входит в жизнь детей рано, он не является их основным занятием. Детям еще позволено играть, тем более, что игры часто подражают жизни взрослых, поэтому могут восприниматься как момент обучения. У взрослых же нет нужды учиться, да и времени на праздное занятие у них не хватает: они много трудятся. Однако бывают особые условия, в которых взрослый может играть, – на празднике. Народная игровая культура реализует потребность взрослых в игре во время праздников. В праздничные дни было запрещено трудиться, и взрослые могли позволить себе на время вернуться в детство. Многие народные праздничные игры напоминают детские, например,

¹ «Дьяншица» – это дежурная; все снохи, а их в семье было четыре, по очереди оставались дома, чтобы приготовить, убрать, постирать, приглядеть за детьми, если надо. Все остальные уходили в поле, куда вместе со взрослыми отправлялись и дети с 6-

летнего возраста, дома оставались только малыши и «старуха» – свекровь, которая следила за тем, как молодая сноха справляется с работой, но сама не вмешивалась, не помогала, иногда только занималась детьми.

предрождественские или масленичные игры.

Поэтому феномен детства стоит рассматривать не в узкой трактовке, как особый возрастной период, а широко, как экзистенциальное состояние. Это требует введения термина «детское». Детское понимается нами как сосредоточение смыслов детства в экзистенциальном пространстве человека. Таким образом, разведя понятия «детство» и «детское», мы сохраним значение возрастного периода за первым, фиксируя антропологическую универсальность второго. Детское существует в мире людей в виде игры, праздника, сказки и т. п. Следовательно, детское становится объектом исследования не только педагогики и психологии, но и истории литературы, культурологии, искусствознания и многих других дисциплин, дополняющих друг друга в деле человекопознания. Значительно расширяется диапазон смыслов этого понятия, которые фиксирует и продуцирует философское знание, что позволяет опознавать как детское мироощущение человека в любом возрастном периоде его жизни. «Детское» как концепт вбирает в себя и особое психоэмоциональное состояние, и специфическое отношение к миру, способ выстраивания коммуникации, реакцию на внешнюю ситуацию и еще много всего. Детское может проявляться как в положительной коннотации, так и в отрицательной. Границы положительного и отрицательного здесь, разумеется, подвижны. Мы берем за основу сложившееся в обществе отношение к тем или иным проявлениям человеческой личности. Например, искренность, жизнерадостность, открытость, непосредственность, любознательность традиция относит к позитивным качествам человека, которые активно сопрягаются с детским. В то же время эгоизм, инфантильность, несамостоятельность чаще оцениваются негативно и тоже погружают нас в мир детства. Детское меняет свои смыслы в процессе развития культуры.

Рассмотрев культурный статус детства в традиционном обществе, следует обратиться к изучению этого феномена в современности. В наше время статус детства претерпевает радикальные изменения. Ребенок в современных семьях находится в центре внимания, он главный человек в доме, для него очень много делают, и в своих правах он выше всех остальных членов семьи. Поэтому часто современные дети растут с чувством своей исключительной значимости, индивидуалистами и эгоистами, и это естественно при таком отношении к детству. Родители сами лелеют гордыню ребенка, униженно выполняя его прихоти. Такое отношение хорошо видно на примере питания в современных семьях. Многие покупают специальные продукты для детей, самые вкусные и полезные, детские лакомства, готовят специальные блюда для детей с учетом их возрастных особенностей или вкусовых предпочтений. Такой подход был просто немыслим для традиционной семьи. Самое лучшее питание в современных семьях получают дети, а не трудящиеся взрослые. Такое отношение «переворачивает» естественную иерархию в семье.

В культурном поле возникает особый мир Детства, когда вдруг открывается, что ребенок – это не маленький взрослый, а особое возрастное и психическое состояние человека. И главная задача ребенка не просто стать взрослым, а создать самого себя. Поэтому дети не заняты работой, а только саморазвитием, до достижения совершеннолетия их основная обязанность – учиться. И пока ребенок учится, его обеспечивают родители, оберегая и охраняя процесс личностного становления ребенка. Ведь именно в детстве формируются основы психики, закладывается отношение к самому себе и к окружающему миру.

Появление в литературе начала XX века персонажа Питера Пена, вечного ребенка, служит индикатором изменения культурных приоритетов, обретения детством ценности, которую осознает сам ребенок и даже понимает, что это лучшая

пора жизни. Потому что только в детстве мы можем чувствовать себя собой и находиться всецело в мире. Многие современные дети, когда их спрашивают: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», отвечают, что они не хотят вырастать, хотят остаться ребенком. Взрослым это кажется бессмыслицей и идеей противоречащей прогрессу. Но дело в том, что некоторые экзистенциальные ценности и ориентиры не совпадают с эволюционной стратегией.

В современном обществе особый мир Детства создается при помощи глобальной сети учреждений (детский сад, лагеря, кружки, спортивные секции), индустрии развлечений (мероприятия, игрушки, мультипликация, литература, мода) и многого другого. Защита прав ребенка обеспечена специальной Декларацией, действует ювенальная юстиция. Но большая часть элементов индустрии Детства направлена не на детей, они не знают, что им нужно то, что предлагают для них взрослые, желающие удовлетворить потребности ребенка и часто собственные амбиции. Это желание каким-то странным образом коррелирует с родительской любовью. Все больше на передний план в современном обществе выходит индустрия развлечений, особенно детских. На детей и их родителях зарабатывают большие деньги. Поэтому так процветают парки развлечений и производство игрушек. Вместе с тем, игра во взрослых по-прежнему свойственна детям и нравится их родителям. Поэтому процветают детские музыкальные конкурсы, конкурсы красоты, детский спорт и т. п. Неизменным фактом становится наличие своеобразного культа детства. Детство обладает собственной ценностью и наполнено собственными смыслами, поэтому дети и не хотят взрослеть.

Таким образом, детство и детское, благодаря междисциплинарному подходу, исследуются в разных аспектах и проекциях, что позволяет создавать более или менее универсальный образ изучаемого феномена.

Литература

- Авдулова, Т.П. Психология игры: современный подход. М.: Академия, 2009. 208 с.
- Арбес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. яз. Я.Ю. Старцев. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.
- Зеньковский, В.В. Психология детства. М.: Academia, 1996. 347 с.
- Ретюньских, Л.Т. Игра и детство: онтологические перекрестки // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 86-94.
- Румянцев, Н.Е. Лекции по педагогической психологии для народных учителей. М., 1913. 258 с.
- Рыбинский, Е.М. Детство // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. В.Г. Панов. Т. 1 А-Л. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 261-262.
- Сикорский, И.А. Душа ребенка. М.: АСТ: Астрель, 2009. 153 с.
- Фельдштейн, Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 1(26). С. 45-54.
- Финк, Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон. М.: Канон+, 2017. 432 с.
- Эльконин, Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
- Baldwin, J. M. Mental development in the child and the race: Methods and processes (2nd ed., corrected). MacMillan Co, 1903 [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1037/12874-000> (дата обращения: 28.01.2022)
- Kennedy, D. Changing Conception of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: A Philosophy of Childhood. N.Y.: The Edwin Mellen Press Lewiston, 2006. 282 p.
- Matthews, G. Philosophy of Childhood. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 136 p.
- Mead, M. Culture and commitment: a study of the generation gap. Garden City, New York: Natural History Press, 1970. 94 p.
- Piaget, J. The Child's Conception of the World. London: Routledge and Kegan Paul, 1928

References

Ariès, Ph. (1999), *Rebyonok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke* [L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime (The Child and Family Life under the Old Regime)], Translated by Ya. Yu. Startsev and V. A. Babintsev, Publishing House of the Ural University, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Avdulova, T. P. (2009), *Psikhologiya igry` : sovremenniy podkhod* [Psychology of the game: a modern approach], Akademia, Moscow, Russia (in Russ.).

Baldwin, J. M. (1903). *Mental development in the child and the race: Methods and processes*, 2nd ed., corrected, MacMillan Co. [Online] available at: <https://doi.org/10.1037/12874-000> (Accessed 28 January 2022).

Elkonin, D. B. (1978), *Psikhologiya igry`* [Psychology of the game], Pedagogika, Moscow, Russia (in Russ.).

Feldshtein, D. I. (2011), "Deep changes in modern childhood and the actualization of psychological and pedagogical problems of education development caused by them", *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 1 (26), 45-54 (in Russ.).

Fink, E. (2017), *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bitiya* [Grundphänomene des menschlichen Daseins (Basic phenomena of human existence)], Translated by A. V. Garadzha and L. Yu. Fukson, Kanon+, Moscow, Russia (in Russ.).

Kennedy, D. (2006), *Changing Conception of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: A Philosophy of Childhood*, The Edwin Mellen Press Lewiston, N.Y., USA.

Matthews, G. (1994), *Philosophy of Childhood*, Harvard University Press, Cambridge, USA.

Mead, M. (1970), *Culture and commitment: a study of the generation gap*, Natural History Press, Garden City, New York, USA.

Piaget, J. (1928), *The Child's Conception of the World*, Routledge and Kegan Paul, London, UK.

Retyunskikh, L. T. (2018), "Game and childhood: ontological crossroads", *Herald of Vyatka State University*, 4, 86-94. (in Russ.).

Rumyantsev, N. E. (1913), *Lektsii po pedagogicheskoy psikhologii dlya narodnikh uchiteley* [Lectures on pedagogical psychology for folk teachers], Moscow, Russia (in Russ.).

Rybinskiy, E. M. (1993), "Childhood", *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: V 2 t. T. 1* [Russian Pedagogical Encyclopedia: In 2 volumes. Vol. 1], V. G. Panov (ed), Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 261-262 (in Russ.).

Sikorskiy, I. A. (2009), *Dusha rebenka* [The soul of a child], Astrel, Moscow, Russia (in Russ.).

Zenkovskiy, V. V. (1996), *Psikhologiya detstva* [Psychology of childhood], Academia, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ретюньских Лариса Тимофеевна, доктор философских наук, профессор кафедры естественных факультетов, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Российская Федерация; retunlar@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Larisa T. Retiunskikh, Dr. of Philosophy, Professor of the Department of Natural Sciences, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; retunlar@gmail.com

УДК 82-94

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-7

Кавацца А. | Советские дети в журналистской прозе Джанни Родари

Урбинский университет имени Карло Бо, Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Италия; antonella.cavazza@uniurb.it

Аннотация. Автор анализирует судьбу журналистского творчества Д. Родари, связанного с СССР. Приводятся оригинальные стихотворные тексты итальянского писателя и их переводы на русский язык, в частности, выполненные С. Маршаком. Приводятся также фрагменты репортажей Джанни Родари, его рассуждения об особенностях детства в России того времени и рассматриваются впечатления итальянского писателя от пребывания в СССР.

Ключевые слова: Джанни Родари; С. Маршак; детская литература; переводы; поэзия

Для цитирования: Кавацца А. Советские дети в журналистской прозе Джанни Родари // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 79-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-7

A. Cavazza | Soviet children in journalistic prose by Gianni Rodari

---

Carlo Bo University of Urbino, Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Italy;
antonella.cavazza@uniurb.it

Abstract. The author analyzes the fate of the work of G. Rodari in the USSR. The original texts and translations into Russian of the works of the Italian writer, in particular, made by S. Marshak, are compared. Fragments of an interview with Gianni Rodari are given and the impressions of the Italian writer from his stay in the USSR, his arguments about the peculiarities of childhood in Russia at that time are considered.

Keywords: Gianni Rodari; S. Marshak; children's literature; translation; poetry

For citation: Cavazza, A. (2022), Soviet children in journalistic prose by Gianni Rodari, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 79-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-7

Обращаясь к творческой биографии Джанни Родари (1920–1980), можно отчетливо проследить в ней три образа: поэта-рассказчика, педагога и журналиста. Последний из этих образов соответствует реальной профессии, которой он был верен до

конца своих дней. Джанни Родари был писателем-журналистом, начавшим свою журналистскую карьеру в 1945 году в редакции еженедельника *L'Ordine Nuovo* («Новый строй»), официального органа Союза коммунистов города Варезе. Затем, в

1947 году, он продолжил свою деятельность в качестве репортера в миланской редакции газеты L'Unità («Единство»), отвечая здесь также за колонку La domenica dei piccoli («Детское воскресенье») в течение определенного периода времени¹. С самого начала своей работы в редакции официальной газеты компартии он отличался остроумием, мастерством и прямоотой, а также, как вспоминал после его смерти историк Паоло Сприано, «такими никогда не покидавшими его чертами, как ясность повествования, безмятежность и печаль, как берега озера, где он родился»² (Spriano, 1980: 3).

Как оказалось, начиная с 50-х годов журналистские интересы Родари все больше фокусируются на проблемах, связанных с обучением детей и молодежи в школе и за ее пределами (см.: Vacchetti, 2005: XXI). Продолжая сотрудничать с газетой L'Unità, в 1950 году вместе с Диной Ринальди он основал и руководил до 1953 года детским периодическим изданием Pioniere («Пионер»)³. Из партийного

деятеля, который занимался журналистикой, он стал журналистом, ведущим еще и политическую деятельность. Именно к 1952 году относится стихотворение Il Giornalista («Журналист»):

O giornalista inviato speciale
Quali notizie porti al giornale?

Sono stato in America, in Cina,
in Scozia, in Svezia ed Indocina,
tra i sovietici e tra i polacchi,
francesi, tedeschi, sloveni e slovacchi,
ho parlato con gli Esquimesi,
con gli Ottentotti, coi Siamesi,
vengo dal Cile, dall'India e dal Congo,
dalla tribù dei Bongo-Bongo...
e sai che porto? Una sola notizia!
Questa è proprio un'ingiustizia!
Però il fatto è fenomenale,
ci farò un titolo sensazionale:
vogliono pace e non più guerra
tutti i popoli della terra! (Rodari, 1952)⁴

В 1956 году он стал главным редактором газеты L'Unità, из которой все же ушел

¹ Джанни Родари ведет колонку для детей La domenica dei piccoli («Детское воскресенье») под псевдонимом Лино Пикко с 13 марта 1949 года по 5 февраля 1950 года. В колонке он публикует истории, детские стишки, конкурсы и призовые игры, переписку с читателями, серии карикатур с приключениями Лино Пикко или художника Скарабкокьо, иногда в сопровождении стихотворных подписей (Scritti di Gianni Rodari..., 1993: 27).

² Родари родился в Оменье, на озере Орта в Пьемонте. О биографии Родари см.: (Argilli, 2005) и (Roghi, 2020).

³ Марчелло Арджилли говорит о «Пионере» как о родарианской «лаборатории» 50-х годов (Argilli, 2005: 69). С 60-х и по начало 70-х годов большое значение имело сотрудничество Родари с журналом Il Corrierino dei piccolissimi («Курьер для самых маленьких»), учитывая, что опубликованные там произведения в жанре фантастики вошли в некоторые его самые значимые произведения этого периода. Например, истории 1961 года, напечатанные во вкладыше журнала «Курьер для самых маленьких», войдут в сборник Favole al telefono («Сказки по телефону», 1962); другие позднее войдут в третью часть сборника Il libro degli errori («Какие бывают ошибки», 1964) или в Gip nel televisore e altre storie in orbita («Джип в телевизоре и другие истории на орбите»,

1967). Роман La torta in cielo («Торт в небе», 1966) будет напечатан по частям в журнале Il Corriere dei piccoli, так же, как и большая часть детских стихов, вошедших в сборник «Путешествия Джованнино-Бездельника» (1973) (см.: Scritti di Gianni Rodari..., 1993: 121).

⁴ Страницы этой книги не пронумерованы. В переводе С.Я. Маршака стихотворение Дж. Родари звучит так:

Ты, журналист, бывал на белом свете.
Какие вести ты привез газете?

- Я побывал в Сиаме и в Китае,
В Шотландии, Вьетнаме, Парагвае,
Во Франции, в республике Советской,
В Канаде, в Штатах и в стране Турецкой,
В Афганистане, в Индии и в Конго,
У племени Ням-Ням и Бонго-Бонго,
В деревне, в поле, в городе, в предместье –
И вам привез всего одно известье.

Но лучшей вести
Нет на белом свете!
На первом месте
Дам ее в газете –
Пусть будут буквы
Четки и крупны:

через два года, так как не чувствовал себя там полностью на своем месте. В 1958 году он поступил на службу в *Paese sera* («Паззе сера», или «Вечерняя страна»), газету левого направления, не являющуюся, однако, органом итальянской коммунистической партии, где и проработал до конца своих дней. В *Paese sera* Родари нашел благоприятную обстановку для критического обсуждения различных вопросов, особенно педагогико-воспитательного характера, а также возможность продуктивного сочетания деятельности журналиста и писателя-фантаста (см.: Vacchetti, 2005: XXVI). Здесь в марте 1964 года после своей поездки в СССР (с декабря 1963 по январь 1964 года (см.: Roberti, 2020: 138)) он опубликовал по частям обширный репортаж о детстве в СССР⁵. В этой журналистской работе он исследует условия жизни детей, школы и внешкольные учреждения, взаимоотношения между детьми и учителями, между детьми и родителями и другие подобные темы. В основе этого исследования лежит очень простой вопрос: «Отличаются ли советские дети от наших?» (Rodari, 1964a: 3). Родари отвечает, что «эти дети похожи на наших просто как две капли воды» (там же). Однако он также отмечает, что «очень отличается среда, в которой они живут, связь между их жизнью и жизнью взрослых» (там же), и именно на это он обращает внимание в своем репортаже.

В Советском Союзе часто повторяли, что «дети в СССР являются единственным по-настоящему привилегированным классом», вкладывая в это выражение свою гордость за количество и уровень организаций, созданных для защиты и образования детей. Родари разделяет это мнение, даже если и замечает во время своей поездки вы-

ходящие за рамки риторики режима социальные различия, хотя и менее очевидные, чем те, которые существуют в Италии. С одной стороны, отмечает Родари, статистические данные 1958 года подтверждают высокий уровень организации образовательных учреждений в СССР: по данным ЮНЕСКО, в Советском Союзе на это тратилось 104,8 доллара на душу населения, для сравнения этот показатель составлял в это же время 92,9 доллара в США, 35 долларов во Франции и 12,5 доллара в Италии (Rodari, 1964d: 3). А с другой стороны, в том же году Хрущев заявлял о некоторых недостатках советской системы, вследствие чего целых 800 000 выпускников средних школ не смогло поступить в университет ввиду нехватки мест. Кроме того, только у 30-40 % детей рабочих и крестьян была возможность поступить в университет, только 80 % детей закончило первые 7 классов школы.

В своем репортаже Родари останавливается на разных аспектах советского общества, во многом еще раз подтверждая свое восторженное мнение, высказанное в 1951 году в журнале *Noi donne* («Мы женщины»): он утверждал, что в области отношения к детям СССР был впереди по сравнению с другими странами западного мира (Rodari, 1951: 11). В 1964 году он подметил много положительных моментов, но не побоялся указать и на некоторые недостатки. Например, когда в Риге один советский журналист задал ему вопрос о религии, он без колебаний указал на различия в позиции итальянских и советских коммунистов по этому вопросу. Так он вспоминает интервью с коллегой: «Мы сказали ему, что в Италии коммунистическая партия не только не ведет “никакой антирелигиозной

«НАРОДЫ МИРА НЕ ХОТЯТ ВОЙНЫ!» (Маршак, 1969: 402).

⁵ Репортаж был напечатан по частям в разных номерах «Вечерней страны»: №№ 62, 65, 68, 70, 72, 76, 77, 79, 84, 87 в марте 1964 года. Газета «Паззе сера» появилась как послеобеденный выпуск римской газеты *Il Paese* («Иль паззе») в 1949 году и прекратила своё

существование в 1994 году. После попытки перезапуска в 2009 году, она вернулась еще раз в 2018 г., но закрылась через год. Газета «Паззе сера» очень отличалась от газеты *L'Unità* («Унита»), которая предпочитала криминальную хронику и спорт; в ней также печатались комиксы, в том числе Бак Роджерс и Чарли Браун (см.: Roghi, 2020: 118; 120).

борьбы”, а напротив, в последних документах пришли к подтверждению того, что религиозные чувства могут представлять собой силу для создания более справедливого общества» (Rodari, 1964b: 3). Передавая этот разговор, Родари подчеркивает, что он принял участие в дискуссии о политике коммунистической партии Италии не как ее представитель⁶, а как простой журналист, и заключает: «Конечно, это не наша заслуга, но поскольку тема вызывала интерес, нас выслушали с большим вниманием, и никто не высказался против представленной нами позиции, никто не утверждал, что ИКП (итальянская коммунистическая партия) ошибается» (Rodari, 1964b: 3).

В жизни советской школы Родари поражают самостоятельные организаторские способности октябрят и пионеров. Органы управления вышеуказанными организациями («дружинами»), уточняет он, оказывают поддержку школьной администрации в привлечении ребят к разнообразной общественно-полезной деятельности, такой как сбор металлолома или присмотр за младшими детьми в детских садах. Таким образом, они не только обогащают жизнь школы самостоятельной инициативой ребят, но и устанавливают связь между их школьной и внешкольной деятельностью (Rodari, 1964f: 3). В связи с этим Родари приводит свидетельства некоторых пионеров, которые в свободное время помогают одиноким пожилым людям (рубят дрова, девочки подметают дом и ходят за водой, сажают деревья). Родари видит в этой общественной добровольческой деятельности «единение между жизнью детей и окружающего их общества, со всеми положительными и отрицательными сторонами»

(Rodari, 1964f: 3). По мнению Родари, решающее влияние коллектива, а также применение педагогических принципов Макаренко можно увидеть и в «интернатах», своего рода детских домах, куда в основном попадают дети, у которых нет семьи или семьи которых по каким-то причинам не могут о них позаботиться. Даже родители участвуют в школьной жизни, создавая выборные родительские «комитеты»⁷ (там же). В то время в Италии не было подобного вовлечения родителей в школьную жизнь, и поэтому такая особенность отмечается с интересом. Здесь официальное регулирование отношений «школа – семья» будет проведено только в начале 70-х годов⁸.

В целом, как отмечает Родари, у гостей с Запада складывается положительное впечатление об организации советской образовательной системы. В частности, писатель-журналист видит «самую настоящую ценность системы советского образования» не столько в грандиозности отдельных организаций, таких как, например, Дворец пионеров или лагерь «Артек» на Черном море, сколько в своевременном вовлечении детей в жизнь всего общества. С этой точки зрения Родари подчеркивает в своем репортаже связь между школой и миром сельскохозяйственного и промышленного производства. Он подробно описывает эту связь. Каждую школу непосредственно курирует какое-нибудь предприятие, которое знакомит детей с миром работы. Детям предоставляется возможность выполнять небольшую работу в колхозах или на предприятиях, чтобы они могли понять, что учеба – это тоже работа. Кроме того, Родари с одоб-

⁶ Его вступление в итальянскую коммунистическую партию относится к 1944 году. Он был активным участником партизанского движения, а потом сотрудником и журналистом в разных газетах и журналах, связанных с партией (см.: Rossitto, 2017).

⁷ В Латвии Родари положительно отмечает наличие университетов для родителей, задача которых – распространять культуру среди масс. Занятия проходят

два раза в месяц в виде лекций и дискуссий на темы детской педагогики и психологии.

⁸ В Италии отношения «школа – семья» официально урегулированы в соответствии с Законом № 477 1973 года и последующими декретами 1974 года.

рением отмечает, что существует коллективная ответственность за детей, которые плохо учатся в школе. Низкие отметки в действительности считаются проблемой всего класса, а также предприятия, которое его курирует. В статье «Пионеры, колхозники и рабочие» от 13 марта 1964 г. Родари отмечает: «Лично мы не очень верим в важность отметок. Система, которую мы кратко описали, однако, как нам кажется, наполнена определенным человеческим и, следовательно, воспитательным смыслом, выходящим далеко за рамки вопроса об отметках. Это делается для того, чтобы ребенок, каким бы маленьким он ни был, почувствовал социальную значимость работы, которую он выполняет, учась в школе» (Rodari, 1964c: 3). Родари приводит в пример крупное автомобилестроительное предприятие (завод имени Лихачева), где есть двадцать четыре детских кружка, которые посещает 1700 ребят, занимающихся в них рисованием, астрономией, моделированием и кинематографией. Родари пишет так: «Есть сотни и сотни фабрик, которые делают то же самое. Но нет ни одной деревушки, какой бы заброшенной и отдаленной она ни была, в которой бы что-то не делалось, учитывая скромные местные средства, чтобы дети после школы не оставались на улице совершенно без присмотра» (Rodari, 1964e: 3).

Размышляя об организации свободного времени молодежи, сравнивая реальную ситуацию в Италии и СССР, он задается таким вопросом: «Анализ спортивных и культурных организаций, а также детских учреждений дополнительного образования и соответствующего инвентаря для занятий в “свободное время” может подсказать интересные идеи для работы. Но кому? Кто здесь у нас (в Италии. – А.К.) должен заботиться о “свободном времени” ребят? Школа? Если министерство, то какое? Сначала нужно обсудить этот вопрос и, исходя

из реальных фактов, признать, что то немногое, что пока делается, почти полностью делается церковными приходами»⁹ (там же).

В статье «Они любят книги больше игрушек» от 18 марта 1964 года автор «Приключений Чиполлино» в итоге останавливается на больших тиражах книг детской литературы в СССР, развитие которой пропорционально обширному кругу читателей в школах и библиотеках. Он пишет, что немало книг издательства «Детская литература» (до 1963 года – «Детгиз») достигает тиражей в миллион и даже полтора миллиона экземпляров (Rodari, 1964g: 3). На вершине рейтинга крупнейшего издательства детской литературы стоят иллюстрированные книги для самых маленьких. Он отмечает, что такие писатели, как А. Гайдар, С.Я. Маршак, С.В. Михалков, Л.М. Кассиль, детская советская писательница и поэтесса А.Л. Барто, известные во всем Советском Союзе так же, как итальянцам известны их кинозвезды, заслуживают того, чтобы о них узнали и в Италии¹⁰ (там же). Особое место в обзоре авторов детских книг Родари занимает Корней Чуковский и, в частности, его «восхитительный маленький шедевр» – «От двух до пяти». Родари называет это произведение Чуковского, которое все еще ждет в Италии своего достойного перевода и признания, «книгой не для детей, а о детях, о том, как они покоряют мир, покоря язык» (Rodari, 1964g: 3).

Из репортажа 1964 года о советских детях для газеты Paese sera читатель получает в принципе положительное впечатление от описания советской школьной системы. Не считая некоторых критических замечаний, журналист приходит к выводу, что в СССР существует «детское просвещение»¹¹, которого не было в Италии в этот период. По его наблюдению, у этой культуры есть три сильные стороны: наличие четкого

⁹ Сам Родари в 20-х годах в Оменье посещал церковный приход (см.: Roghi, 2020: 19).

¹⁰ Родари останавливается на заголовках издательства «Молодая гвардия», выпустившего для детей

произведения Гайдара, Фадеева и рассказы Шолохова.

¹¹ Родари использует это же выражение и в статье «Ребята из соснового бора», опубликованной в жур-

воспитательного идеала, участие всего общества в процессе воспитания, огромные коллективные усилия по интеграции общего и дополнительного образования детей, то есть «школы и свободного времени» (Rodari, 1964e: 3). В Италии 60-х годов в учреждениях для молодежи не хватало такой координации усилий, которую он нашел в советском обществе. Неоднократно в Италии с помощью своего журналистского пера Родари становился выразителем требований тех, кто хотел, чтобы в итальянской школе была проведена реформа, способная сделать школу полноценным центром жизни молодежи. В «Журнале для родителей», директором которого он был с 1968 по 1977 год, в мае 1969 года он рассуждал: «Сама по себе психология бесполезна перед лицом основных проблем образования. Чтобы что-то изменить в жизни, необходимы соответствующие учреждения, а новые плодотворные взаимоотношения между родителями и детьми могут сложиться только в результате совместных усилий, направленных на создание этих новых условий, этой новой школы, этого нового “детского просвещения”» (Rodari, 1969: 6). И невозможно не отметить, что своими идеями и своим трудом писателя и журналиста Родари значительно способствовал не только реформе школьной системы, но и конкретным системным изменениям «как культурного, так и собственно теоретического плана» языкового образования в обязательной итальянской школе (De Mauro, 1980: 3). Эти изменения, направленные

на многоязычность¹², излагаются в стихотворении *Una scuola grande come il mondo* («Школа размером с мир»), текст которого звучит так:

C'è una scuola grande come il mondo.
Ci insegnano maestri, professori,
avvocati, muratori,
televisioni, giornali,
cartelli stradali,
il sole, i temporali, le stelle.

Ci sono lezioni facili
e lezioni difficili,
brutte, belle e così così.

Ci si impara a parlare, a giocare,
a dormire, a svegliarsi,
a voler bene e perfino
ad arrabbiarsi.

Ci sono esami tutti i momenti,
ma non ci sono ripetenti:
nessuno può fermarsi a dieci anni,
a quindici, a venti,
e riposare un pochino.

Di imparare non si finisce mai,
e quel che non si sa
è sempre più importante
di quel che si sa già.

Questa scuola è il mondo intero
quanto è grosso:
apri gli occhi e anche tu sarai
promosso¹³ (Rodari, 2020: 153-154).

нале *Il giornale dei genitori* («Журнал для родителей») (см.: Родари, 1969: 6). Родари принял руководство этим журналом, основанным Адой Маркезини Гобетти в 1959 году.

¹² Лингвист Туллио де Мауро справедливо назвал Родари «многоязычным писателем» не только потому, что его книги переведены на разные иностранные языки, но и потому, что «на каждой странице он ставил под сомнение устоявшиеся языковые институты, сталкивал одно слово с другим, заставлял их быть вместе в одном контексте против всяких привычек, нарушал правила игры, прежде чем играл, и это непрерывное языковое разбивание и сборку

фрагментов в новые тексты он сделал центром своей писательской деятельности» (De Mauro, 1980: 3).

¹³ На русском языке в нашем переводе это стихотворение звучит так:
Школа размером с мир.

Есть школа размером с мир.
Там преподают учителя и профессора,
адвокаты, строители,
телевизоры, газеты,
дорожные указатели,
солнце, бури, звезды.

Есть уроки простые

Со временем, однако, узнавая лучше советскую систему, Родари осознает также ее ограничения, особенно в области работы СМИ. В 1979 году он осуществляет свою последнюю поездку в СССР, во время которой не скупится в своих заметках на критические замечания. Так, в «Орленке» на берегу Черного моря, посещая «пионерский лагерь РСФСР», он не ограничивается тем, что скрупулезно отмечает его размеры: площадь 320 га, 4 км набережной и 32 км внутренних дорог. О сопровождающем его пионере он высказывается так: «Ответственный по лагерю, который дает мне эту информацию – привыкший к своей роли пропагандист. Он не в состоянии ответить на мои вопросы; у него свой собственный график моего “посещения”, и он не понимает моей рабочей программы. Он не может разговаривать с иностранцами. В его словах смесь показухи, подбострастия и пропаганды» (Rodari, 1984: 158). Знание русского языка теперь позволяет итальянскому писателю-журналисту выйти за рамки привычных речей, специально подготовленных коммунистической молодежной организацией, чтобы произвести хорошее впечатление на гостей. Вот что он пишет о встрече с группой пионеров из России, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Киргизии, Туркменистана и Казахстана: «В основном невольно они отождествляют жизнь пионерской организации со “свободным временем” и не понимают, насколько это важно для формирования личности. Они отвечают так, как, по их мнению, было бы правильным для взрослых. Они уже приучены к некоторому отсутствию искренности» (Rodari, 1984: 163).

и уроки трудные,
плохие, хорошие и так себе.

Там учатся говорить, играть,
спать, просыпаться,
любить и даже
сердиться.

Там постоянно экзамены,
но нет второгодников:

Итак, в основном положительные впечатления, изложенные в репортаже 1964 года, впоследствии сменяются разочарованием не только в системе образования, но и в целом в отношении быта в СССР. В частности, в путевых заметках 1979 года его оценка подачи информации в Советском Союзе несколько критична: «Противоречивые впечатления от советского телевидения: документальные фильмы и новости передают ощущение бесконечного пространства, места и народы отличаются друг от друга намного сильнее, чем на Западе. Картины постоянно развивающейся грандиозными темпами строительной площадки и, конечно, ужасающие проблемы в противовес показухе, риторике, отсутствию достоверной информации об остальном мире, что поражает и огорчает. <...> Никогда не покажут настоящую дискуссию культурно-политического характера с выражением разных мнений и рассмотрением вопроса с разных точек зрения. Редко появляется голос обычного гражданина, и то только в сопровождение и в подтверждение идей, высказанных на телевидении, которое выполняет вездесущую политико-педагогическую функцию, с редкими паузами сомнительного вкуса (эстрадная музыка)» (Rodari, 1984: 156). Если принять во внимание то, что Родари разделял грамшианское видение марксизма как жизненно важную и несводимую к жестким догматическим формулам теорию (см.: Rodari, 1948: 1), то не удивляют его критические заметки в отношении СССР 70-х годов, которые все еще ждут своего перевода на русский язык. Они доказывают, что как писатель-журналист

никто не может остановиться ни в десять лет,
ни в пятнадцать и ни в двадцать
и немножко отдохнуть.

Не перестают здесь никогда учиться,
И неизвестное всегда важнее известного.

Это школа, как целый мир,
Настолько она большая:
Открой глаза, и экзамен будет сдан.

Родари не ограничивался описанием действительности, но также подвергал ее критическому анализу.

В заключение этого живого экскурса в публицистическую прозу Родари, посвященную советским детям, можно отметить, что итальянский писатель-журналист родом из Оменьи в течение долгого времени проявлял постоянный интерес к детям и подросткам СССР, а также внимание к «Стране Советов», в которой они жили. В то же время с годами его мнение о советском обществе меняется в связи с постепенным ужесточением политической и социальной систем и ограничениями свободы слова в сфере культуры, что указывает на его критическое мышление и интеллектуальную свободу. В конце стоит вспомнить слова литературоведа Кармине Де Лука, который кратко и точно так охарактеризовал деятельность Джанни Родари-журналиста: «Журналистика Родари характеризуется интеллектуальной честностью, ясностью изложения, постоянным вниманием к потребности читателя понять, отказом от недомолвок, банальности, от стереотипных выражений, от апологетических и риторических тонов» (De Luca, 1981: 170).

*Перевод с итальянского языка
Джейран Садыховой
и Антонеллы Кавачца*

Источники

Rodari, G. Amano più i libri che i giocattoli // Paese sera. 1964. No. 77 (18 marzo). P. 3. (g)

Rodari, G. Giochi nell'URSS. Appunti di viaggio. Torino: Einaudi, 1984.

Rodari, G. I "comitati dei genitori" e la loro funzione nella scuola // Paese sera. 1964. No. 70 (11 marzo). P. 3. (b)

Rodari, G. I pionieri italiani e sovietici // Noi donne. 1951. No. 25. P. 11.

Rodari, G. I ragazzi della pineta // Il giornale dei genitori. 1969. No. 5. P. 6.

Rodari, G. I veri padroni di casa anche a scuola sono loro // Paese sera. 1964. No. 68 (9 marzo). P. 3. (f)

Rodari, G. Il Libro delle filastrocche / ed. di L. Paciscopi; ill. di V. Berti. Firenze: Toscana Nuova, 1952.

Rodari, G. Il paese dove è stata fondata una vera "civiltà dell'infanzia" // Paese sera. 1964. No. 87 (28 marzo). P. 3. (e)

Rodari, G. L'uomo nella realtà // Adamo: lettere e arti. 1948. No. 6. P. 1-2.

Rodari, G. Lezione di lettura a Sebastopoli // Paese sera. 1964. No. 65 (6 marzo). P. 3. (d)

Rodari, G. Libro degli Errori. Torino: Einaudi, 2020 [1980].

Rodari, G. Pionieri, colcosiani e operai // Paese sera. 1964. No. 72 (13 marzo). P. 3. (c)

Rodari, G. Viaggio fra i bambini sovietici // Paese sera. 1964. No. 62 (4 marzo). P. 3. (a)

Литература

Маршак, С.Я. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. 646 с.

Argilli, M. Gianni Rodari. Una biografia. Torino: Einaudi, 1990.

Bacchetti, F. Rodari lettore e recensore // G. Rodari. Testi su testi. Bari: Laterza, 2005. P. XI-LVII.

De Luca, C. Un giornalista con il gusto di raccontare // Leggere Rodari / a cura di G. Bini. Amministrazione provinciale: Ufficio scuola Pavia, 1981. P. 156-202.

De Mauro, T. Perché è stato tanto ignorato // L'Unità. 1980. No. 88 (16 aprile). P. 3.

Roberti, A. Cipollino nel paese dei Soviet. La fortuna di Gianni Rodari in URSS (e in Russia). Torino: Lindau, 2020.

Roghi, V. Lezioni di fantastica: storia di Gianni Rodari. Bari: Laterza, 2020.

Rossitto, M. Giovanni Francesco Rodari // Dizionario biografico degli italiani. Vol. 88. 2017 [Электронный ресурс] URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-rodari_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-rodari_(Dizionario-Biografico)/) (Дата обращения: 11.01.2021).

Scritti di Gianni Rodari sui quotidiani e periodic (disponibili presso il Centro studi) / a cura di G. Diamanti [1993].

Spriano, P. I suoi libri restano nelle nostre case // L'Unità. 1980. No. 88 (16 aprile). P. 3.

Sources

Rodari, G. (1948), "A person in reality", *Adamo: lettere e arti* [Adam: letters and arts], 6, 1-2 (in It.).

Rodari, G. (1969), "Guys from the pine forest", *Il giornale dei genitori* [Parents' Newspaper], 5, 6 (in It.).

Rodari, G. (1984), *Giochi nell'URSS. Appunti di viaggio* [Games in the USSR. Travel notes], Einaudi, Turin, Italy (in It.).

Rodari, G. (1951), "Italian and Soviet pioneers", *Noi donne* [We women], 25, 11 (in It.).

Rodari, G. (1952), *Il Libro delle filastrocche* [The Book of Nursery Rhymes], in Paciscopi, L. (ed.), Toscana Nuova, Florence, Italy (in It.).

Rodari, G. (1964a), "Journey among Soviet children", *Paese sera* [Evening Country], 62 (4 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (2020), *Libro degli Errori* [Book of errors], Einaudi, Turin, Italy (in It.).

Rodari, G. (1964b) "Parent committees' and their functions at school", *Paese sera* [Evening Country], 70 (11 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (1964c), "Pioneers, farmers and workers", *Paese sera* [Evening Country], 72 (13 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (1964d), "Reading lesson in Sevastopol", *Paese sera* [Evening Country], 65 (6 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (1964e), "The country where the real 'civilization of childhood' was founded", *Paese sera* [Evening Country], 87 (28 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (1964f), "The real masters, even at school, are they", *Paese sera* [Evening Country], 68 (9 March), 3 (in It.).

Rodari, G. (1964g), "They like books more than toys", *Paese sera* [Evening Country], 77 (18 March), 3 (in It.).

References

Argilli, M. (1990), *Gianni Rodari. Una biografia* [Gianni Rodari. Biography], Einaudi, Turin, Italy (in It.).

Bacchetti, F. (2005), "Rodari reader and reviewer", *Rodari, G. Testi su testi* [Texts upon texts], Laterza, Bari, Italy, XI-LVII (in It.).

De Luca, C. (1981), вЪА journalist with the taste to tellвЪА // Leggere Rodari [Read Rodari], in Bini, G. (ed.), Amministrazione provinciale, Ufficio scuola Pavia, Italy, 156-202 (in It.).

De Mauro, T. (1980), "Why was it so ignored", *L'Unità* [The Unit], 88 (16 april), 3 (in It.).

Marshak, S. Ya. (1969), *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh. Tom 4* [Collected works in 8 volumes. Vol. 4], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, 646 (in Russ.).

Roberti, A. (2020), *Cipollino nel paese dei Soviet. La fortuna di Gianni Rodari in URSS (e in Russia)* [Cipollino in the Country of Soviets. Gianni Rodari's fortune in the USSR (and Russia)], Lindau, Turin, Italy (in It.).

Roghi, V. (2020), *Lezioni di fantastica: storia di Gianni Rodari* [Lessons of fantastica: History of Gianni Rodari], Laterza, Bari, Italy (in It.).

Rossitto, M. (2017), "Giovanni Francesco Rodari", *Dizionario biografico degli italiani* [Biographical Dictionary of Italians], vol. 88 [Online], available at: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-rodari_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-rodari_(Dizionario-Biografico)/) (Accessed 11 January 2021) (in It.).

Scritti di Gianni Rodari sui quotidiani e periodici (1993) [Writings by Gianni Rodari on newspapers and periodicals], available at the Study Center, in Diamanti G. (ed.) (in It.).

Spriano, P. (1980), "His books remain in our homes", *L'Unità* [The Unit], 88 (16 april), 3 (in It.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кавацца Антонелла, доцент славистики, Урбинский университет имени Карло Бо; Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Италия (Урбино, Италия); antonella.cavazza@uniurb.it

ABOUT THE AUTHOR:

Antonella Cavazza, Department of Communication Sciences, Humanities and International Studies. Cultures, Languages, Literatures, Arts, Media (DISCUI), Carlo Bo University of Urbino; 2, Via Aurelio Saffi, 61029 Urbino, PU, Italy; antonella.cavazza@uniurb.it

УДК 111; 165

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-8

Харченко В. К. | «Приключения Чиполлино» Джанни Родари:
взрослое прочтение и актуальности сегодняшнего дня

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается новая актуальность классического детского текста «Приключения Чиполлино» Джанни Родари. Этот текст имел большой успех в нашей стране, но сейчас он заставляет задуматься над целым рядом нерешенных проблем. Автор насчитывает до десяти таких острых вопросов. Прежде всего, это воспитание мальчиков, развитие мужского отношения к жизни, к делу. Большое количество препятствий на пути к достижению цели – освобождению отца из тюрьмы – тоже составляет необходимое звено в сознании маленького Чиполлино. Кроме этого, эмоциональная отзывчивость, приоритет отца, навыки коммуникативного поведения, взрослые вопросы, такие как деление на друзей и врагов, отношение ко лжи, внимание к школе, многообразие предметов, которые надо хорошо выучить, – все это составляет существо книги и одновременно является актуальностью сегодняшнего дня.

Ключевые слова: мальчиковая книга; препятствия и их преодоление; коммуникативное общение; нацеленность на учебу; множество учебных предметов; Чиполлино; Джанни Родари

Для цитирования: Харченко В. К. «Приключения Чиполлино» Джанни Родари: взрослое прочтение и актуальности сегодняшнего дня // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 88-97. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-8

V. K. Kharchenko | Gianni Rodari "The Adventures of Cipollino": an adult reading
and the relevance of today

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia,
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract. The article reveals the new relevance of the classic children's text "The Adventures of Cipollino" by Gianni Rodari. This text was a great success in our country, but now it makes us think about a number of unsolved problems. The author counts up to ten such sensitive questions. First of all, this is the upbringing of boys, the development of a man's attitude to life, to business. A large number of obstacles on the way to achieving – the goal of freeing his father from prison – also constitutes a necessary link in the mind of little Cipollino. In addition, emotional responsiveness, father's priority, adult issues: communication skills, division into friends and enemies, attitude to lies, attention to school, a variety of subjects that need to be learned well – all this is the essence of the book and at the same time is the relevance of today.

Key words: boy's book; obstacles and their overcoming; communication; focus on learning; a variety of academic subjects; Cipollino; Gianni Rodari

For citation: Kharchenko V. K. (2022), "Gianni Rodari 'The Adventures of Cipollino': an adult reading and the relevance of today", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 88-97, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-8

Наука в основе своей противоречива. Герменевтика детства, все сильнее интересующая лингвистов (мы имеем в виду прежде всего ежегодные международные конференции, организуемые Институтом детства в Санкт-Петербурге), преисполнена на сегодняшний день весьма значимыми открытиями. Кроме вполне ожидаемых наблюдений в области синтаксиса и морфологии, фонетики и словообразования, в орбиту изысканий попадает речь херитажных детей, речь детей с нарушениями артикуляции, специфика межличностного общения с братьями и сестрами, проекция детской речи на историю языка, на художественные изыски и многое другое. Особую значимость приобретают и словари детской речи, которые мы собирали на протяжении вот уже тридцати лет, то есть имело место и лонгитюдное изучение речи ребенка. Детская литература тоже становилась объектом пристального наблюдения. Все это понятно и объяснимо, но не случайно говорится, что значимые успехи той или иной науки являются в то же время и ее недостатками. Успехи исследований в сфере детского образования, детского мышления, детской речи заставляют, однако, задуматься: нет ли здесь порой невидимых, неощутимых потерь, и юбилеи детских писателей наводят нас на ряд мыслей. Какие

они, эти соображения? – высветить их помог один детский текст: «Приключения Чиполлино» Джанни Родари.

Подготовка и участие в международном научно-практическом симпозиуме «Герменевтика детства: Джанни Родари в СССР и в современной России», который проходил в Белгороде 22 и 23 октября 2021 года¹, побудили нас заново открыть и прочитать (не пере-, а про-читать, поскольку она хорошо забылась!) самую известную книгу «Приключения Чиполлино». Это, можно сказать, классическая работа, по которой написано немало научных статей, но попробуем взглянуть на книгу с учетом самых последних событий, прочитать ее еще раз.

Прежде всего, бросается в глаза, что это **мальчиковая книга**. Значит, она актуальна именно сегодня, когда целые поколения мальчишек растут без отцов и вопросы гендерного переустройства становятся, к сожалению, все актуальнее. «С мальчиками же вышла полная катастрофа: навыки мужского воспитания, чрезвычайно трудоемкие, требующие не доведенного до совершенства блефа, а ответственных жестов, не слишком изменившихся со времен архаических ассоциаций, – эти навыки уже и были восприняты в крайне неразборчивой распечатке. ...Процессы, контролируемые мате-

¹ Международный научно-практический симпозиум «Герменевтика детства: Джанни Родари в СССР и в современной России» 22-23 октября 2021 года был организован Международным научно-исследовательским центром «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного университета в сотрудничестве с отделом классической

русской литературы ИМЛИ РАН (Москва), Урбинским университетом имени Карло Бо (Италия), Белгородской государственной детской библиотекой А.А. Лиханова в год 100-летия со дня рождения Джанни Родари. В этом номере журнала публикуется ряд статей по материалам выступлений на симпозиуме.

рю или “обществом” (труд любви, образование, нарциссизм), худо-бедно, но все же работают, а вот участок мужского воспитания полностью обесточен. В результате “выпускаемые в жизнь” мальчики несут в себе эту изначально заложенную недоработку, глубокий экзистенциальный дефицит достоверности бытия мужчиной» (Секацкий, 2005: 205-206). Спросим себя, много ли у нас детских книг, написанных мужчинами и адресованных маленьким мужчинам?

Исследования детской речи наглядно показывают этот дефицит мужского воспитания. Скажем строже: книга написана мужчиной и написана для маленьких мужчин. В телепередаче «Наблюдатель» 20 октября 2021 года прозвучали слова из прошлого: «Я пишу для маленьких мальчиков, которые хотят стать мужчинами, и для мужчин, помнящих детство». Многие ли современные писатели скажут так? А коль скоро эта книга мальчиковая, то и мышление героев должно быть строгим, мальчиковым.

Мальчики ставят перед собой задачи и добиваются их решения. Вот и анализируемая книга полна таких задач. Задачи взрослые, а решает их маленький мальчик, и решает успешно.

Книга мальчиковая и написанная мужчиной. Приведем в подтверждение этому следующие два эпизода.

«Действительно, принц Лимон устроил в лесу фейерверк, чтобы развлечь графинь. Фейерверк у него был особенный. Он связывал своих солдат Лимончиков попарно и стрелял ими из пушки вместо ракет. Ему казалось это очень забавным зрелищем» (с. 152²). «Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из руки бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щелкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца. Правитель был так ошеломлен,

что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него» (с. 195).

Но книга детская. Поэтому в ней есть и такой эпизод: *«Земляничка засунула палец в рот: это ей всегда помогало в трудные минуты. Пососешь палец – и в голову тебе придет дельная мысль» (с. 82).*

Скорость событий завораживает: *«А ведь в ту минуту, когда на лес спускается ночная тьма, все действующие лица нашей повести заняты именно поисками и погоней. Сыщик и его собака ищут беглецов; полицейские ищут сыщика; принц ищет полицейских; мастер Виноградинка и его друзья отправились на поиски Чиполлино; Чиполлино и Вишенка разыскивают мастера Виноградинку; Редиска ищет Чиполлино; кавалер Помидор и синьор Петрушка ищут Вишенку» (с. 143).* События спешат к финалу: *«С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой – одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть. Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро: дома, люди, машины, лошади так и замелькают перед нашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдет с обычной скоростью, то, оказывается, многое уже позади и все на экране изменилось...» (с. 216).*

Далее, коль скоро это мальчиковая проза, то в ней герой (маленький мальчик по существу!) преодолевает не одно-два на книгу, а **великое множество препятствий**. Каждая глава – это преодоление, и препятствия являются весьма серьезными, взрослыми. Тут и уход из дома ради спасения отца, и тюрьма, и побег из тюрьмы, и подкоп, и предательство, и... Что ни глава, то новое, причем серьезное препятствие. Нарративы зашкаливают. Читать все это так же интересно, как книги Жюль Верна, где герои все в итоге преодолевают, но герои Жюль Верна, согласимся, старше по возрасту.

² Все цитаты из книги «Приключения Чиполлино» даны по изданию (Родари, 1955).

В «Приключениях Чиполлино» нет центральной кульминации, потому что кульминация присутствует почти в каждой главе. Есть здесь и смерть (паука Хромоножки), не без этого. Какая глава самая страшная? Какая самая драматичная? И не скажешь. Препятствия всегда тяжелы. Вот Чиполлино, пребывая в тюрьме уже десять дней, думает: *«Отец болен – значит, и думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придется нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарств... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И остаться тут после смерти»*, – проговорил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор» (с. 186). Это единственное, пожалуй, размышление в книге, поскольку десять дней – срок немалый.

Продолжим разбор книги. Книга мальчиговая, поскольку в ней описаны **действия** героя. В книге почти нет размышлений, сомнений, правит бал действие, и это действие вызывает восхищение читателя.

Вот Чиполлино вырвал у правителя бич и полоснул им по спине принца (с. 195).

Вот Чиполлино...

«– У нас нет пушек, – робко вмешался кум Тыква.

– У нас нет пулеметов, – пробормотал Лук Порей.

– У нас нет ружей, – добавил мастер Виноградинка.

– У нас будет все, что нужно, сказал Чиполлино. – Не беспокойтесь. А сейчас нам пора спать» (с. 152)

«Мы воспитываем людей, которые не способны к действию». Такие слова прозвучали из уст священника из Белоруссии Саввы (Мажуко) 18 января 2019 года (телеканал «Спас»). И тут же священник процитировал фрагмент из книги Вл. Соловьева:

«Нам нужны атеисты. Кто построил Суэцкий канал?». Наблюдается фатализм, и получается *народ-ребенок*: как сверху скажут, так и... Люди действия, люди, способные действовать, – вот прерогатива сегодняшнего дня. «“Я не Марат Казей!” – таких ответов стало много среди детей», – рассказывает отец Савва. Отвечать так на любое предложение учителя или кого бы то ни было – распространилось в последнее время. А Марат Казей во время войны помогал партизанам, то есть вел настоящую войну с неприятелем, захватившим его родину. Поэтому в череде недостатков современной действительности выделяется еще и такой недостаток, как редукция авторизации, отсутствие соло, солистов действия.

Какую опасность несет сейчас в себе все расширяющаяся редукция авторизации? «Иными словами, упадок полномасштабного бытия от первого лица, уход от ответственности политических решений на всех уровнях, девальвация гражданской позиции, которая теперь преимущественно в том, чтобы найти самое безобидное мнение и гордо заявить: на том стою и не могу иначе» (Секацкий, 2015: 164). Автор пишет о Швейцарии, но и к России это имеет самое непосредственное отношение. Приведу отрывок из родословной: «Я узнала, что мой прадед вырастил огромный сад вокруг барского дома. Посадил замечательную липовую аллею, которая ведет от дома Раевских к берегу реки Орлик. Эта аллея с вековыми деревьями существует до сих пор» (С.Р.)³. А вот две цитаты из книги А. Максимова: «Я не устаю повторять, что Господь – штучный Мастер. Каждого человека он создает как отдельную личность, в чем-то похожей, но в чем-то абсолютно непохожей на других» (Максимов, 2017: 276). «Ребенок – это не просто зеркало. Это зеркало с рентгеном. Просвечивает насквозь» (Максимов, 2017: 50).

Чиполлино действует, и в итоге действия его и его друзей приводят к пере-

³ Из личного архива автора.

устройству общества, к революции, к образованию свободной республики. *«Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика»* (с. 295).

Самостоятельность – да, ответственность – да, но что же «внутри» Чиполлино? Оказывается, внутри – **приоритет отца**, его слова, его советы. Образа Чиполлоне, отца Чиполлино, в книге будто бы нет, но его слова постоянно звучат в сердце маленького героя. Концепт семьи тоже вроде бы в этой книге отсутствует, все семеро братьев остаются дома, когда Чиполлино уходит. И путеводной нитью ему служит завет, данный себе и адресованный старому Чиполлоне, отцу. Приоритет отца чрезвычайно значим для Чиполлино. Есть глава, где он не уходит из тюрьмы с друзьями, а остается в тюрьме, желая помочь отцу. Отец не изображен сильным, святым, но он отец, и этим все сказано. Он незримо присутствует в книге. Вот письмо отца Чиполлино: *«Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься, и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил»* (с. 168). И тут вскоре приходит на помощь Крот, и все заключенные освобождаются. А Чиполлино? *«Разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!»* (с. 191).

Вот Чиполлино смотрит, как пленники медведи, освободившись, обнимают своего косолапого сына. *«Крупные слезы текли по их мохнатым щекам. / Чиполлино был растроган до глубины души. / «Бедный мой отец! – думал он. – Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы»* (с. 133). Книга, повторим, мальчиковая, и в ней остро стоит вопрос о дефиците мужского воспитания, воспитания со стороны отцов, и здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой современности – дефицитом старшего мужского наставника, отца. В от-

ношении детской речи, которую мы наблюдали на протяжении тридцати лет, у нас нет примеров, иллюстрирующих это отсутствие отца, а ведь это тревожно, очень тревожно.

В качестве примера приведем следующий отрывок из автобиографической повести писателя и математика Сергея Павловича Боброва. «Где-то в воздухе около отца всегда витает что-то страшное. Например: у няни можно спрашивать что-нибудь хоть по сто раз. Всякий – по-моему – прекрасно понимает, что ведь это такая и г р а , когда спрашиваешь только для того, чтобы еще раз услышать то, что тебе нравится, что тебе слух ласкает. А вот около отца в его атмосфере все это совершенно не так! У него хорошо еще, если удастся спросить раза два и то не сразу, а через неделю, скажем, а уж на третий раз он тебе беспощадно ответит ледяным тоном, глядя тебе прямо в глаза: “Тебе отлично известно, что...” – и язык у тебя от ужаса примерзнет к глотке» (Бобров, 1966: 19). Согласимся, что это сугубо отцовская реакция, не подвластная женскому окружению.

Обращает на себя внимание и **эмоциональная компонента** образа: Чиполлино не стыдится своих чувств, хотя речь идет о мальчике. Повторим его мечту об отце: *«Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы»* (с. 133). Показательно, что это говорится, когда все чаще раздаются голоса: не надо эмоций! Только без эмоций! Об этом пишет Н. Иванова в своей статье «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности» (Иванова, 2011). «Психологи встревожены возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок – и негативным отношением к эмоциям: от установки в обычной жизни («Давайте обойдемся без эмоций», «Оставим эмоции в стороне!») до литературной моды на полную бесстрастность, отчужденность от чувства, отказ от его изображения, нежелание иметь дело со страда-

нием и состраданием, а также гневом, радостью, страхом и печалью» (Иванова, 2011: 4).

Чиполлино – веселый мальчик, несмотря на трудности, поджидающие его в каждой главе. Вот самое начало книги. *«Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть, – это потому что у него на глаза навернулась большущая слезища. / – Назад, глупая! – прикрикнул на нее Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь. / Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась»* (с. 7). *«С этого самого дня Чиполлино начал работать в мастерской Виноградинки и скоро достиг больших успехов в сапожном деле: натирал воском драгву, подбивал подметки, ставил набойки, снимал мерку с ног заказчиков и при этом не переставал шутить»* (с. 22). А как заразительно смеялись Чиполлино, Редиска и Вишенка у забора замка!

Всё? Нет, конечно! Рассмотрим подробнее теперь, кто именно окружает Чиполлино. Кто-то из изучавших повествование заметил, что дешевые овощи здесь выступают как положительные герои, а вот дорогие фрукты и овощи (*Апельсин, Мандарин, сеньор Помидор*) являются отрицательными. А с кем действует Чиполлино? С кем он общается по ходу своих дел? Мальчик-«ботаник», как мы сейчас бы сказали про Вишенку, девочка Редиска, старый Крот, которого Чиполлино обманул, чтобы спасти отца, но потом признался в обмане. Все эти герои самые обычные, как, впрочем, и Чиполлино, однако отношение к ним у главного героя самое доброжелательное, хотя об этом напрямую нигде не говорится. **Навык коммуникативного общения** здесь очень заметен, это то, что сейчас, сегодня, уходит из общения взрослых и, как следствие, из общения детей, хотя началось это еще до пандемии.

Удивительно, что в книге этот навык коммуникативного общения распространяется на всех живых существ: на затравленного мальчика Вишенку (ни словом не по-

казано детское презрение к этому человечку, травля, буллинг!), распространяется на девочек (Редиску, Земляничку), на Крота, паука Хромонога, Тыкву, да и сам Чиполлино – это ведь луковица с ее запахом, слезами, когда режешь. Получается, что общение строится только по характеру героев, а не по их внешнему виду. Вспоминаются в связи с этим герои нашей современницы Джоан Роулинг, в орбиту влияния которых втянуты лица самых разных национальностей, и успех книги во многом был определен именно этим качеством (см.: Смит, 2003). Неважно, как выглядит твой друг, кто он по гендеру, по национальности, – ценность общения всегда выше предрассудков.

«– Видано ли когда-нибудь, – буркнул Медведь, – чтобы Медведь дружил с Чиполлино, с луковицей! / – А почему бы и нет? – возразил Чиполлино. – На этом свете вполне можно жить в мире. Для всех на земле есть место – и для медведей и для луковиц» (с. 124).

Книга детская, но ситуации, в ней описанные, характерны для взрослого мира. Еще один предрассудок – это **деление окружающих на друзей и врагов**. Вспомним А.С. Пушкина, его деление мира на друзей и врагов, «что, может быть, одно и то же». Несмотря на то, что книга адресована детям, прослеживается мысль, что при делении окружающих на своих и чужих, на друзей и врагов надо быть осмотрительнее. Жизнь глубже такого деления.

«Спаси меня, боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам избавлюсь» (с. 162). *«Принц Лимон был, в сущности, прав. Друзья у принцев всегда бывают опаснее врагов, и принцам остается только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах»* (с. 162).

Пословицы? Да, конечно! Нескладные, но такие необходимые! *Есть отец – убил бы, нет отца – купил бы*. Это о трудности простого послушания, но как сказано! *Нет дружка, как батюшка*. Не слышали мы такой пословицы. У нас по-дру-

гому: «Нет лучше дружка, чем родная матушка». Не ставь приятеля овцою, ставь его волком. Эта об осторожности в дружеских чувствах.

А вот упреки паука Семь с половиной в адрес Хромонога: «*“Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!”* Хромоногу пришлось и на этот раз покориться» (с. 180). Хромоног погиб, а его друга охватило раскаяние: «*И он не сказал мне ни слова о своем поручении! А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовней в то время, когда нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне все ясно: по моей вине погиб Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю*» (с. 183-184).

Особого разговора требует **отношение ко лжи**. Взрослое отношение ко лжи характеризуется в книге весьма своеобразно. Вот признание обезьяны: «*Я никогда не вру, то есть вру только в случае крайней необходимости, разумеется. Однако, знаете, я люблю приврать. Да-да... У вранья какой-то особый приятный вкус...*» (с. 136). Какие современные слова, не правда ли? А ведь они адресованы детям, тем, кто впервые сталкивается с ложью и должен понимать опасность такого столкновения. Что у лжи приятный вкус – дети рано схватывают это свойство. И важно понимать, что ложь – это всегда обман, нарушение чего-то весьма важного в жизни. Увы и ах, сейчас появляются исследования о том, что умение солгать – признак развития личности (Гитер, 2013: 225-227). О лжи пишут многие, укажем некоторые работы (Болинджер, 1987: 23-43; Вайнрих, 1987: 44-87). Т.В. Черниговская, отвечая на вопрос, как мозг нас обманывает, почему врут честные люди, сказала: «Почему врут люди? Хотят улучшить свой имидж, хотят скрыть, что было так себе, хотят не делать некоторые шаги, которые сделали... В Институте мозга был проект про ложь, и что

меня поразило, так это то, что это дорого обходится человеку. Ложь – это очень затратный процесс, напряженнейшая работа мозга, потому что нельзя завратиться до такой степени, что в это начинаешь верить, то есть когда ты врешь на внешний мир, у тебя в сознании должен быть кусочек, который говорит тебе: не забывай, что это ложь. То есть двойная работа, контроль очень большой, энергозатратное дело!» (Черниговская, 2021).

А отрицательные персонажи? О, здесь большой расклад. Во-первых, высмеивается обжорство (*сеньор Апельсин*). Во-вторых, высмеивается доноительство и предательство (*Горошек*). В-третьих, подвергаются смеху две графини Вишни с их абсурдными требованиями к мальчику Вишенке и ко всем подчиненным. И все это рассказано весьма и весьма подробно. «*На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха*» (с. 197). Гротеск? Конечно, конечно! Однако это весьма узнаваемое даже сейчас преувеличение.

В мире много зла – так говорится, и с этим надо жить, к этому надо приспособляться, если не получается сопротивляться. Но вот парадокс: у Чиполлино получалось! И в итоге зло было побеждено. Однако книга детская, поэтому даже отрицательных героев никто не уничтожает, они просто выбывают из повествования.

«*Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удра с башни*» (с. 216). «*Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женицин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но, в конце концов, раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!*» (с. 216). «*А вот кум Тыква больше не*

вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным». «Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили» (с. 217).

В конце книги есть и о революции, и о флаге. Все это сигналы того времени, и мы принимаем правила игры.

А вот конец: Чиполлино с друзьями в школе. **Зачем учиться, если ты можешь быть полезным и так, без этого? И книга отвечает на этот вопрос.** Школа – это «самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра» (с. 217), так сказано. Но – зачем учиться? И приводятся здесь слова старого Чиполлоне: «Не забывай, дружок... негодяев на свете много и те, которых мы выгнали, могут еще вернуться!» (с. 219). Вот для чего нужна школа, нужны знания! Дети учат арифметику, грамматику, географию, историю «и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы защищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны» (с. 219).

У меня книга 1955 года с великолепными рисунками В. Сутеева. Вот конец, школьное занятие. Изображены четыре ученика, но, что интересно, они все по-разному реагируют на происходящее. Веселый Чиполлино сидит рядом с серьезным Вишенкой, а сзади сидят две девочки: мечтающая о чем-то Редиска и Земляничка, погруженная в учебник. Почему все кончается школой? И здесь мы выявляем еще одну особенность повествования: **школа как игра, как необходимое звено для будущих сражений**, к которым надо готовиться, то есть учиться. Повторим? Школа – это «самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра» (с. 217). Врагов много, и вспоминаются слова старого Чиполлоне: «Не забывай, дружок... негодяев

на свете много и... [они] могут еще вернуться!» (с. 219). Все завязано в один узел, и, по существу, в глубинах повествования нет ничего детского.

Вчитаемся в слова: дети учат арифметику, грамматику, географию, историю «и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать» (с. 219). Оказывается, что помимо грамматики и арифметики, географии и истории надо изучить еще «все остальные предметы». Хорошенько изучить, потому что мы не знаем наперед, какое знание нам понадобится, пригодится в той или иной ситуации, поэтому задача школы – не подготовка к ЕГЭ, ОГЭ⁴, а набор знаний, фундаментально необходимых человеку, в какой бы области жизни он ни находился. К чему готовили в лицее юного Пушкина с товарищами? Ко всему. И выросли в итоге: губернаторы, тайные советники, мореплаватель, путешественник, поэты, канцлер... (весь цвет петербургского общества)!

Показательно, что отец, старый Чиполлоне, как минимум трижды наставляет Чиполлино: «—...А ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму. / – Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что. / – Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба – старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, кто имеет власть» (с. 9). А вот отрывок из письма Чиполлоне в тюрьме к сыну: «Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил» (с. 168). И в самом конце идет напутствие на учебу в школе. Зачем же? А потому что простых знаний оказывается недостаточно для жизни.

О, книга великолепна! Она притягивает своим языком, прежде всего, хотя это

⁴ ЕГЭ (единый государственный экзамен) – централизованно проводимый в Российской Федерации экзамен в средних учебных заведениях; служит одно-

временно выпускным экзаменом из школы и вступительным экзаменом в вузы; ОГЭ (основной государственный экзамен) – итоговый экзамен за курс основного общего образования в России.

всего лишь перевод с итальянского З. Потаповой. Здесь есть и гротеск, и обыгрывание фразеологизмов, и метафорические ряды, и ирония. И примеров можно привести очень много.

«Помидор не верил своим глазам. Тюремичики, стоявшие рядом с ним, увидели, что он покраснел, пожелтел, позеленел, посинел и, наконец, почернел от злости» (с. 72). «Найти кровать невооруженным глазом может каждый, но сыщик-специалист должен производить розыски научно, при помощи соответствующей техники» (с. 109).

Мы перечислили до десяти особенностей книги «Приключения Чиполлино». И будто бы ничего оригинального в них нет, если не признать, что все они суперактуальны сейчас, в силу необходимости, прежде всего, мальчикового воспитания. Пусть это сказка, но в ней таятся глубокие смыслы. Мы назвали «Приключения Чиполлино» классической книгой, потому что только классический текст, когда его перечитываешь, открывает для тебя нечто новое. Он неисчерпаем и прекрасно отвечает другой, уже новой эпохе, будто был написан специально для нее, и ценность его все возрастает.

В телепередаче «Правила жизни» на канале «Культура» 9 ноября 2021 г. композитор Павел Киселев признавался: «Я вырос на Чиполлино!». Конечно, здесь имелась в виду пластинка с песнями, написанными С.Я. Маршаком, но ведь та же пластинка не была бы задействована без самого текста.

Мы включили в название своей статьи «и актуальности сегодняшнего дня», но Маргерит Юрсенар не случайно сомневалась: «Я всегда очень недоверчиво относилась ко всему, что актуально – в литературе, в искусстве, в жизни. Во всяком случае, к тому, что считается актуальным и что очень часто оказывается всего лишь поверхностным слоем явлений» (Юрсенар, 2001).

И действительно, мальчиковость литературы, обилие встречаемых препятствий, энергичные действия героя, приоритет отца, чувства Чиполлино, его коммуникативное общение, отношение к друзьям/врагам, отношение ко лжи, цель учения, множество предметов, равно значимых, – разве все это сейчас не актуально? И это именно как раз то, на что нужно обратить внимание и на что, в частности, наталкивает «взрослое» прочтение классической детской книги «Приключения Чиполлино» Джанни Родари.

Источники

Родари, Дж. Приключения Чиполлино / пер. с итал. З. Потаповой; под ред. С. Маршака. М.: Детгиз, 1955. 232 с.

Литература

Бобров, С.П. Мальчик: Лирическая повесть. М.: Советский писатель, 1966. 296 с.

Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 23-43.

Вайнрих, Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 44-87.

Гитер, О.В. Ложь в дискурсе ребенка: к постановке проблемы // Проблемы онтолингвистики – 2013. Мат-лы междунар. науч. конф. 26-29 июня 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 224-227.

Иванова, Н.Б. Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя. 2011. № 11. С. 3-5.

Максимов, А. Дети как зеркало. Как подружиться с собственным ребенком, меняясь самому. СПб.: Питер, 2017. 288 с.

Секацкий, А. Отцеприимство // Нева. 2005. № 2. С. 203-211.

Секацкий, А. Не только о Швейцарии // Новый мир. 2015. № 4. С. 150-165.

Смит, Ш. Биография создателя Гарри Поттера Дж. К. Роулинг / пер. с англ. А. Мельник. М.: Астрель: АСТ, 2003. 314 с.

Татьяна Черниговская: как мозг нас обманывает, почему врут честные люди и как прокачать интеллект. Интервью Н. Стрелец, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU> (дата обращения 9.11.2021).

Юрсенар, М. С открытыми глазами. Беседы с Матьё Гале. Главы из книги / пер. с франц. Ю. Яхниной // Иностранная литература. 2001. № 8. С. 222-259. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/8/s-otkrytymi-glazami.html> (дата обращения: 17.12.2021)

Sources

Rodari, G. (1955), *Prikljuchenija Chipollino* [The Adventures of Cipollino], Translated from Italian by Potapova, Z. Detgiz, Moscow, Russia (in Russ.).

References

Bobrov, S. P. (1966), *Mal'chik: Liricheskaja povest'* [Boy: A lyrical tale]. Sovetskij pisatel', Moscow, Russia (in Russ.).

Bolinger, D. (1987), "Truth is a linguistic problem", *Jazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodejstvija. Perevody* [Language and modeling of social interaction. Translation], in Petrov V. V. (ed.), Progress, Moscow, Russia, 23-43 (in Russ.).

Giter, O. V. (2013), "Lies in a child's discourse: Towards a problem statement", *Problemy ontolingvistiki – 2013. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 26-29 ijunja 2013 g., Sankt-Peterburg* [Problems of Ontolinguistics – 2013. International Scientific Conference, June 26-29, 2013, St. Petersburg], Herzen University, Saint Petersburg, Russia, 225-227 (in Russ.).

Ivanova, N. (2011), "The ban on love. On the lack of emotions in modern literature", *Znamja*, 2011, 11, 3-5 (in Russ.).

Maksimov, A. (2017), *Deti kak zerkalo. Kak podruzhit'sja s sobstvennym rebenkom, menjajas' samomu* [Children as a mirror. How to make friends with your own child, changing yourself], Piter, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Sekatsky, A. (2005), "Detachment", *Neva*, 2, 203-211 (in Russ.).

Sekatsky, A. (2015), "Not only about Switzerland", *Novy mir*, 4, 150-165 (in Russ.).

Smith, S. (2003), *Biografija sozdatelja Garri Pottera Dzh. K. Rouling* [Biography of the creator of Harry Potter J. K. Rowling], Astrel': AST, Moscow, Russia, (in Russ.).

Tat'yana Chernigovskaya: kak mozg nas obmanyvayet, pochemu vrut chestnyye lyudi i kak prokachat' intellekt. Interv'yu N. Strelets (2021) [Tatyana Chernigovskaya: how the brain deceives us, why honest people lie and how to pump intelligence. Interview by N. Strelets] [Online], available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU> (Accessed 9 November 2021) (in Russ.).

Yursenar, M. (2001), "With open eyes. Conversation with Mathieu Gale. Chapters from the book", *Inostrannaja literatura*, 8, 222-259, [Online], URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/8/s-otkrytymi-glazami.html> (Accessed 17 December 2021) (in Russ.).

Weinrich, H. (1987), "Linguistics of lies", *Jazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodejstvija. Perevody* [Language and modeling of social interaction. Translation], in Petrov V. V. (ed.), Progress, Moscow, Russia, 44-87 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; wera_kharchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; wera_kharchenko@mail.ru

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

Чумак-Жунь И. И.¹,
Ковалева С. В.²,
Саенко М. И.³

Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты
детского фольклорного текста

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; chumak@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; Savvina_S@bsu.edu.ru

³Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; marina.saenko.95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению языка детского фольклорного текста с точки зрения лингвопрагматики и лингвокультурологии. Исследовательское внимание акцентируется на доминантном для детского фольклора жанре – колыбельной песне, а также на ситуативно связанном с ним народном заговоре. Анализ коммуникативного процесса при передаче текстов фольклора позволяет представить, каким образом создается «программа» будущей счастливой жизни ребенка и по каким каналам «транслируются» младенцу характеристики национальной картины мира. Жанровые особенности текстов – позитивные коммуникативные интенции адресанта и специфическая информативность. Сохраняя глубинные исторические связи между поколениями и преемственность их культурных приоритетов и ценностей, жанры детского фольклора передают духовные, нравственные и эстетические ценности как результаты познания мира, закрепляемые в языковых образах и коммуникативном опыте человека.

Ключевые слова: детский фольклорный текст; лингвопрагматика; лингвокультура; текстовое программирование; картина мира

Для цитирования: Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В., Саенко М.И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 98-107. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

I. I. Chumak-Zhun¹,
S. V. Kovalyova²,
M. I. Saenko³

Linguopragmatic and linguocultural aspects
of a children's folklore text

¹Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; chumak@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; Savvina_S@bsu.edu.ru

³Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015,
Belgorod; marina.saenko.95@mail.ru

Abstract. The article is devoted to studying the language of the children's folklore texts from a linguapragmatism and linguaculturology standpoints. Research attention is focused on the dominant genre of children's folklore – the lullaby, as well as situationally related to it folk conspiracy. The analysis of the communicative process in the transmission of folklore texts allows us to imagine how the "program" of the future happy life of the child is created and through what channels the characteristics of the national picture of the world are "transmitted" to the infant. The genre peculiarities of the texts are positive communicative intensions and a specific kind of informative value. Preserving deep historical ties between generations and the continuity of their cultural priorities and values, children's folklore genres convey spiritual, moral and aesthetic values as the results of knowledge of the world, fixed in the language images and communicative experience of man.

Keywords: the children folklore texts; linguapragmatism; linguaculturology; text programming; the perception of the world

For citation: Chumak-Zhun I. I., Kovalyova S. V., Saenko M. I. (2022), "Linguopragmatic and linguocultural aspects of a children's folklore text", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 98-107, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-9

Введение

Современная междисциплинарная научная парадигма направляет вектор развития лингвистики в сторону изучения языковых явлений в диахронной взаимосвязи с культурой, этнографией, историей, а также в синхронных отношениях с коммуникативной ситуацией реализации текстового материала. С точки зрения антропологического анализа, язык не только реализует свою первичную коммуникативную функцию, но и становится репрезентантом культурного опыта человека, элементом формирования и существования культурного кода нации. Культурный код мы рассматриваем, следуя философии Э. Кассирера, как инструмент постижения «символического универсума», составляющими которого являются миф, искусство, религия и язык (Кассирер, 2002: 201). Именно мифологические символы, художественные образы, религиозные обряды и языковые формы становятся ключами для понимания национальных эстетических и моральных идеалов, социальных установок. Процесс «дешифровки» когнитивных единиц и структур национальной картины мира – инкультурация – приводит к формированию языкового сознания носителя культуры.

Модель концептуального анализа традиционного текста, разработанная С.Е. Никитиной (Никитина, 1991), стала основой когнитивного направления современной фольклористики. Поле научного поиска сегодня включает, во-первых, изучение концепта как самостоятельной многомерной смысловой единицы. В работах таких ученых, как Л.А. Ахметова, И.А. Голованов, Е.Н. Ильина, раскрываются особенности интерпретации ключевых для русской культуры понятий «природа», «красота», «чудо» (Ахметова, 2017; Голованов, 2015; Ильина, Карпова, 2019). Исследования описывают систему грамматических, лексических и фразеологических средств репрезентации фольклорных концептов в пространственно-временном аспекте и функциональном развитии. Во-вторых, концептуальный анализ народного творчества может быть реализован на когнитивно-семантическом уровне посредством анализа концептосферы фольклорного дискурса. Так, целью работы Р.Р. Замалетдинова (Замалетдинов, 2004) становится определение этноспецифики языкового отражения концептуальных составляющих материального и духовного мира человека.

Однако современный подход к изучению фольклорного текста подразумевает и прагматико-коммуникативный аспект. Сообщение информации, заключенной в тексте, невозможно без регулирующего воздействия на поведение коммуникантов. При этом реализация определенных намерений и целей, составляющих коммуникативно-прагматический потенциал текста, находится в прямой зависимости от выбора содержания текста, языковых средств его передачи и способов построения смысловых связей (Урумашвили, 2007: 42).

Прагматика фольклорных жанров, таким образом, в работах исследователей показана как реализация особых стратегий поведения, установленных традицией. Д.А. Алексеева и Г.И. Власова, например, в своих статьях особое внимание уделяют функциональной нагрузке текстов, сопровождающих семейные обряды (Власова, 2019), семейные застолья, праздники (Алексеева, 2019). Суггестивный механизм поэзии пестования, трансляция этнических и социокультурных стереотипов в текстах народных колыбельных песен описаны в работе Д.М. Мухамадиевой (Мухамадиева, 2006).

Знакомство с народным творчеством очень важно именно в детские годы, когда процесс формирования характера и представления о собственной идентичности коррелируют с механизмом осознания самобытности и эстетической ценности родного языка, транслирующего исторические, культурологические, аксиологические факты традиционного быта.

Основная часть

Особое место в формировании личности (особенно в части ее национальной идентичности) занимает детский фольклор. Говоря о детском фольклоре, мы должны учесть, что слово *детский* в данном сочетании, в отличие от слова *детский* в сочетании *детская литература*, где речь идет именно о *литературе для детей*, может указывать как на адресанта, так и на адре-

сата коммуникации. Дело в том, что к детскому фольклору в научной литературе традиционно относят и тексты, написанные детьми, и тексты, написанные для детей. Оставив в стороне первую группу текстов, обратимся к тем фольклорным источникам, в которых адресат – ребенок. Так как отдельные жанры детского фольклора преимущественно предназначены для определенных возрастных групп, то особенности конкретного фольклорного текста определяются как жанровой стилистикой, так и возрастом адресата. Как во всяком тексте культуры, в детском фольклорном тексте пересекаются различные прагматические и социокультурные векторы. Так, например, основная (прямая) функция сказки – воспитательная, но коммуникативное задание реализуется в ней через конкретные функции – предупреждение, запугивание и другие. И «внутри» такого предупреждения могут встречаться образы, говорящие, например, о том, что труд и доброта вознаграждаются, а лень и злоба осуждаются (сказки «Морозко», «Хаврошечка»). Такие представления картины мира имеют прагматическую цель – аксиологическое разграничение «плохого» и «хорошего» и практическое познание мира, формирование у ребенка мотивации к труду.

Описывая передачу детского фольклорного текста от отправителя к получателю как коммуникативное событие, имеет смысл использовать в качестве модели схему коммуникативного акта Р.О. Якобсона. Эта модель неоднократно трансформировалась в лингвистических работах в зависимости от предмета описания (Чумак-Жунь, 2009а: 10), но неизменными компонентами ее являются *адресант, текст, код, действительность и адресат*.

Именно в рамках этой модели, как мы полагаем, наиболее адекватно описывается коммуникативное воздействие на адресата. Любая коммуникация, как показал Дж. Остин, осуществляет не только передачу информации, но и намерение говорящего, при помощи которого он пытается достичь определенной цели (см.: Остин,

1999). Данное понятийное «трио» соответствует представлению о том, 1) что говорить, 2) как говорить и 3) для чего говорить. Безусловно, первые два элемента находятся в зависимости от изначальной цели высказывания, поскольку именно она (цель) побуждает адресанта к началу коммуникации. В этом процессе важна не только лингвистическая, но и психологическая сторона, поскольку в ответ на определенное высказывание следует эмоциональный отклик слушателя, который может помочь говорящему достичь желаемого результата общения.

Продemonстрируем специфику прагматических и лингвокультурных составляющих таких жанров детского фольклора, которые условно можно отнести к базовым (колыбельная песня) и факультативным (заговор на здоровье).

Среди широкого разнообразия фольклорной детской поэзии особое место занимают народные колыбельные песни, исполняемые над люлькой с младенцем.

Определим составляющие коммуникативного акта. *Адресант* – мать или человек, ее заменяющий, *адресат* – ребенок, находящийся в особом «просоночном» состоянии, когда к получению любой информации подключается подсознание, *код* – особым образом маркированный язык жанра колыбельных, включающий вербальные элементы национальной картины мира, *действительность* – ситуация убаюкивания ребенка.

Колыбельная песня – «первый чувственный опыт познания» мира, способ общения младенца с окружающей действительностью (Чумак-Жунь, 2009b: 104). Именно голос матери знакомит ребенка с особенностями родного языка, ее песни, адресованные младенцу, наполнены любовью и теплом. Особенностью *материнского жанра* является универсальность его прагматики: колыбельная песня предназначена как для младенцев, только-только появившихся на свет, так и для детей, уже освоивших родную речь.

Вербальный код материнской поэзии убаюкивания, благодаря семантической нагрузке модусных категорий текста, эксплицирует не только *доминантную мотивацию речевого акта* – убаюкивание ребенка, но и является *проекцией социальной нормы – ценностных установок*.

Жанрово ограниченные междометия *баю-баю-баюшки, люли-люлюшки, байки-побайки* благодаря деривационной модели проявляют имплицитную семантику чувства нежности и любви говорящего к адресату. Эмотивная связь между участниками жанровой коммуникации выстраивается, главным образом, благодаря эмотивной окраске текста: «*Ты расти-расти, дитя, / Только есть у ты добра - / Родна матушка одна. / С тобой водится она, / Беспокоится сама. / Да повырастит тебя / В удалого молодца: / В чисто поле – севца, / В озерышко – ловца, / Во лесочке – секарька, / На гумешко – молотить, / Под окном дрова пилить*» (Элиаш, 1960: 136).

В приведенном фрагменте фольклорной колыбельной категория эмотивности включает в себя как собственно экспрессивную эмотивную лексику (*беспокоится*), так и лексемы, в значениях которых эмоциональность присутствует как коннотация (*добра, родна, удалого*). Категория оценочности позволяет транслировать в тексте так называемые формулы «заговора на счастье», характерные для колыбельной песни как для производного жанра заговорной поэзии (*чисто поле, озерышко, секарька, лесочке, гумешко*). Аксиологическая составляющая изображаемых событий будущего эксплицируется посредством эпитетов (*чисто поле, удалого молодца*), диминутивных аффиксов (*-ышк-, -оч-, -к-, -ешк-*). Для исполнителя песни очевидна ценность трудового будущего ребенка («*В чисто поле – севца, в озерышко – ловца, в лесочке – секарька, на гумешко – молотить, под окном дрова пилить*»), его физическое здоровье (*расти-расти, повырастит*) (Там же).

Одно из центральных мест в ценностно-смысловом аспекте мировосприятия славян занимает понятие «семья».

Национальная картина мира, транслируемая в тексте народной колыбельной, актуализирует в большей степени модели взаимодействия членов одной семьи. Этим объясняется тот факт, что в народных текстах преобладают лексико-семантические группы обозначения степени родства, внутрисемейных отношений (*батьа, отец, тятя, мама, мамушка, мамка, бабушка, братец* и т.д.). Колыбельная песня формирует положительные коллективные стереотипы, организующие отношения внутри семьи: уважение к старшему поколению, добросовестное отношение к труду, забота о младших членах семьи. Конечно, необходимо отметить, что подобные эксплицитные проявления аксиологических моделей поведения способен «считать» ребенок, уже понимающий родную речь. Для младенца же, еще не различающего отдельные слова в речевом потоке, текст материнской песни очень важен как первый вербальный контакт с окружающим миром. Уже на эмоционально-эстетическом уровне колыбельная песня позволяет познакомить ребенка с национальными ценностями и нравственными ориентирами.

Аксиологический вектор в текстах народных колыбельных песен в немалой степени ориентирован пространственно-временными границами. Отметим, что в рамках жанра безопасным является то пространство, которое обозначено в пределах дома, семьи, детской кроватки. Именно в границах «своего мира» жизнь младенца представляется гармоничной, соответствующей норме.

Интересно, что именно кроватка (*зыбка, качуля, колыбель, люля*) с ребенком является центром внутритекстовой коммуникативной ситуации жанра колыбельной. Детская люлька – первое место нахождения младенца, оно должно быть безопасным и комфортным. Именно поэтому колыбель в песнях получает развернутую характеристику, она описывается как средоточие красоты, достатка и гармонии): *«Зыбочка дубовая, / Огибочка шелковая. / На высоком*

столбу, / На точёном брус, / На серебряном крюку. / Ремни бархатные, / Колечки витые, / Пробойцы золотые. / Под холщовым пологом / Сон Алёшеньку нашёл» (Кузюлев, 2005: 122). Многочисленные эпитеты и определения, описывающие красоту и богатство убранства кроватки для младенца, свидетельствуют об особой значимости внешнего вида люльки, поющему важно отметить, что младенцу в кроватке тепло, комфортно и безопасно.

Нарушение границ и выход за рамки «своего» пространства, по законам народного жанра, приводит к разрушению состояния покоя, гармонии. Более того, ребенок, оказавшийся за пределами безопасного мира, охраняемого родными, оказывается уязвимым для злых духов, которые, согласно славянскому мировосприятию, охотятся за незащищенными младенцами: *«Не ходи-ко на тот край, / Под своим окном играй. / В том краю собачки злые, / Есть ребятки боевые, / Набьют батожками, / Закидают камушками»* (Кузюлев, 2005: 12). Таким образом, пространственно-временные координаты, воплощенные в тексте колыбельной песни, наполнены аксиологическим содержанием. Бинарная система мироустройства, основанная на категориях «свой – чужой», «внутренний – внешний», «домашний – дикий», «близкий – далекий», «родной – неродной», дает представление о коллективной норме, о ценностях и традициях нации.

Актуализированное в тексте материнской песни понятие «время» также создает условия формирования ценностно-ориентированной системы мироустройства, постигаемой слушающим.

Во-первых, время в колыбельной представлено циклически, как бинарная система противопоставления «день-ночь». При этом ночное время суток получает отрицательные коннотативные смыслы, ночь связана с опасностью для ребенка: *«Баю, баю, маленький брат. / Время темное еще, / Время раннее еще, / Ты не бойся ничего»* (Кузюлев, 2005: 40), – раздается над детской кроваткой.

Во-вторых, категория времени в колыбельной песне транслирует представления о жизненном пути человека: рождение, взросление, смерть. Этапы социализации, взросления младенца становятся сюжетными элементами песни, рассказывающей о предстоящих событиях: освоение ремесла, создание собственной семьи, призыв в армию и т. д. Частотным мотивом колыбельной является обращение к будущему ребенка.

Оценочная характеристика элементов временной триады «прошлое – настоящее – будущее» не однозначна. Так, будущее ребенка может быть гармоничным, благополучным, а может быть несчастным: *«Брат сестру качает, / Тихо напевает: / «Когда будешь большая / Отдадут тебя замуж / В сторонуху чужую, / Во семью во большую. / Мужики там все злые, / Топорами секутся»* (Науменко, 1998: 192) или *«Баю-баюшки-бай-бай, / Поскорее вырастай, / Поскорее вырастай, / Ко работе привыкай. / Баю-баюшки-бай-бай, / Когда вырастешь большой, / Пойдешь в поле за сохой, / Будешь сеять и косить, / Будешь хлебы молотить, / Баю-баюшки-бай-бай, / Спи, мой Ваня, засыпай»* (Там же: 193).

Существует мнение ученых о том, что мотивы счастливой и благополучной будущей жизни ребенка – это реакция на реальную действительность, не соответствующую стандартным представлениям о счастье (Мартынова, 1975: 145-156). Адресант верит в возможность претворения придуманного сюжета и создает для ребенка песни о прекрасном будущем. Прогностические мотивы колыбельных песен проанализированы в трудах В.В. Головина. Исследователь отмечает важный аспект славянского мировосприятия – веру в сакральную силу вербализации мыслей. Каждое произнесенное слово может моделировать реальность, следовательно, и текст колыбельной песни, подобно заговору, прогнозирует, «заговаривает» счастливое будущее (Головин, 2000: 104).

Жанровая структура народного заговорного текста также имеет своей целью

языковое воздействие на адресата в определенной коммуникативной ситуации, но элементы коммуникативного акта заговора отличаются от соответствующих элементов коммуникативного акта колыбельной. Адресант здесь – знахарка, которая «программирует» для ребенка не судьбу, а здоровье.

Если колыбельная песня является примером «прототипического» жанра детского фольклора, то жанр народного заговора связан с воздействием на детское сознание опосредованно, тематически. Детская тематика народных заговоров представлена группой текстов, связанных со здоровьем, точнее, с выздоровлением. В сборнике заклинаний Л.Н. Майкова 1869 года в разделе «Здоровье и болезни» зафиксированы следующие заговоры для детей: над новорожденным, при отнятии ребенка от груди, от бессонницы (полуночницы) младенца (см.: Майков, 1869). Адресатом коммуникативного воздействия в первых текстах является младенец, в остальных – недуг, который мешает ребенку заснуть. Основная цель коммуникативного воздействия заговоров зачастую сформулирована эксплицитно, в конкретных названиях текстов. Например, наименование «Заговор от укуса пчелы» прямо указывает на то, какого результата намерен достичь говорящий.

Обратимся к первому тексту – «Над новорожденным»:

После родов, выпарив родильницу в бане, повитуха парит и новорожденного, приговаривая:

Бабушка Соломоньюшка Христа парила да и нам парку оставила. Господи благослови! Ручки, растите, толстейте, ядрейте; ножки, ходите, свое тело носите; язык, говори, свою голову корми. Бабушка Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Не будь седун, будь ходун; банюшки-паруши слушай: пар да баня да вольное дело! Банюшки да воды слушай. Не слушай ни уроков, ни причищев, ни урочищев, не от худых, не от добрых, не от девок пустоволосок. Живи да толстей да ядреней (Майков, 1869: 31).

Начало текста описывает действия, совершаемые заговаривающим. Одновременно с действием произносятся слова, программирующие младенца быть здоровым. Заклинание предполагает совершение чуда, соответственно, в нем перекликаются элементы религиозной и языческой картин мира. Так, имя повитухи *Саломеи*, принявшей роды у Богородицы, упоминание которого, по преданию, должно защитить ребенка от порчи, зла, болезней, соседствует с традиционными для языческой картины мира элементами, где все одушевляется и каждый элемент человеческого организма должен выполнять свою роль: ручки, ножки, язык. Это предложение содержит представление народа о том, каким должен быть здоровый ребенок. Образ крепких рук создается разговорным глаголом *ядренейте*, здоровые ноги обязательно должны *ходить*, язык в представлении народа является тем, что «кормит» человека, то есть благодаря умению говорить у ребенка в будущем должна быть работа, а, значит, и пища. Таким образом, ценность общения осознавалась коллективным разумом.

Следующее предложение вновь отправляет говорящего к религиозному сюжету, воспроизводя таким способом речь от лица повитухи Христа: Соломоньюшка парила и правила, у Бога милости просила. Затем для закрепления намерения используются антонимы *не будь седун, будь ходун; не от худых, не от добрых* и выражаются последние наставления: каким быть, кого слушать, а кого не слушать. Закрепа в финале подытоживает первое выражение намерения: *живи да толстей да ядреней*.

Итак, известен адресант данного заговорного текста – повитуха, которая омывает ребенка. Ритуальная составляющая – омовение младенца, которое берет начало в библейском сюжете. Адресатом коммуникативного воздействия является ребенок. Намерение выражается в многочисленных описаниях, повторях того, каким хотят видеть ребенка. Закладывается своего рода

«программа здоровья» на дальнейшее взросление.

Еще один специфический заговор для новорожденного также включает пожелание того, каким ему нужно быть, зачитывается также во время омовения. Бабы парят новорожденного, приговаривая:

Спи по дням, расти по часам. То твое дело, то твоя работа, кручина и забота. Давай матери спать, давай работать. Не слушай – где курицы кудахчут, слушай пенья церковного да звону колокольного (Майков, 1869: 32).

Заговор начинается с выражения намерения приказа в повелительном наклонении: *Спи по дням, расти по часам*. Затем уточняется, что сон и активный рост для ребенка является тем, чем ему «положено заниматься» по возрасту: работа, кручина, забота. Данные существительные используются в контексте заклинания как синонимы. Последующие конструкции также выражают описание повеления разговорной формой глагола «дать»: *Давай матери спать, давай работать*. Здесь выражена одна из важных составляющих жизни женщины из народа – желание успеть отдохнуть в перерыве между заботой о ребенке и тяжелым трудом. И, наконец, последнее предложение текста приказывает ребенку не отвлекаться на звонкие «некрасивые» звуки: не слушай – где курицы кудахчут. В противовес этим звукам в качестве ассоциации возникает церковное пение и колокольный звон как наиболее благоприятные мелодии для сна младенца, что также отправляет нас к религиозной картине мира.

Так среди текстов народных заговоров, имеющих целью языковое воздействие на ребенка как адресата сообщаемого, выделяются тексты для новорожденных. При помощи выражения волеизъявления адресанта создается «программа» будущего здоровья ребенка и его поведения. Возникают образы, которые, по поверьям, должны помочь защитить ребенка – бабушка Соломоньюшка и Господь. Кроме того, ребенку в речевой форме с выполне-

нием омывательных действий (а, как известно, действие подкрепляет сказанное) транслируются две картины мира, присутствующие русскому народному сознанию, – языческая и религиозная.

Безусловно, в отличие от непосредственно детских фольклорных жанров, заговорных текстов, посвященных детской теме, намного меньше. Однако, являясь одним из наиболее прагматичных жанров, заклинание не обходит стороной такую важную тему, как детство. Если сопоставить форму выражения намерения заговорного текста с текстами других жанров, то на передний план выйдет его явная черта – повеление, приказ, который лишь изредка «смягчается» словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В качестве сравнения вспомним сказки, в которых индифферентно, зачастую скрыто, выражаются воспитательные функции.

Заключение

Значимость детского фольклора сложно переоценить – это касается и его роли в жизни отдельной личности, и его места в народной поэзии в целом. Детский фольклорный текст, представленный богатой палитрой жанров, среди которых потешки, прибаутки, заклички, считалки, сечки, сказки, песни, и сегодня продолжает радовать, воспитывать, развивать детей. Именно в детских фольклорных текстах заложены основные элементы национальной картины мира, постижение которых позволит ребенку существовать в ценностно-аксиологическом пространстве родной культуры. Сохраняя глубинные исторические связи между поколениями и преемственность их культурных приоритетов и ценностей, жанры детского фольклора передают духовные, нравственные и эстетические ценности как результаты познания мира, закрепляемые в языковых образах и коммуникативном опыте человека.

Литература

Алексеева, Д.А. Семейный обрядовый фольклор как часть обрядового фольклора //

Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: мат-лы заочной IX Междунар. науч.-практич. конференции, г. Москва, 22 октября 2018 г. М.: Изд-во Моск. педагогич. гос. ун-та, 2019. С. 187-190.

Ахметова, Л.А. Педагогический потенциал концепта «природа» в традиционном песенном фольклоре народов Поволжья // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия: материалы VI Междунар. науч.-практич. конф., г. Казань, 20 октября 2017 г. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального ун-та, 2017. С. 163-166.

Власова, Г.И. Поздравительные праздничные тексты как жанр классического фольклора и интернет-фольклора // Медиатизация СКФУ: Мат-лы Третьей Междунар. науч.-практич. конф. (Ставрополь, 23–25 мая 2019 г.) / отв. ред. О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев, Н.Н. Борисенко, Д.А. Шевцова. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 224-227.

Голованов, И.А. «Красота» по-русски: интерпретация концепта в традиционном фольклорном тексте // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 122-124.

Головин, В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.

Замалетдинов, Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Казань, 2004. 40 с.

Ильина, Е.Н., Карпова, В.В. Концепт ЧУДО в вологодской волшебной сказке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 147-156.

Кассирер, Э.А. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.-СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.

Кузюлев, Н.Н. Песни нашего края: лингвофольклорная хрестоматия / под общ. ред. С.А. Кошарной. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 180 с.

Майков, Л.Н. Великорусские заклинания. СПб.: тип. Майкова, 1869. 164 с.

Мартынова, А.Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 15. Социальный протест в народной поэзии. М.-Л.: Наука, 1975. С. 145-156.

Мухамадиева, Д.М. Коммуникативное пространство традиционной колыбельной

песни: на материале русских, татарских, украинских, казахских и немецких колыбельных песен Тюменской области: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 19 с.

Науменко, Г.М. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов. М.: Беловодье, 1998. 390 с.

Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 117-128.

Остин, Д. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В.П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / Пер. с англ. яз. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. 329 с.

Урумашвили, Е.В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2 (46). С. 40-44.

Чумак-Жунь, И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2009а. 38 с.

Чумак-Жунь, И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. Белгород: Белг. гос. ун-тет, 2009b. 244 с.

Элиаш, Н.М. Народные песни Белгородской области / сост. Н.М. Элиаш и Л.Г. Улановская. Белгород: Кн. изд-во, 1960. 180 с.

References

Akhmetova, L.A. (2017), "The pedagogical potential of the concept of "nature" in the traditional song folklore of the peoples of the Volga region", *Iskusstvo i khudozhestvennoe obrazovanie v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeystviya: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Art and art education in the context of intercultural interaction: materials of the VI International scientific and practical conference], 163-166, Kazan, Russia (in Russ.).

Alekseeva, D. A. (2019), "Family ceremonial folklore as part of ceremonial folklore", *Traditsii i innovatsii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve: materialy zaachnoy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditions and innovations in the modern cultural and educational space: materials of the cor-

respondence IX International Scientific and Practical conference], 187-190, Moscow, Russia (in Russ.).

Austin, J. (1999), *Kak proizvodit' deystviya pri pomoschi slov* [How to do things with words], Transl. by Rudneva, V.P., *Smysl i sensibili* [Sens and sensibilia], Translated by Makeeva, L.B., Dom intellektual'noy knigi: Ideya-Press Moscow, Russia (in Russ.).

Cassirer, E. (2002), *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk* [Philosophy of symbolic forms. Volume 1. Language.], Universitetskaya kniga, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Chumak-Zhun', I. I. (2009a), Discursive Space of Poetic Text: a Figurative Word in the Russian Lyrics of late XVIII – early XXI centuries, extended abstract of Doctor's thesis, Philology, Belgorod, Russia (in Russ.).

Chumak-Zhun', I. I. (2009b), *Poeticheskiy tekst v russkom liricheskom diskurse kontsa XVIII – nachala XXI vekov* [Poetic Text in the Russian Lyric Discourse of Late 18th – Early 21st Centuries], Belgorod, Russia (in Russ.).

Eliash, N. M. (1970), *Narodnye pesni Belgorodskoy oblasti* [Folk songs of the Belgorod region], Knizhnoe izdatel'stvo, Belgorod, Russia (in Russ.).

Golovanov, I. A. (2015), "'Beauty" in Russian: interpretation of the concept in a traditional folklore text", *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika* [Translation and comparative linguistics], 11, 122-124 (in Russ.).

Golovin, V. V. (2000), *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature* [Russian lullaby song in folklore and literature], Turku, Finland (in Russ.).

Il'ina, E. N. and Karpova, V. V. (2019), "The concept of "Miracle" in the Vologda fairy tale", *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2, 147-156. (in Russ.).

Kuzyulev, N. N. (2005), *Pesni nashego kraja: lingvofol'klornaya khrestomatiya* [Songs of our region: linguofolclory anthology], BSU Publishing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

Maikov, L. N. (1869), *Velikorusskie zaklinaniya* [Russian spells], Maykov printing house, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Martynova, A. N. (1975), "Reflection of reality in a peasant lullaby", *Russkiy folklor: sotsial'nyy protest v narodnoy poezii* [Russian folklore: social protest in folk poetry], 15, 145-156 (in Russ.).

Mukhamadieva, D. M. (2006), The communicative space of a traditional lullaby: based on the material of Russian, Tatar, Ukrainian, Kazakh and German lullabies of the Tyumen region, Abstract of Ph.D. dissertation, Philology, Saratov, Russia (in Russ.).

Naumenko, G. M. (1998), *Etnografiya detstva: sbornik fol'klornykh i etnograficheskikh materialov* [Ethnography of childhood: collection of folklore and ethnographic materials], Belovod'e, Moscow, Russia (in Russ.).

Nikitina, S.E. (1991), "About conceptual analysis in folk culture", *Logicheskiy analiz yazyka: kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of the language: cultural concepts], Nauka, Moscow, 117-123 (in Russ.).

Urumashvili, E.V. (2010), "Pragmatic aspects of literary text analysis", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (46), 40-44 (in Russ.).

Vlasova, G. I. (2019), "Congratulatory holiday texts as a genre of classical folklore and Internet folklore", *Mediachteniya* [Media Readings], 224-227, Stavropol, Russia (in Russ.).

Zamaletdinov, R. R. (2004), *Natsional'no-yazykovaya kartina tatarskogo mira*. [The national-linguistic picture of the Tatar world] (Extended abstract of D.Sc. Thesis, Philology), Kazan (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой

русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; chumak@bsu.edu.ru

Ковалева Светлана Викторовна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Savvina_S@bsu.edu.ru

Саенко Марина Ивановна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Историко-филологический факультет, Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; marina.saenko.95@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Irina. I. Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; chumak@bsu.edu.ru

Svetlana V. Kovalyova, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; Savvina_S@bsu.edu.ru

Marina I. Saenko, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; marina.saenko.95@mail.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК: 27

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

Покровская Т. Ю. | Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века
в селах Черноземья России

Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1,
119034, Россия; tatiana.pokrovskaya@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на основе глубинных интервью с очевидцами и участниками событий насильственной секуляризации 20–30-х годов XX века автор анализирует религиозность и феномен религиозной памяти крестьянства после введения запретов советской власти на религиозные практики. В материале констатируется, что декреты новой власти, нацеленные на борьбу с Русской православной церковью, ошутимо затронули религиозную жизнь верующего населения России. В материале приводятся комментарии жителей сел Корочанского, Касторенского, Ракитянского районов современных Белгородской и Курской областей, на основе которых можно сделать выводы, что, хотя религиозность крестьянства активно вытеснялась декретами новой власти, крестьянство оставалось верующим и религиозным классом населения. Православная вера в крестьянской среде сохранялась, а религиозная память берегла и передавала православные обычаи, традиции и поведение последующим поколениям крестьянства Черноземья России.

Ключевые слова: национальное самосознание; религиозное сознание; память; религиозная память; христианство; православие

Для цитирования: Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 108-117. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

Т. Yu. Pokrovskaya | Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages
of the Black Earth Region of Russia

Moscow State Linguistic University, bld.1, 38 Ostozhenka St., 119034, Russia;
tatiana.pokrovskaya@gmail.com

Abstract. In the article, on the basis of the first decrees of the Soviet government, is analyzed the level of religiosity of the peasant class after the Bolsheviks introduced bans on religious activity in the 20-30s of the 20th century in Russia. In conclusion, the religious consciousness of the peasantry in the Kursk region in the 30s of the 20th century is

briefly analyzed. The author says that the peasantry remained a religious class and religious memory passed the orthodox religion to subsequent generations.

Key words: national consciousness; religious consciousness; memory; religious memory; Christianity; Orthodoxy

For citation: Pokrovskaya T.Yu. (2022), "Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages of the Black Earth Region of Russia", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 108-117, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

«Посредством памяти нация удостоверяется в собственной истории... Прошлое является не только объектом изучения, который можно положить в архив; вкупе с опытом, воспоминаниями, чувствами и различными элементами идентичности прошлое тесно связано с настоящим и будущим...» (Ассман, 2016: 28-29).

В начале XX века Русская православная церковь (далее РПЦ) представляла собою внушительную силу (см.: Шубин, 2017). К переломному 1917 году РПЦ имела очень сильные социально-политические и экономические позиции. 70 % населения исповедовали православие, имелось 78 767 храмов и часовен, 185 духовных училищ, 62 духовные семинарии и 4 духовные академии (см.: Шкаровский, 2010: 60). Публикация в конце 1917 года проекта Декрета Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стала полной неожиданностью для населения России. Захватив государственную власть, большевики не вполне были подготовлены к вопросу дальнейшего рационального и продуманного развития отношений с Церковью. Декрет Совета народных комиссаров о свободе совести, церковных и религиозных обществах был принят 20 января (2 февраля) 1918 г., исключив тем самым русское духовенство из жизни страны (см.: Декрет..., 1957). Для нового правительства сопротивление населения страны Декрету об отделении Церкви от государства стало неожиданностью; прежде всего, было удивительно недовольство огромной части крестьянства России (см.: Одинцов, 1991). Претворение Декрета

в жизнь так же затрудняло и отсутствие профессиональных кадров, недопонимание и различное толкование новых законов местными властями. Ленин исходил из презумпции реакционности религии и духовенства. В программе РКП(б), разработанной под руководством Ленина и принятой в 1919 году, подчеркивалось, что партия стремится к полному разрушению религии (см.: Проскурина, 2008). Конституция РСФСР, принятая 11.05.1925 года, в ст. 4 подтвердила положение об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, а также закрепила свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды (Конституция РСФСР 1925 года, 2009). В статье «О значении воинствующего материализма» (1922) Ленин дает рекомендации по ведению борьбы с религией: «необходимо совмещать атеистическую пропаганду среди верующих и воинствующую борьбу с духовенством» (цит. по: Проскурина, 2002). Ленин считал, что необходимость декретов данного периода вызвана потребностью наметить пути развития социализма, причем он и сам допускал, что некоторые положения в них могут быть ошибочными, невыполнимыми, и не выдержат испытания временем (см.: Одинцов, 1991). 8 апреля 1929 года было принято Постановление «О религиозных объединениях» (Ведомости ВС РСФСР. 1975. № 27. С. 572), которое более чем существенно повлияло на религиозность населения страны в целом и поведение крестьян в частности.

В рамках Постановления ВЦИК от 08.04.1929 года деятельность религиозных объединений «для удовлетворения религиозных потребностей верующих» была

строго регламентирована. Не стоит забывать, что данный период, помимо борьбы с религиозностью, также характеризуется другими социальными потрясениями. Репрессии по отношению к духовенству, общая коллективизация и раскулачивание, голод 1933 года, который унес жизни великого множества жителей всего Курского региона. Помимо правового запрета на религиозную деятельность, исключения духовенства из социальной жизни, массового закрытия церквей советская власть в 20–30 гг. XX века проводила активную антирелигиозную политику в СМИ. В публикациях негативно отражалась деятельность духовенства, а также транслировалось общее отрицательное отношение власти к религии, церковным праздникам, православной вере и пр. Партия в насаждении нового мировоззрения «коммунистического будущего» смешивала представленный партией негативный образ духовенства и религии в целом с негативным образом кулака (Белгородская правда, 1929, 6 января). Конечно, все вышеуказанные события коснулись и Корочанского, Касторенского и Ракитянского районов настоящих Белгородской и Курской областей.

Приведенные в данной статье предварительные результаты глубинных интервью, собранных автором на протяжении 2016–2017 годов, могут помочь приблизиться к пониманию особенностей религиозного сознания и образа жизни крестьянства в 30-х гг. XX века и их отношения к православной вере в рамках представленных районов. Выборка респондентов основана на времени и месте рождения, а также месте постоянного проживания респондентов, а именно, в интервью участвовали респонденты 1912–1933 годов рождения. Всего в опросе приняли участие более 80 человек из 35 сел современных Белгородской и Курской областей. Все респонденты рождены и проживали на территории

вышеуказанных районов. С согласия участников велась аудиозапись разговора. Период проведения исследования охватил время с мая 2016 г. по сентябрь 2017 г. включительно¹.

Поколение, с точки зрения А. Ассман, сменяется каждые 30 лет, и в обществе тем самым осуществляется некоторая динамика воспоминаний поколений. «Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому... возрастные группы отличаются видением мира» (Бурдые, 2014: 24), но в данном случае мы говорим о религиозной памяти, которая определяется не только общими воспоминаниями, трансляцией опыта и поведением, но также передачей и принятием религиозных традиций и обычаев из поколения в поколение. Советская власть стремилась очистить коллективную память от религиозного опыта и традиций.

Часто незнание или недопонимание новых постановлений местными властями и их последующая реализация приводили к волнениям и последующим беспорядкам в Курской губернии.

«У меня дед попом был церкви в с. Самойловка (Ильинская церковь, закрыта в 1936 г.²). Сколько раз приходили, допрос снимали... спрашивали – сколько тебе платили... потрепали нас», – Мария Ивановна, с. Круглый Бродок, 1922 г. р.

«Тогда церкви стали уничтожать... мать рассказывала, свекровь, еще в 29-м году... на батюшке молодежь ездила, издевались над им... и били... что только не делали... Никто никому не подчиняется... Так и тогда было... Что ты сделал, убил – убил, никто не запрещает, никто ничего. Это жизнь была трудная», – Федор Никитович, с. Большое, 1929 г. р.

«Купола поснимали, кресты поснимали (респондент говорит о деревянной

¹ Полевые материалы автора, 2016–2017 гг.

² Государственный архив Курской области (далее ГАКО), ф. 3322, оп. 4, д. 4

Дмитриевской церкви с. Подъяруги, закрыта в 1935 году³)... *А когда церковь превратили в клуб... Некоторые с удовольствием ходили, и танцевали там, и выпивали...*», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

«Некоторые женщины были активисты, по иконам танцевали, плясали...», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

Стоит отметить, что организация в зданиях церквей развлекательных заведений на тот период не являлась чем-то особенным. В рамках данного опроса было установлено, что в церквях нескольких сел в разные периоды были организованы: развлекательные клубы, библиотеки, зернохранилища и другие казенные заведения в соответствии с Постановлением от 08.04.1929 года «О религиозных объединениях». При этом в 30-е годы в Черноземье закрытие церквей происходило стихийно. В Курской области в 1935 году по решению президиума облисполкома было закрыто 202 церкви, в 1936 году – 137, в 1937 – 91, в 1939 – 76 церквей^{4,5}. Периодически закрытие церквей местными властями происходило без правового согласования. В 1935 году, по данным ГАКО, в письме от Президиума центрального исполнительного комитета комиссии по вопросам культа говорится о произведении по г. Белгороду и району массового закрытия церквей без должного законного оформления и санкционирования ликвидации⁶.

Даже после всех запретов и массового закрытия церквей крестьянство в своей общей массе в 30-х гг. XX века оставалось глубоко религиозным и богобоязненным классом населения.

«Мама меня водила причащаться...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

«Я была маленькой еще, мать водила в церковь, мы ходили в церковь... Сломали нашу церковь и все...» (респондент говорит о закрытой в 1935 г. Дмитриевской церкви с. Подъяруги).

«Было время... в другое село ходили, когда в своем не было...», – Федосья Николаевна, с. Подъяруги, 1922 г. р.

«Нас четверо детей было... нас мама в церковь водила, причащала...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

«Я с мамой в церковь ходила...», – Анна Ивановна, г. Короча, 1925 г. р.

Даже с учетом того, что действующих церквей к 1940 году в перечисленных районах оставалось не так много, большая часть респондентов трех районов при условии закрытия церкви в родном селе совместно с семьей посещали любые другие близлежащие церкви. До революции Курская область насчитывала 1250 действующих церквей и очень много монастырей, как мужских, так и женских⁷. К 1937 году по Курской области действовала уже 561 церковь⁸. При этом, например, в Касторенском районе население путем переговоров и активной переписки с властями, вплоть до переписки с московским ЦИК комиссии по вопросам культа, старалось возвращать верующим церкви, ранее закрытые постановлениями РИК⁹. Один из символов христианской религии – «церковь» – была разрушена, но вера жила. Хотя количество церквей по сравнению с дореволюционным периодом уменьшилось более чем в два раза и посещение церквей крестьянами происхо-

³ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 1, л. 3

⁴ ГАКО, ф. 3322, оп. 2, д. 6, л. 2-8 с об., л. 9-14, л. 12-13 с об.

⁵ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 10, л. 5 с об.

⁶ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 12, л. 140, 141.

⁷ ГАКО, ф. 5027, оп. 2, д. 5, л. 14.

⁸ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 4, л. 94, л. 95, л. 96.

⁹ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 9, л. 48.

дило реже, но, как и ранее, крестьяне в обязательном порядке крестили своих детей. Крещение оставалось обязательным таинством при рождении ребенка в семье. Только теперь крещение проходило не непременно в церквях, которые по большей части были или закрыты, или превращены в казенные места общего пользования, но и в частных домах. Крестьяне заранее по соседям собирали сведения, когда священник приедет в село. Часто, чтобы совершить обряд, ездили в другие села, подальше от дома, чтобы о крещении в селе никто не знал – «ни свои, ни чужие».

«Мы своих детей крестили по хатам... В хуторе Кленовом, в хате, приехал, говорят, батюшка, можно покрестить детей. Мы схватили, у нас как раз было три младенца... и батюшка покрестил... Народ все равно в душе держался религии. Люди все равно... некоторые, кто мог, в дальние церкви ходил... Люди не отчуждались от религии совсем, все старались детей покрестить...», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

Детей крестили как «рядовые» крестьяне, так и партийные, но тайно, часто в другом селе или даже области.

«Партийные тайно крестили...», – Анна Ивановна, с. Жданово, 1925 г. р.

Иногда, если глава семьи занимал даже небольшую партийную должность, обряд крещения мог происходить в тайне не только от соседей и семьи, но и от супруга.

«Комсомольцам сказали детей не крестить... Государство приказало... Так крестили тайком... Узнают, кто покрестил, говорили, что оштрафуют... но все равно крестили... в церкви», – Мария Ивановна, с. Круглый Бродок, 1922 г. р.

Человеческий страх, что власти узнают о крещении и за этим последуют

санкции, сохранялся вплоть до 90-х годов XX века. Как минимум, при крещении крестьяне старались не вести записей имен родителей и/или крестных родителей ребенка. Однако в регионе, как в начале XX века, так и по настоящий момент сохраняется культ крестных. Все респонденты хорошо знали своих крестных родителей и в основном поддерживали отношения. При сравнении отношения к крещению крестьян в трех районах можно отметить, что в 30-е годы XX века в Ракитянском районе крестили в основном по домам в строгой тайне от властей и соседей. В Корочанском же районе часто возили детей на крещение в церкви других сел. Касторенский район отличается более спокойным отношением к запретам власти. Жители данного района старались вести, как и ранее, относительно открытую религиозную жизнь.

Часто, если супруг занимал некую партийную должность и был атеистом, а супруга оставалась верующей, «хозяин» (так называют и до настоящего времени в регионе главу дома. – Т. П.) не запрещал супруге, своим родителям совершать религиозные обряды, отмечать церковные праздники, посещать церковь и учить собственных детей молитвам (Вера Тимофеевна, с. Большая Халань, 1926 г. р.; Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.). То есть внутри своей семьи, как и ранее, крестьяне продолжали вести хоть и не такую активную, но вполне традиционную религиозную жизнь (Елизавета Сергеевна, с. Большое, 1912 г. р., Александра Ивановна, с. Хмелевое, 1931 г. р.). Также надо учитывать, что, даже не будучи, по указанию партии, религиозными людьми, некоторые ярые коммунисты все же веровали в Бога, хотя и тайно. Отец одного из респондентов в 20–30-х годах занимал высокий партийный пост в г. Короча и вместо веры имел свой собственный «моральный кодекс атеиста», но после ссоры с товарищем по партии, драки и последующих нескольких лет тюрьмы, вернувшись домой, осмысляя проведенные в заточении годы, говорил: *«Я поверил в*

Бога. Меня спас Бог!», – говорит о своем отце Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.

В отличие от старшего поколения, к которому вера переходила от предков, поколение крестьян, рожденных в 20-х годах, получало антирелигиозное воспитание уже в школе.

«Учителя говорили, чтобы в церковь мы не ходили, это неправильно», – говорит Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

В основном учителя сельских образовательных учреждений активно поддерживали новую коммунистическую власть в вопросах религиозности учеников, хотя и учителя были воспитаны в православной вере, и часто их родители оставались религиозными.

«Учителя говорили, чтобы мы в церковь не ходили. Это неправильно. Да и когда взрослая стала, учительницей работала, своим ученикам твердила: ребята, нельзя в церковь ходить. Вы – пионеры! И чтобы яичко крашенное после Пасхи в школу не носили...», – Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

«Моя мама всегда молилась... в церковь ходила... и мне, ребенку, это прививалось. Я уже работал учителем, но ученикам говорил, что Бога нет... я комсомолец был рьяный... Я принял ту власть. Когда из церкви нашего села сделали клуб, я был заведующим того клуба... Из алтаря сцену сделали... 50 % населения села ходили в этот клуб, а 50 % – даже не подходили. Моя мама была очень верующим человеком. Ни разу в клуб, который сделали из церкви, не зашла. Ни мама моя, ни бабушка...», – Иван Иосифович, п. Вешние Пены, 1931 г. р.

«Отгоняли нас в школе от этой веры...», – Мария Денисовна, с. Орехово, 1927 г. р.

Необходимо обратить внимание, что в Ракитянском районе, по сравнению с Корочанским районом, действия по снятию колоколов с церкви, а также закрытие самих церквей происходили активно в единый период, что, конечно, вызывало недовольство населения, но не приводило к активным массовым волнениям и протестам. В Корочанском же районе закрытие церквей занимало, по оценке общего объема интервью респондентов, более длительный период и проходило, сопровождаясь более негативным настроением населения.

Основными хранителями религиозных традиций в 30-е годы XX века оставались женщины. Именно женщины поддерживали те правила, которые в их домах чтили на протяжении многих лет, и передавали веру своим детям, украшали дом к церковным праздникам, готовили праздничный стол, учили детей молитвам, как могли объясняли детям значение слова «Бог», вкладывая в него как минимум тот смысл, что жить надо по совести.

«Мама говорила, что Бог есть, что нельзя этого делать, это плохо, Бог накажет, а только хорошо поступать надо, не баловаться. Не обижать людей...», – Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

Иногда к вере приводили, объясняя ребенку какие-либо события через чудо.

«Вся сила в религии... С моей бабушкой идем, ведет она меня, дошли до церкви. А наверху (церкви) березка растет. Я говорю: бабушка наверху березка растет (имея ввиду, что деревце растет без земли). Ой, говорит, деточка, ты же ангел, ты увидела эту березку, подумай, нет земли, нет ничего, а березка на церкви растет. А маме моей вера давала силу. Как и всем. Вообще человек без веры жить не может», – Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.

Молитвы «Отче наш», «Богородице Дево» и «Символ Веры» («Верую») поколение детей, родившихся в 20–30-х годах, знали с младенчества.

«Мама говорила, что молиться надо...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

«Дедушка, бывало, папин отец, поставит нас маленьких, заставлял нас молиться...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

Иконы крестьяне продолжали хранить в домах. *«Иконы мы не прятали...»*, – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р. В 30-е годы при разрушении храмов крестьяне в попытках сохранить частичку святости тайком от властей старались унести (по сути, украсть) церковные иконы и спрятать дома. Иконы из церквей сел Пестаново, Коломыцево, Дмитриевка так же, как и из небольшой деревянной церкви в селе Подъяруги, крестьяне прятали по домам.

«Я вот небольшой была, помню, как ломали ее (церковь села Коломыцево), и все ж там тащили иконы домой... мы с мамой взяли по иконке. И догнал нас мужчина, и взял вот так ключом разорвал, деревянные иконы были, сверху нарисованы лики были... красиво было... как я плакала...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

Если крестьяне были замечены в том, что хотят унести церковные иконы домой, иконы отбирались силой и уничтожались прилюдно.

«В эти годы (когда ломали церковь села Коломыцево) икону, которая снаружи была прибита к церкви, они (партийные) положили на землю, нас (деревенских жителей) поставили строем и заставили топтать ногами икону ... Половина прошли, а половина разбежались», – рассказывает

очевидец Петр Михайлович, с. Коломыцево, 1915 г. р.

«Иконы в доме и держали, и держим. У меня до сих пор есть от матери и отца "благословение"», – Александра Ивановна, с. Хмелевое, 1931 г. р.

Из трех исследуемых нами районов только в Касторенском районе респонденты упоминали, что власти периодически запрещали держать иконы в доме.

«Ходили, проверяли, снимай иконы или уничтожай при нас... люди возмущались... во всех хатах были иконки...», – Серафим Ефремович, с. Семеновка, 1927 г. р.

Иконы, как часть религиозной традиции православия, всегда, при любых условиях, в каждой семье оставались в доме. 100 % респондентов подтвердили, что иконы были в семье всегда, т. е. как минимум с момента рождения респондентов и до начала данного опроса также присутствуют в домах. Особенно в регионе почитаются иконы Божьей Матери и Николая Чудотворца. Нательные крестики чаще не носили, но старались хранить дома. После десекуляризации в 90-х годах крестики стали носить постоянно.

Как бы строг ни был запрет на религиозную деятельность, Пасха, Рождество, престольные праздники во всех селах каждого из трех районов отмечались всегда. По большим церковным праздникам крестьяне украшали свои дома согласно традициям и обрядам, приглашали в гости родных и соседей, ездили по приглашению близких в другие села. Например, на Троицу обычай засыпать пол дома определенным видом полевой травы и украшать дом и двор веточками клена, орешника или березы сохранился в области до настоящего времени. На Пасху крестьяне, иногда много километров ночью с маленькими детьми, часто босые, шли освящать куличи в любую из действующих церквей.

«Я была девчушкой уже, на Пасху стою всю ночь, носила и святила яйца, куличи...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

«Мама меня в церковь водила на Пасху куличи святить, ночь стояли... на следующий год нашу церковь закрыли... приехали, сделали из церкви мастерскую, а потом совсем разломали...», – Серафим Ефремович, с. Семеновка, 1927 г. р.

В отличие от Корочанского и Ракитянского района, в Касторенском районе на Троицу деревенские жители устраивали массовые гуляния, с песнями, хороводами и плетением венков.

Также у Бога просили и урожая. *«Помню, маленькой была... дождя долго не было. С батюшкой по деревне ходили, распевали, кадил он... "Христос Воскресе" пели. И, правда, через день дождь пошел...», – Александра Гавриловна, с. Погожево, 1931 г. р.*

По словам П. Бурдые, «вследствие того, что религия, подобно любой символической системе, несет функцию объединения или разъединения, или, говоря точнее, функцию различения...» (Бурдые, 2014: 24), религия в рамках насильственной секуляризации и других социальных потрясений послереволюционного периода стала для крестьян объединяющей формой сохранения традиционной жизни. Крестьяне старшего поколения берегли религиозные традиции и, несмотря на запреты власти, передавали их последующим поколениям. 100 % респондентов данного опроса называют себя православными и верующими. Вера в Бога в этом поколении сохранялась на протяжении всей жизни. У Бога не только просили здоровья себе и близким, рождения детей, удачного замужества и сохранения мира, но и благодарили, к примеру, за счастливые моменты жизни.

Переживание религиозного опыта, а также его трансляция как «передача уже

имеющегося опыта последующим поколениям» (Соломина, 2005: 16) происходила непрерывно. Даже в рамках насильственной секуляризации и запрета на религиозную деятельность крестьяне, рожденные в 20–30-е годы XX века, не только приняли и сохранили религию и веру, которые были им переданы старшим поколением, но и старались передать веру и религиозные традиции своим детям и внукам. «Религиозность представляет собой особую форму мышления и мировоззрения» (Панченко, 1998: 8), и крестьянство, опираясь в своей повседневной жизни на религию, доказывает это как никакой другой класс нашего общества. М. Хальбвакс говорит, что религия «определяется через особый вид памяти» (Хальбвакс, 2007: 22). Культурная память близка коллективной, но значительно шире ее; в отличие от последней, культурная память не предполагает мнемонического коллектива. Некоторые ученые отвергают термин «коллективная память» (см.: Ассман, 2016), но данное исследование показывает, что, основываясь на общих обычаях, члены определенного класса путем сохранения традиций в узком социуме (семья-деревня), транслируя личный религиозный опыт и религиозное поведение, создают тем самым не коллективную, а религиозную память. Религиозная память, сохраняя себя в действии – молитве, соблюдении поста, посещении церкви и др. – не только бережет религиозные традиции и обычаи, но и передает их последующим поколениям.

Хотя религиозность крестьянства, как видно на примере Корочанского, Касторенского и Ракитянского районов, подавлялась, православная вера в крестьянской среде сохранялась. Из Церкви как из социального института вера перешла в институт семьи. Несмотря на новые правила по отношению к религии, крестьяне в общей массе стремились не только максимально сохранить свою веру, православные традиции и обычаи, но и передать их последующим поколениям. Религиозное образование происходило и через активное обучение, и часто,

в новых условиях запрета, через собственный пример: старшее поколение транслировало религиозное поведение и обычаи без активного включения младших. Обряды крещения производились всегда, и часто в тайне, так же, как и празднование церковных праздников, соблюдение православных постов, чтение молитв. Религиозные традиции среди крестьянства сохранялись старшим поколением и, несмотря на запреты власти, принимались и почитались последующими поколениями. Не только респонденты данного опроса, но также их дети и внуки являются православными, крещены, сохраняют иконы в домах, чтят церковные праздники, посещают церковь, называют себя верующими. Религиозная память сохраняла религиозные традиции, обряды, ритуалы, а также традиционную православную веру для последующих поколений крестьян Черноземья России.

Источники

Государственный архив Курской области (ГАКО), фонды 3322, 5027.

Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 02.02.1918 г. // Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 371-374.

Конституция РСФСР 1925 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М.: Юрайт; Высшее образование, 2009. С. 225-242.

Покровская, Т.Ю. Полевые материалы автора, 2016–2017 годы.

Литература

Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетея, 2014, 576 с.

Одинцов, М.И. Государство и Церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 64 с.

Панченко, А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни

Северо-Запада России. СПб.: Алетея, 1998, 305 с.

Проскурина, А.В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. исторических наук, 2002 [Электронный ресурс], URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-sovetskoi-vlasti-v-otnoshenii-religii-i-tserkvi-v-derevne-severo-zapada-rossii-v-ko> (дата обращения: 10.03.2022).

Соломина, И.Ю. Социальная память: структура и феномены. Дис. ... канд. философских наук. Самара, 2005. 216 с.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.

Шубин, А. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017. 447 с.

Sources

“Decree on freedom of conscience, church and religious societies of 02.02.1918” (1957), *Dekrety Sovetskoy vlasti. Tom 1. 25 oktjabrja 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet power. Vol. 1. October 25, 1917 – March 16, 1918], Gospolitizdat, Moscow, Russia, 371-374 (in Russ.).

Pokrovskaya, T. Yu. Field materials of the author, 2016-2017 (in Russ.).

State Archive of the Kursk Region (GAKO), funds 3322, 5027 (in Russ.).

The Constitution of the RSFSR of 1925, (2009), *Reader on the history of the domestic state and law: a form of state unity in the national history of the 20th century*, comp. O. I. Chistyakov, G. A. Kutyin, Yurait Publishing House, Higher Education, Moscow, Russia, 225-242 (in Russ.).

References

Assman, A. (2016), *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with memorial culture], *New Literary Review*, Moscow, Russia (in Russ.).

Bourdieu, P. (2014), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices], Aletheya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Halbvaks, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory], Transl. by

Zenkina, S. N., Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Odintsov, M. I. (1991), *Gosudarstvo i Tserkov' (Istoriya vzaimootnosheniy 1917–1938 godov)* [State and Church (History of relationships 1917–1938)], Znanie, Moscow, Russia (in Russ.).

Panchenko, A. A. (1998), *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia], Aletheya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Proskurina, A. V. (2002), “The policy of the Soviet government in relation to religion and the church in the village of the North-West of Russia in the late 1920 – 1930-s”, Abstract of Ph.D. dissertation [Online], available at: <https://www.dissercat.com>Ведомости/content/politika-sovetskoi-vlasti-v-otnoshenii-religii-i-tserkvi-v-derevne-severo-zapada-rossii-v-ko (Accessed 10 March 2022) (in Russ.).

Shubin, A. (2017), *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918* [Start of the country of the Soviets. Revolution. October

1917 – March 1917], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Solomina, I. Yu. (2005), “Social memory: structure and phenomena”, Ph.D. Thesis, Samara (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Покровская Татьяна Юрьевна, соискатель кафедры теологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия; tatiana.pokrovskaya@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana Yu. Pokrovskaya, PhD Student of the Department of Theology, Moscow State Linguistic University, bld.1, 38 Ostozhenka St. Moscow, 119034; tatiana.pokrovskaya@gmail.com.

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЭССЕ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 111; 303

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

Синёв А. С.

Многообразие рациональностей:
философско-практический поворот

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; sinev_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается существующее многообразие трактовок рациональности, сформировавшееся путем преломления понятия «рациональность» через призму многих специальных подходов, с позиции постановки вопроса о приведении к общему знаменателю описанного разнообразия. Предполагается, что наиболее эффективным на этом пути было бы использование системных методов для обобщения разнообразия существующих рациональностей, выделения в них инвариант. Показывается выход в практическую область с помощью работы с приоритетами, новизна которого состоит в предложенном варианте игровой (универсальной) рациональности, которая может быть использована в любой отрасли знания.

Ключевые слова: рациональность; игровая рациональность; системные методы; дуальный подход; троичность

Для цитирования: Синёв А.С. Многообразие рациональностей: философско-практический поворот // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 118-126. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

A. S. Sinyov

Diversity of rationalities: a philosophical and practical turn

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
sinev_alex@mail.ru

Abstract. The article discusses the existing variety of interpretations of rationality, formed by refracting of the concept of "rationality" through the prism of many special approaches. The analysis is carried out from the standpoint of posing the question of reducing the described diversity to a common denominator. It is assumed that the most effective on this path would be the use of system methods to generalize the diversity of existing rationalities, highlighting invariants in them. An exit to the practical area is shown by working with priorities, the novelty of which lies in the proposed version of the game (universal) rationality, which can be used in any branch of knowledge.

Keywords: rationality; game rationality; system methods; dual approach; trinity

For citation: Sinyov, A.S. (2022), Diversity of rationalities: a philosophical and practical turn, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 118-126, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

Рациональность как некое специфическое свойство всего «разумного» (поведения, мышления, бытия, действия, цели и пр.) издавна интересовала философскую мысль. Смысловое наполнение понятия рациональности, начиная от Платона и по сегодняшний день, напрямую зависит от того, какими характеристиками наделяется ее носитель, субъект деятельности и мышления. Рациональность рассматривалась с различных сторон: логической, психологической, социальной и других. В разные исторические периоды, в различных философских школах и направлениях она принимала особые формы и каноны, видоизменялась. Со временем в работе с этим концептом назрел ряд вопросов, например:

- Существует ли связь между разными типами рациональности?
- Как они иерархически соотносятся?
- Корректно ли понятие конкуренции между различными их видами или это естественный процесс смены типов рациональности, обусловленный культурно социальными факторами?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется подняться до уровня философских парадигм или стандарта мышления. Идея недостижимого Абсолютного Разума дала основание для развития классической «логоцентрической» парадигмы, сторонники которой считают, что человек путем интеллектуальной деятельности (мышлением) постепенно познает различные аспекты Абсолютного Разума, двигаясь по этому пути без начала и конца. Путь познания стал основной культурной ценностью для человечества. Ценность познания стала ориентиром, мотивацией и смыслом жизни для ряда культурных эпох.

В нынешнее время «логоцентрическая» парадигма не является основной. В определенном смысле она перестала быть доминирующей и все чаще выступает как

отправная точка для рассуждения об эволюции рациональности или основой для понимания иных рациональностей. Кризис культурных универсалий, набравший силу в XX веке, повлек за собой кризис рационализма. Причины его неоднократно исследованы, но полноты картины мы еще не осознали. Исследования показывают, что социально-политические и экономические факторы усилили культурные противоречия Европы, которые существовали в ней изначально (см.: Сидорина, 2003; Порус, 2008). Самым важным можно назвать «парадокс свободы». Важнейшей культурной ценностью европейской культуры является «свобода», причем свобода личности. И в то же время свобода личности должна уйти на задний план ради единства и выгод общества. Многие века это противоречие нивелировалось посредством идеи Благого Бога. Эта идея наполняла «свободное подчинение» сакральностью, и до определенного времени этого объяснения было достаточно, а сомневающимся предлагалось преодолевать сомнения посредством веры.

Ситуация стала меняться коренным образом с развитием науки, особенно, в гуманитарных отраслях. Со временем идея Бога потеряла свою инвариантность и стала опускаться в иерархии культурных ценностей, все дальше уходя на периферию. Если ранее все противоречия и не постигнутые законы объяснялись через понятие «Абсолюта» как всеведающего Бога, то с распространением научного мировоззрения человек все более стал полагаться на собственный разум. Появилась идея абсолютизировать разум человека, утвердить его главенствующую и определяющую роль. Идеи Абсолютного Бога и Абсолютного человека до сих пор соревнуются между собой, привлекая молодые умы. Нужно отметить, что, уверовав в силу собственного разума, человечество достигло многих результатов и совершило множество открытий, которые

определили современную нашу жизнь. Успехи естественных наук способствовали формированию научной рациональности и ее разновидностей, связанных с различными направлениями человеческой деятельности, такими как творческая, политическая, экономическая, психологическая, коммуникативная, игровая рациональности и т. п. Довольно широкое признание получила теория «ограниченной рациональности» Г. Саймона, признающая нормой частичность рациональности интеллектуальной и практической деятельности людей. (см.: Саймон, 1993).

Все вышеперечисленные рациональности имеют общую (инвариантную) характеристику – ориентацию на результативную деятельность. Деятельность считается рациональной, если она приводит к желаемой цели (планируемому результату), и наоборот, иррациональной, если уволит нас в процессе деятельности от намеченной цели в любом другом направлении. В научной деятельности образцами рациональности выступают методы, имеющие теоретическое обоснование, с помощью которых решаются познавательные и практические задачи. Например, экономическая рациональность представлена методами ведения бизнеса, помогающими максимизировать прибыль при сокращении затрат, ее методы так же имеют теоретические обоснования и практическую апробацию, подкрепленную результатами деятельности (см.: Сорочайкин, Филатова, 2011).

Исследуя рациональность таким путем, мы приходим к пониманию, что понятие «рациональность» сопряжено с понятием «метод» и переходит в область методологии. Ответить на вопрос, рационально ли то или иное действие, можно, изучив структуру, результаты, методы и средства, использованные для достижения цели. Как отмечает В.Н. Порус, «Так, проблема рациональности рассматривается в методологическом измерении, а различные концепции рациональности – как определения критериев, по которым судят о рациональности

тех или иных видов практик» (Порус, 2010: 7).

Идея объяснить рациональность с помощью методологии получила большую популярность в научном мире в XX в. Активно стали развиваться системные методы первого, второго, третьего поколения. Идея Абсолюта человеческого разума вела к «онаучиванию» философии. «Наука делает философию ненужной, как уже теперь не нужна религия» – говорил А.А. Богданов (цит. по: Любутин, Толмачев, 2005: 14). Идеи А.А. Богданова в его труде «Тектология: Всеобщая организационная наука» (1912) стали предтечей кибернетики. Будучи монистом, он считал мир единой системой, в которой нужно только выявить и понять рациональную связь между ее элементами. Тектология имеет родство с русским космизмом, что подтверждается изречением А.А. Богданова: «Когда-нибудь Земля станет центром жизни для всех планет нашей системы – будет заселять их своими эмигрантами...» (Богданов, 1992: 349). Богданов много сделал для развития таких методологических принципов, как ингрессия (принцип всеобщей связи явлений), эгрессия (координация процессов, ответственная за целостность иерархических уровней), дегрессия (ограничение разнообразия состояния элемента или системы). «Методы всякой науки определяются прежде всего ее задачами. Задача тектологии – систематизировать организационный опыт» (Богданов, 2003: 74). В западном научном мире принято считать основателем системного подхода Л. Берталанти, хотя его работы вышли позднее, в 1937 году. (см.: Берталанти, 1973). Оба автора, не имея символического аппарата, изложили свои идеи только в вербальной форме. Это породило многочисленные толкования смыслов. В развитие идей А.А. Богданова и Л. Берталанти появились системные методы второго поколения, которые для описания систем стали использовать предметные языки и символы частных наук (физики, математики, химии и т. п.). Впоследствии оказалось, что системные

методы второго поколения, которых на сегодня насчитывается около 300-400 видов, вместо приближения к Абсолюту, к философскому уровню общности рассматриваемых процессов, скатились в частности своих научных дисциплин и перестали понимать друг друга. Справедливости ради нужно отметить, что системные методы второго поколения принесли немалую пользу обществу в своих отраслях знания, но удалились от того уровня обобщенного понимания системы, о котором говорил А.А. Богданов, пророча уход религии и философии в небытие. Языки, которыми были описаны системные методы второго поколения, ограничили уровень этих методов до размеров их собственных дисциплин. Появились математические, физические, психологические, экономические и многие другие методы описания систем, но философский уровень общности пропал, поскольку не находилось символов для описания такого уровня, а понятийный аппарат частных дисциплин не может вместить в себя высокий иерархический философский уровень. В рамках методологических концепций получили большое развитие семиотические, логико-математические, теоретико-системные и другие научные понятия и методы. Вероятно, это и стало основой появления многомерности рациональности о которой пишет В.Н. Порус (см.: Порус, 2010). Большинство методов использовали математический символизм, что и ограничило их применение, особенно в гуманитарных направлениях (см. Mikhalov, 2018).

Ученые, получившие признание в разработке системных методов второго поколения, – А. Малиновский, М. Месарович, Я. Такаха, А. Уемов, Р. Аккоф, Ф. Емери, У. Ешби, Л. Заде, Ч. Дезоер, С. Оптнер, Е. Юдин, Н. Винер, Д. Гвишиани, В. Садовский, Ю. Урманцев и другие – повлияли на интенсификацию системного управления. Они писали в разных формах и на разных языках (естественных и дисциплинарных), но говорили часто об одном и том же. В частности, теорема Эшби утверждает, что управляющий объект всегда системно

сложнее чем управляемый (см.: Ashby, 1956) (в технике – водопроводный кран сложнее управляемой трубы; в медицине – сердце сложнее, чем сосуды; в философии – общее сложнее отдельного т.к. включает его в себя как элемент). Все эти вещи интуитивно понятны, и мы с ними соглашаемся, но нет единого выражения этой истины, подходящего для всех наук. Существовала даже идея, что на основании этих методов можно будет познать собственные пределы рациональности в рамках одной дисциплины, а потом применить этот метод и в других дисциплинах, таким образом включая их в свои границы (см.: Микешина, 2013). Эта идея не реализовалась по причине, как уже было сказано, различия научных языков и внутридисциплинарного символизма.

Вторая проблема, это отсутствие точного и ясного понятия сложности. Как ее определять и в чем измерять, в каких единицах проводить сравнение объектов различной сложности? В процессе изучения этих вопросов были открыты признаки, которыми должны обладать системные методы третьего поколения. 29 признаков новых методов описал Кеннет Бейли в своем труде «Социология и Новая Системная Теория» (см.: Bailey, 1994). Их можно свести к пяти базовым, как показано в ряде монографий по системным методам третьего поколения, опубликованных на русском языке примерно в эти же годы и даже чуть раньше. А.Н. Малюта в рамках темы инвариантного моделирования сложных систем создал теорию Гиперкомплексных Динамических систем (ГДС) (Малюта, 1989; 1990) и оригинальную теорию Деятельности (Малюта, 1991).

Вышеупомянутые теории относятся к системным методам третьего поколения. Они обладают определенной универсальностью и подходят для описания различных систем, в том числе социальных. В рамках теории деятельности обосновывается понятие субъекта деятельности, или оператора. Без включения в научное знание человеческого фактора невозможно моделировать

социальные процессы, связанные с людьми. «Оператор» является носителем различных параметров, в том числе ценностных. В зависимости от ценностей формируются интересы, интересы ставят цели, цели определяют методы, методы погружают нас в практику, которая часто узкоспециализирована.

В этом алгоритме и определяется вид рациональности (политическая, творческая, экономическая и т. п.). Практическая деятельность направит нас, вероятно, к узкому специалисту, который практикует один из методов второго поколения, получивший широкое применение в его отрасли. Экономические цели будет достигать экономист, пользуясь экономической рациональностью. Военные цели будут достигать военные специалисты в рамках военной рациональности и т. д. У каждого будет свой

субъективный критерий истинности его деятельности. Но, как оказалось, то, что рационально для одного вида деятельности, не рационально для другого. В классической рациональности можно выделить два основных параметра, по которым идет расстановка приоритетов. Первый – максимизация результата (получение максимальной прибыли, максимального прироста населения и пр.), второй – алгоритм достижения цели (он должен быть описан, осознан и быть приемлемым по ряду показателей) (см.: Фахрутдинова, 2019: 132). Именно поэтому узкие специалисты максимизируют каждый свой параметр и выбирают алгоритм достижения, который могут описать и предложить. Естественно, они не находят взаимопонимания, предлагая часто взаимоисключающие варианты действий.

Рис. 1. Определение области оптимальных решений путем пересечения различных рациональностей

Fig. 1. Determining the area of optimal solutions by intersecting different rationalities (economic, political and military)

В реальных условиях ситуация выглядит, примерно, как на рис. 1. Рациональное решение, удовлетворяющее нескольким целевым параметрам, лежит на пересечении и занимает небольшую область в сравнении с

общей площадью возможных решений. Задача поиска этого оптимального решения лежит полностью на первом лице, принимающем решение. Чтобы это сделать, ему

нужно в сознании подняться на более высокий иерархический уровень, что позволит увидеть картину в целом, принять взвешенное решение с учетом понятия меры, приоритетности и адекватности текущей ситуации. Умение работать с большим системным разнообразием не преподается в вузах. Задача вуза, скорее, обратная – подготовить узкого специалиста. Не случайно в СССР для подготовки первых лиц управленческой элиты работала так называемая Высшая партийная школа, которая и формировала целостное системное видение у руководящего состава. Часто мы слышим: «это мудрый руководитель». Если станем его расспрашивать, как он смог принять единственно верное решение, то зачастую услышим ответ: «многолетний опыт» (если отсутствует специальная подготовка). К сожалению, личный опыт сложно передать, особенно словом. Способность видеть в целом (целостное видение) приобретается с годами практической деятельности. Обычно оно проявляется в зрелом, старшем возрасте при наличии большого опыта работы с людьми. Недаром в древней Греции право голоса давалось с 31 года тем, кто имел семью и был свободным гражданином (самодостаточным и ответственным).

Ускорить процесс формирования целостного видения можно путем интеллектуализации социума – обучения в общем и игровой составляющей в частности. Передача знаний через игру практикуется человечеством со времен его появления. Игровой вариант обучения применим ко всем возрастам. В нашем случае важно наличие человеческого фактора в игре: возможность коммуникации, предвидения поведения игроков, создание всевозможных комбинаций и психологических иллюзий, в которые, как муха в паутину, попадают соперники. Игра становится не просто развлечением и поводом для общения, но служит освоению и развитию различных способов взаимоотношений между людьми. И тут важны правила, заложенные в игру, или, иначе говоря, игровая рациональность. Правила нас ограничивают, направляют и мотивируют к

определенным способам мышления и действия. Если создатель правил игры считает рациональным поведением только борьбу, то он создает классические шахматы. В этой рациональности нет места дружбе и сотрудничеству даже на одно мгновение. Игрок должен только побеждать своего соперника. Создавая правила с асимметричной расстановкой изначальных сил (например, шахматы для троих), мы уходим от одного лишь противостояния и добавляем варианты взаимоотношений, такие как нейтралитет, сотрудничество, взаимовыручку и даже предательство. А если в правилах будет заложено только сотрудничество (например, построить дом на двоих или троих)? Какого человека воспитает такая игра? С какими внутренними качествами?

Можно допустить автономное существование так называемой «игровой рациональности». Она обладает высоким уровнем универсальности, может найти свое применение в различных областях знаний для формирования требуемых паттернов в мышлении игроков. Также через игру можно определить, какие паттерны уже сформированы в конкретной личности. Согласно вышеприведенным вариантам игр, «игровая рациональность» может иметь подвиды. Рациональность монизма – когда в игре мы единая команда (одно целое) против ситуации. Рациональность дуализма – нас двое (четное), и каждый сам за себя. Рациональность плюрализма – нас трое (нечетное), и варианты наших отношений состоят из суммы предыдущих двух подвидов. Формируя правила создаваемой игры по одному из вариантов игровой рациональности, мы задаем не только психосоциальный, но и философско-мировоззренческий базис личности, которая формируется путем игровой практики.

Сегодня в мировой практике больше всего присутствуют игры с рациональностью дуализма (от физических единоборств до интеллектуальных). Ярким примером могут служить классические шахматы. Как следствие, в сознании людей, прошедших

через эту игру, формируется устойчивый паттерн борьбы, соперничества, конкуренции. И, как побочный эффект, – фатализм (потеряв крупную фигуру, соперник зачастую сдаётся). Управленческое сознание в таком виде в XXI веке, при наличии ядерного оружия у многих государств, грозит обернуться исчезновением человеческой цивилизации. Наглядный игровой (модельный) пример тому – финальное состояние шахматной партии. Король, оставшийся в гордом одиночестве на руинах своего и соседнего королевств. Утратив функциональное разнообразие инструментария, он обречен выживать в условиях если не каменного века, то средневековья.

Игры с рациональностью монизма крайне мало распространены. Игры такого типа строятся на принципе дополнительности, что гораздо труднее, чем работать по принципу соответствия. Примеры таких игр: номидо, разновидности командообразующих игр. Мыслить как единый организм непривычно отчасти из-за распространенности в сознании рациональности дуализма. Но именно рациональность монизма ведет к сотрудничеству и созидательной деятельности, так необходимой для «устойчивого развития» планеты Земля.

Игровая рациональность плюрализма выступает симбиозом дуальности и монизма или, можно сказать, переходным (стыкующим) вариантом. В играх с нечетным числом игроков размывается понятие противоположности и появляется вариант взаимоотношений сотрудничества и нейтралитета. В таких играх динамично изменяется ситуация (то ты выигрываешь, а то проигрываешь). Такое положение вещей формирует понимание, что жизнь «полосатая». Данный тип игр повышает стрессоустойчивость и увеличивает способность к выживаемости. Переход в сознании от борьбы к сотрудничеству возможен именно через применение игровой рациональности плюрализма.

Итак, многомерность рациональности, как мы показали, – это взгляд узкого

специалиста на решение поставленного вопроса. Реальная цель всегда многомерна и динамична. Она меняется в соответствии с внешними условиями. Путь ее достижения может оптимизироваться по целому ряду параметров. Параметры определяются из реальных возможностей субъекта. Соответственно, рациональность будет иметь другой иерархический уровень, включающий в себя низшие рациональности как частные случаи. Свести всю эту многомерность вариантов к одному решению – непростая задача. Чтобы с ней справиться, нужно развивать в субъекте синтетическое мышление, способность видеть общее в разном, а также способность конструировать ситуацию не только на принципах соответствия, но и на принципах дополнительности. Чем больше будет людей с таким уровнем сознания, тем больше мы будем понимать друг друга, учитывая наши различия и используя их не для раздора, а для взаимодействия, тем самым приближаясь к «планетарному человечеству» (см.: Синев, 2018).

Литература

- Берталанфи, Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Москва: Наука. 1973. С. 20-37.
- Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Петербург, Москва, Берлин: изд. З. И. Гжебина. 1992. 496 с.
- Любутин, К.Н., Толмачев, В.Д. Александр Богданов: от философии к тектологии / Ин-т философии и права УрО РАН; Рос. философ.-во; Межвуз. центр гуманитар. и соц.-полит. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2005. 244 с.
- Малюта, А.Н. Гиперкомплексные динамические системы. Львов: Высшая школа, 1989. 118 с.
- Малюта, А.Н. Закономерности системного развития. Киев: Научная мысль, 1990. 136 с.
- Малюта, А.Н. Система деятельности. Киев: Научная мысль, 1991. 206 с.
- Микешина, Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии //

Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 5-13.

Порус, В.Н. Многомерность рациональности // Эпистемология & Философия науки. 2010. Том XXIII. № 1. 5-16 с.

Порус, В.Н. У края культуры (философские очерки). М., 2008. 464 с.

Саймон, Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных систем и институтов. 1993. Вып. 3. С. 16-38.

Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса: Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2003. 456 с.

Синев, А.С. Культурологический аспект ноосферного развития. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том восьмой: Ноосферное образование как механизм становления ноосферной России: коллективная научная монография (на основе материалов VIII Международной научной конференции "Ноосферное образование в евразийском пространстве", состоявшейся 6-7 декабря 2018 года в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге) / Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ, председателя СПбО и ФС РКО, президента НОАН, вице-президента ПАНИ А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2018. 588 с.

Сорочайкин, А.Н. Филатова, А.В. Экономическая рациональность в современных условиях // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 9 С. 38-42.

Фахрутдинова, А.З. Модели рациональности в основаниях теории принятия решений // Философия науки и техники 2019. Т. 24. № 1. С. 131-144. DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144.

Ashby, W.R. Introduction to Cybernetics. London :Chapman & Hall, 1956. 429 с.

Bailey, K. D. Sociology and the new systems theory. toward a theoretical synthesis. New York: State University of New York Press, 1994. 372 с.

Mikhailov, A. Methodological aspects of the study of the modern elite. Actual problems of public administration: ORIPA studies digest / [editor in chief M.M. Izha]. Issue 4 (76). Odessa: ORIPA NAPA, 2018. 140 p.

References

Ashby, W. R. (1956), *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall, London, UK.

Bailey, K. D. (1994), *Sociology and the New Systems Theory. Toward a Theoretical Synthesis*, State University of New York Press, New York, USA.

Bertalanfi, L. (1973), "History and status of the general theory of systems", *System research*, Nauka, Moscow, Russia, 20-37 (in Russ.).

Bogdanov, A. A. (1992), *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology. General Organizational Science], in Z. I. Gzhebina (ed.), Petersburg, Moscow, Berlin (in Russ.).

Fakhrutdinova, A. Z. (2019), "Models of rationality in the foundations of decision theory", *Philosophy of Science and Technology*, 24 (1), 131-144 (in Russ.). DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144.

Lyubutin, K. N. and Tolmachev, V.D. (2005), *Alexander Bogdanov: ot filosofii k tektologii* [Alexander Bogdanov: from philosophy to tectology], in Kim, V.V. (ed.), Publishing house "Bank kul'turnoy informatsii", Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1991), *Sistema deyatel'nosti* [System of activity], Nauchnaya mysl', Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1989), *Giperkompleksnye dinamicheskie sistemy* [Hypercomplex dynamical systems], Vysshaya shkola, Lviv, Ukraine (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1990), *Zakonomernosti sistemnogo razvitiya* [Patterns of systemic development], Nauchnaya mysl', Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2013), "Reductionism as a problem of philosophy of science and epistemology", *Epistemology & Philosophy of Science*, 37 (3), 5-13 (in Russ.).

Mikhailov, A. (2018), "Methodological aspects of the study of the modern elite. Actual problems of public administration", *ORIPA studies digest*, 4 (76), ORIPA NAPA, Odessa, Ukraine.

Porus, V. N. (2008), *U kraya kul'tury (filosofskie ocherki)* [At the edge of culture (philosophical essays)], Moscow, Russia (in Russ.).

Porus, V. N. (2010), "The multidimensionality of rationality", *Epistemology & Philosophy of Science*, 23 (1), 5-16.

Saymon, G. A. (1993), "Rationality as a process and product of thinking", *THESIS: Theory and*

History of Economic and Social Institutions and Systems, 3, 16-38 (in Russ.).

Sidorina, T. Yu. (2003), *Filosofiya krizisa* [Philosophy of crisis], Flinta, Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Sinev, A. S. (2018), "Kul'turologicheskiy aspekt noosfernogo razvitiya" [Culturological aspect of noospheric development], in: *Noosfernoe obrazovanie v evraziyskom prostranstve. Tom 8: Noosfernoe obrazovanie kak mekhanizm stanovleniya noosfernoy Rossii*: [Noospheric education in the Eurasian space. Vol. 8: Noospheric education as a mechanism for the formation of noospheric Russia], in A.I. Subetto ed., Asterion, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Sorochaykin, A. N. and Filatova, A. V. (2011), "Economic rationality in modern conditions", *Bulletin of Samara State University*, 9, 38-42 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Синёв Алексей Сергеевич, аспирант кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; sinev_alex@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexey S. Sinyov, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia; sinev_alex@mail.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12

Чикаева Т. А. | О понятии Родины (некоторые методологические размышления)

Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдовская, д. 6, стр. 1.,
г. Москва, 121352, Россия; umoi@rambler.ru

Аннотация. Анализ имеющихся дефиниций категории «Родина» позволяет заявить о том, что они содержат существенные пробелы и не позволяют адекватно осмыслить ее содержание и объем. Вместе с тем, потребность в понимании каждым человеком того, что есть Родина вообще, как понятие философии и культуры, существует. Это имеет принципиальное значение для мировосприятия личности, принимаемых ею решений. Представляется возможным выделить два основных недостатка широко доступных дефиниций категории «Родина». Первый состоит в том, что когда Родину определяют как страну рождения, гражданской принадлежности или место происхождения, за такой дефиницией встает вопрос оправданности ее понимания как высшей ценности. Второй недостаток присущ концепциям, утверждающим, что «Родина» принадлежит к духовным понятиям. Он связан с эмоциональностью и таинственностью дефиниций, которые выводят рассматриваемую категорию за рамки научно-философского дискурса. В связи с осознанием неудовлетворенности названных типичных определений, ставится задача выработки принципиально новой методологии исследования понятия Родины. Выдвигается гипотеза о возможности включения в нее некоторых рекомендаций и даются необходимые пояснения. В заключении делается вывод о принципе соединения рассудочного, разумного и интуитивного познания как основе методологии исследования рассматриваемого понятия. В качестве апробации предложенных рекомендаций читателям предлагается авторская дефиниция категории «Родина».

Ключевые слова: категория «Родина»; методология; дефиниция понятия Родина; аксиологический критерий истины; познание духовных объектов

Для цитирования: Чикаева Т. А. О понятии Родины (некоторые методологические размышления) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 127-133. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12

T. A. Chikaeva | On the concept of homeland (some methodological reflections)

Moscow Art and Industrial Institute, 6/1 Davydovskaya St., Moscow, 121352, Russia;
umoi@rambler.ru

Abstract. An analysis of the existing definitions of the category "homeland" allows us to state that they contain significant gaps and do not allow us to adequately comprehend its content and scope. At the same time, the need to understand what the homeland is in general, as the concept of philosophy and culture, exists for every person. This is of fundamental importance for the worldview of the individual, the decisions they make. It

seems possible to single out two main shortcomings of the widely available definitions of the category "homeland". The first is that when the homeland is defined as the country of birth, citizenship or place of origin, the question of the objectivity and justification of its understanding as the highest value remains beyond the scope of the definition. The second drawback is inherent in concepts that claim that "homeland" belongs to spiritual concepts. It is associated with the emotionality and mystery of definitions, which take the category under consideration beyond the scope of scientific and philosophical discourse. The task is to develop a fundamentally new methodology for the study of the homeland. A hypothesis is put forward about the possibility of including some recommendations in it and the necessary explanations are given. The conclusion is made about the principle of combining rational, reasonable and intuitive knowledge as the basis of the methodology for studying the concept under consideration. As an approbation of the proposed recommendations, readers are offered the author's definition of the category "homeland".

Keywords: category "homeland"; methodology; definition of the concept of Motherland; axiological criterion of truth; knowledge of spiritual objects

For citation: Chikaeва T. A. (2022), "On the concept of homeland (some methodological reflections)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 127-133, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12

Категория «Родина», на наш взгляд, является одним из самых сложных понятий культуры. Пока речь идет о том, что такое наша Родина, ответ представляется ясным. Но если в качестве объекта анализа взять Родину как общее понятие, как категорию культуры, возникают сложности. Особенно они заметны сейчас, когда есть исторические, философские, теологические, лингвистические, политологические, социологические и иные толкования, приходящие нередко к противоречивым суждениям. В результате попытки осмысления сущности понятия «Родина» сводятся к размышлению об этимологии слова, телеологии понятия в конкретном национальном менталитете или к приведению собственных доказательств в поддержку одних и против других суждений о Родине. Такие исследования, безусловно, позволяют лучше понять национальную культуру, определить степень обоснованности той или иной научной или философской концепции. Но, вместе с тем, пробелы в понимании категории «Родина» сохраняются.

К сожалению, вопросы о том, что есть Родина, какова ее онтология, какое место она занимает среди базисных понятий культуры, остаются без ответа. Попробуем обосновать нашу точку зрения. Рассматривая отражение понятия «Родина» в национальной культуре, ее этимологию в языке, мы получаем знание о ней как об особенном, применение этих знаний ограничено рамками одной культуры. Проводя компаративистский анализ уже разработанных концепций, мы можем определить сильные и слабые моменты их аргументации, но каждый научный труд пишется в конкретных историко-культурных условиях, которые изменились на момент анализа. Даже доказательная оценка чужого суждения означает только проверку его убедительности, а вот содержательного продвижения в вопросе достижения адекватного знания об объекте познания нет.

Возможны возражения, что так как категория «Родина» изучается уже очень давно, современным исследователям остается только анализ уже разработанных концепций и их уточнение. Это было бы

так, если бы в концепциях отсутствовали пробелы. Нами был проведен анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» (см.: Чикаева, 2018). В результате было выяснено, что остались без аргументированного ответа следующие вопросы. Во-первых, о том, какова онтологическая природа Родины, – это дух, материя, их сочетание? Во-вторых, бытие Родины объективно или субъективно, насколько оправдан тезис о том, что «Родину конструируют»? Если бытие Родины объективно, то почему в разных национальных культурах она воспринимается по-разному, и, напротив, если качества бытия Родины определяет тот субъект, чья это Родина, то можно ли избежать идеологизации данного понятия? В-третьих, требует разрешения полемика о качествах Родины, ее предназначении. Мы, следовательно, можем утверждать, что пробелы в знании о сущности категории «Родина» имеются и требуют устранения.

Кроме того, на наш взгляд, решение задачи по ликвидации белых пятен в дефиниции понятия «Родина» имеет ключевое социокультурное значение. Современное общество – общество информационное. Физическое, силовое воздействие на человека или социальную группу в целях заставить их совершать поступки, угодные управляющему субъекту, остались в прошлом, поставлены вне закона. Управление через экономику, открытие или закрытие доступа к благам встречается с активным или пассивным сопротивлением и становится сложно реализуемым. Основным средством социального управления, на наш взгляд, сейчас является информация. Человек формирует внутреннюю мотивацию своих поступков, выбора целей и приверженность ценностям исходя из полученной и усвоенной информации. От того, как будет представлять себе человек, что такое

Родина, что скрывается за тем или иным образом Родины, зависит то, как он будет реагировать на призывы сделать что-то или поступить так-то во имя Родины. В отечественной культуре, например, известен феномен «квасного патриотизма», утверждающего, что все свое можно только хвалить, который принес России едва ли меньше вреда, чем ее открытые противники.

С каким же объяснением того, что есть Родина, встречается наш современник. Попробуем проанализировать наиболее распространенную дефиницию Родины: страна, в которой человек родился и гражданином которой является, или место возникновения чего-либо (Большой толковый словарь, 2000: 1125). Руководствуясь правилами логики, человек приходит к выводу о том, что Родина – пространственное понятие, субъект или объект связан с Родиной своим появлением или рождением в определенной точке пространства, а для человека необходимо еще и наличие определенного политического статуса по отношению к государству, находящемуся на соответственной территории. Понятие «страна», «место» являются более широкими по своему объему, чем понятие «Родина». Аксиологической составляющей в указанной дефиниции нет, как ценностное понятие оно нейтрально. Затем человек знакомится с основными политическими документами страны, где он живет, например, с Конституцией России. Исходя из ее преамбулы, Родина является особой ценностью, за которую человек несет ответственность «перед нынешним и будущими поколениями»¹. Но что же человек должен беречь, что он должен передать потомкам – страну, центром политической системы которой является конкретное государство? Значит ли это, что критика власти может быть расценена как

¹ "Конституция Российской Федерации" (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Преамбула.

предательство Родины? Является ли святым то политическое устройство, которое есть сейчас?

Один из величайших мыслителей прошлого Л.Н. Толстой ответил на эти вопросы утвердительно. Неразрывно связав между собой понятия Отечества, Родины и царя, государства, писатель приходит к выводу, что патриотизм является только прикрытием ненависти и убийства, возможности получения наживы и лицемерием (Толстой, 1917: 33). Любовь к Родине рассматривается как принятие всех решений властных структур, безропотное исполнение их, то есть рабство (Толстой, 1917: 62). Следует ли удивляться тому, что многие наши современники воспринимают слова о святости Родины как пафосное изречение, за которым пустота, а в своей повседневной жизни руководствуются ценностями комфорта. Поведение, например, спортсменов, выступающих без флага и гимна, показывает, что в качестве приоритета рассматривается обретение материальных и социальных благ. Если для достижения блага нужно отказаться от идентификации со своей страной, то это вполне возможно.

Если Родина – это страна, территория, с которой человека связывает только бытовые и политические связи, то почему к ней надо относиться иначе, чем к рабочему месту в офисе. Показателен в этом разрезе пример рассуждений одного из жителей Дагестана, который в 2015 году, отвечая на вопрос о том, что такое Родина-мать, назвал это понятие безграмотным и отказал Родине в сакральности: «...мать – это Бог, это Аллах, другого нету, от того, что ты там сажаешь картошку, выдергиваешь оттуда, варишь, кушаешь, – это еще не мать, это просто земля, Родина и есть» (Мутаев,

Понимание Родины как страны, предлагаемое в справочной литературе, поэтому спорно. В этом определении, на наш взгляд, также отсутствуют четкие ответы на следующие вопросы. Если человек родился вне места постоянного

проживания его родителей, или сменил свою гражданскую принадлежность, то у него одна Родина или несколько? Вспомним тезис М. Хайдеггера о том, что под влиянием жизненных обстоятельств и особенностей своего духовного становления человек может терять и вновь обретать свою Родину, при этом его фактическое нахождение на территории государства малозначимо. Путь в родное не завершается с прибытием домой и пребыванием в родном окружении (Хайдеггер, 2003: 245).

Помня, что Родина – место появления чего-либо, спросим, какая страна будет Родиной научной или философской идеи в том случае, когда ее творцами были граждане разных государств? Сакральность Родины означает ли святость политической системы и обязательность поддержки политического режима? Есть ли Родина у апатридов? Ответов на эти и некоторые другие вопросы в справочно-информационной литературе нет.

Попробуем систематизировать результаты анализа методологических принципов дефиниции Родины в научных и философских исследованиях. Несмотря на существенные различия подходов, можно проследить в одних попытку определить Родину как чувственно постигаемый объект, нечто материальное. Другой же подход связан с утверждением того, что Родина – это нечто иное, у нее иная онтология и сложное многоуровневое содержание, что понять сущность Родины можно только через анализ ее как высшей ценности. В рамках этого методологического подхода были сформулированы определения категории «Родина», отличные от предлагаемых в справочниках и словарях. На практике такие дефиниции, согласно наблюдениям С.Г. Воркачева, часто строятся апофатически: «это то, что остается от страны за вычетом географии, демографии и политического устройства» (Воркачев, 2013: 33). Иногда, логическая операция дефиниции приобретает эмоциональную окраску, таинственность.

А.Ф. Лосев, отвечая на вопрос, что есть Родина, утверждает, это «есть что-нибудь над нами родное, великое, светлое, общее для всех, интимно-интимно наше, внутреннейше наше, насущно и неизбытно наше» (Лосев, 1993). Достаточно ли такой дефиниции для того, чтобы человек действительно понял, что такое Родина, сумел отличить ее от сконструированных идеологических или эстетических клише. На наш взгляд, нет, не достаточно. Ведь для решения этой задачи познающему субъекту надо точно знать, что такое великое, светлое и т. п., строго следуя требованиям логики, мы можем обнаружить здесь ошибку определения неизвестного через другое неизвестное. Сам философ соглашался с тем, что как таковой дефиниции категории «Родина» он не дал, более того, он с твердостью отказывался это делать, полагая, что всякая дефиниция формальна и не может охватить все содержание данного понятия (см.: Лосев, 1993). Предположим, к подобным выводам пришли и составители Российского гуманитарного энциклопедического словаря (2002), и Большой Российской энциклопедии (2014), исключив понятие «Родина» из объясняемых терминов. В итоге, представление о том, что есть Родина, у человека размыто, отсутствует четкое понимание составляющих ее элементов, основания понимания как высшей ценности. Отношения личности и Родины разворачиваются искусственно, как указывает М. Биллиг, дейксис Родина имеет указательный характер, он обращается к национальному «мы» и помещает «нас» в «нашу» Родину» (Биллиг, 2007: 49).

На наш взгляд, перед философией как теоретическим мировоззрением стоит задача выработать принципиально новые методологические подходы к исследованию категории «Родина». В качестве гипотезы нам представляется возможным сформулировать следующие пожелания исследователю.

Первое. Методология исследования Родины должна использовать как

рациональные, так и иррациональные, интуитивно-ценностные инструменты. Это означает, в первую очередь, обращение к образам Родины. Образ, согласно Новой философской энциклопедии (2010), есть реконструкция объекта в сознании человека (Новая философская энциклопедия, 2010: 128), он носит объективно-субъективный характер, отражая как объективные онтологические качества познаваемого объекта, так и ценностные установки познающего субъекта. Образ является наглядным отражением онтологической и аксиологической сущности предмета исследования. В этой связи источниками исследования Родины должны быть как научно-философские труды, так и произведения литературы и искусства, примеры народной мудрости, древние мифы и иное, из чего можно почерпнуть знания о системе ценностей народа. Вместе с тем, важно сопоставить полученные выводы с логическим критерием, верифицировать их или выводимые из них следствия.

Второе. Исследование категории «Родина» должно проходить аналогично исследованию таких духовных категорий как «Истина», «Прекрасное», «Разум», «Бог». Отметим присутствие в философии идеи о тождественности Родины и Бога: С.Л. Франк, ссылаясь на Августина, пишет «Бог есть Родина...» (Франк, 1992: 313). Следует учесть, что, познавая материальное бытие, исследователь должен максимально освободиться от эмоций, исключить оценочные суждения, ориентироваться на факты, а познание духовных категорий происходит как обретение их в духовно-нравственном акте. Допустимо обращение к методам познания, формулируемым в теологии, опирающимся на интеллектуальную интуицию. Тогда, приняв гипотезу о духовной сущности Родины, легко можно объяснить множественность проявлений Родины, исполнение ею материнской функции, сакральность ее в системе ценностей.

Третье. Уместно применение аксиологического критерия в качестве основного критерия истины, то есть проверка соответствия рассматриваемых суждений высшим нравственным и эстетическим принципам. Эти принципы допустимо сформулировать так: нацеленность на достижение идеала средствами, ведущими к саморазвитию, обретению новых творческих способностей, слаженность, соразмерность и определенность, утверждение человека, его душевного и духовного благополучия в качестве атрибута культуры. В случае, когда рассуждения о Родине приводят к противоречию с каким-либо из этих или сходных принципов, следует задуматься о возможном искажении его содержания.

Четвертое. Рекомендуем соотносить полученные результаты философского поиска смысла категории «Родина» с теми вопросами философии, гуманитарных и социальных наук, которые требуют своего разрешения. Если выводы о Родине объясняют явления и факты, ранее остававшиеся без разъяснений, то их надо взять на заметку для формулирования целостной концепции Родины. Поясним на примере. Одним из острейших предметов спора о содержании категории «Родина» является вопрос о том, есть ли у Родины реальное бытие или это продукт воображения, поддерживаемый политико-идеологическими методами. Выдвинув гипотезу о том, что Родина – реальный объект, который обладает жизненно важными для личности качествами и не может быть заменен ничем другим, мы сможем объяснить патриотическое поведение эмигрантов, покинувших страну и жестко критикующих ее политическую систему. Если же Родина – это продукт коллективного воображения, группа метафор, через призму которых концептуализируется определенная социальная конструкция, некая специальная модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между

личностью и централизованной идеологической системой (Сандомирская, 2001: 7, 23), то подобное поведение может быть только редким исключением, что опровергается фактами помощи СССР в годы Великой Отечественной войны.

Воспользовавшись данными советами, мы считаем возможным со своей стороны предложить в качестве альтернативы следующую дефиницию исследуемого понятия. *Родина - духовная субстанция, порождающая прочие духовные, материальные и социальные объекты, создающая условия для становления и развития их чувственно и интеллектуально воспринимаемых качеств в целях совершенствования и достижения нравственного и эстетического идеала, находящая отражение в сложно организованной иерархической системе образов, благодаря чему человек способен обрести неразрывную связь со своей Родиной, даже если он оторван от места своего рождения, семьи и государства, гражданином которого он является.*

Итак, мы видим, что основополагающий принцип методологии исследования Родины – это принцип соединения возможностей рассудочного, разумного и интуитивного познания. Он позволяет систематизировать все значимые результаты осмысления Родины как в научно-философском, так и в художественно-эмоциональном и повседневном дискурсе.

Литература

Биллиг, М. Повседневное напоминание о Родине / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2007. № 1 (58). С. 34-68.

Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост. и гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

Воркачев, С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.

Лосев, А.Ф. «Жизнь» (Повести, рассказы, письма). СПб: Изд-во АО «Комплект», 1993 [Электронный ресурс] URL:

<http://www.lib.ru/FILOSOF/LOSEW/life.txt> (дата обращения: 06.02.2022).

Мутаев, У.К. Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана (на материале интервью) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 126-135.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин, 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.

Сандомирская, И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 с.

Толстой, Л.Н. Статьи о патриотизме. М.: Издание «Единение». 1917. 128 с.

Франк, С.Л. Духовные основы общества. М. Республика, 1992. 511 с.

Хайдеггер, М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., «Академический проект», 2003. 320 с.

Чикаева, Т.А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 40-49.

References

Billig, M. (2007), "Banal Nationalism", *Logos*, 1 (58), 34-68 (in Russ.).

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The large explanatory dictionary of the Russian language] (2000), comp. and ed. by S. A. Kuznetsov, Norint, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Chikaeva, T. A. (2018), "Analysis of approaches to the definition of "Homeland"", *Herald of Vyatka State University*, 2018, 2, 40-49 (in Russ.).

Frank, S. L. (1992), *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Hajdegger, M. (2003), *Razyasneniya k poezii Gel'derlina* [Explanations to the poetry of Gelderlins] Akademicheskij proekt, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1993), *«Zhizn» (Povesti, rasskazy, pisma)* ["Life" (Tales, stories, letters)],

АО «Komplekt» St. Petersburg, Russia, 1993 [Online], available at: <http://www.lib.ru/FILOSOF/LOSEW/life.txt> (Accessed 06 February 2022) (in Russ.).

Mutaev, U. K. (2015), "The symbol of the Motherland through the eyes of Dagestan residents (based on an interview)", *Labyrinth: Journal of Social and Humanities Research*, 4, 126-135 (in Russ.).

Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. [New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes] (2010), 2nd ed., Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Sandomirskaya, I. I. (2001), *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnyh praktik* [A book about the Motherland. The experience of analyzing discursive practices] Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, Wien, Austria (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1917), *Statyi o patriotizme* [Articles about patriotism], Izдание «Edinenie», Moscow, Russia (in Russ.).

Vorkachev, S. G. (2013), *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokult'ure* [The country is own and foreign: idea of patriotism in linguoculture], INFRA-M, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чикаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдовская, д. 6, стр. 1., г. Москва, 121352, Россия; umoi@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana A. Chikaeva, Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art and Industrial Institute, 6/1 Davydovskaya St., Moscow, 121352, Russia; umoi@rambler.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

Гончарова А. В.

Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; Elfi1989@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена понятию о памяти как историческом, философском и культурологическом явлении, которое способствует непрерывности культурного наследия человеческого общества, а также его восприятию, пониманию и влиянию на развитие последующих поколений. Память – важнейший фактор сохранения национальной самобытности любого народа, этноса, государства в рамках глобализации, непрерывности культурно-исторического развития, так как все инновационные процессы неразрывно вплетены в это развитие и являются его следствием. Культурная память выступает как условие исторической преемственности, как «органическая система», как механизм сохранения прошлого в настоящем. Затронуты проблемы рассмотрения памяти как инструмента конструирования идентичности личности, когда внимание концентрируется на сферах коллективной, общественной и культурной памяти. Культурная память тесно связана с историей, подразумевает непрерывность интеллектуальной, духовной, нравственной жизни человека, общества в целом. Отсюда возникает множество практических проблем, связанных с таким понятием, как «историческая память»: недостаточное знание истории своей семьи, Родины, искажение исторических событий и их последствий; потеря и уничтожение культурного и исторического наследия и т. д. Автор ищет подходы к раскрытию сущности феномена историко-культурной памяти, его влияния на развитие личности, общества и государства.

Ключевые слова: историко-культурная память; этнос; нация; идентичность; преемственность; традиции; культурный ареал; трансформация современной России

Для цитирования: Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С.134-141. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

A. V. Goncharova

Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity

Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev Str., Belgorod, 308033, Russia;
Elfi1989@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of memory as a historical, philosophical and cultural phenomenon that ensures the continuity of the cultural heritage of human society, its perception, understanding and influence on the development of subsequent

generations. It is the most important factor in preserving the national identity of any people, ethnos, state within the framework of globalization, the continuity of cultural and historical development, as all innovative processes are associated with this development. Cultural memory acts as a condition of historical continuity, as an "organic system", as a mechanism for preserving the past in the present. The article touches upon the problems of memory as a tool in the construction of personal identity, the sphere of collective, social and cultural memory. Cultural memory is connected with history, implies the continuity of intellectual, spiritual, moral life of a person, society as a whole. Hence, there are many problems associated, for example, with such a concept as "historical memory": insufficient knowledge of the history of one's family, homeland, distortion of historical events and their consequences (this is what we are seeing today in Ukraine); destruction of cultural and historical heritage; dissemination of anti-patriotic ideas, etc. The author tried to reveal the phenomenon of memory culture, its connection, and the impact on the development of the individual, society and the state.

Keywords: historical and cultural memory; ethnos; nation; identity; continuity; traditions; cultural area; transformation of modern Russia

For citation: Goncharova A.V. (2022), "Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 134-141, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

В современном мире все более заметным становится общественный интерес к осмыслению собственного прошлого. Историко-культурная память является фактором, определяющим характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества. В России этот феномен также находит выражение во многих общественных сферах: в политической – как предмет государственной политики, фактор конструирования политической нации, предпосылка межэтнической и межнациональной интеграции или конфликтов, средство ретрансляции ценностей политической культуры; в социальной – как элемент общественного сознания, инструмент формирования национальной идентичности, общественной консолидации; в культурной – память и мемориализация как инструменты сохранения и передачи культурного опыта сообщества.

Память – сложный психический процесс, связывающий в единую последовательную цепь результаты прошлой, настоящей и будущей человеческой деятельности.

Что именно и как мы помним, стало предметом интенсивного научного поиска со второй половины XX века. Проблематика исследования историко-культурной памяти связана с конструкцией и реконструкцией воспоминаний, а также с динамическими социальными, политическими и культурными дискуссиями, имеющими целью переосмысление исторического прошлого.

Амбивалентность функционирования феномена историко-культурной памяти в современном обществе обусловлена, с одной стороны, вызовами глобализации, сопровождающейся нивелированием традиций и культурных особенностей сообществ, а с другой – оживлением интереса к прошлому, использованием его индустрией наследия в коммерческих целях.

Внимание ученых к проблематике памяти стимулирует разноплановые исследования ее понятийного тезауруса, в частности исторической, культурной, коллективной, общественной, коммуникативной памяти, политики и индустрии памяти. В последние годы проблематика историко-культурной памяти широко артикулируется в общественном и научном дискурсе России

и зарубежных стран. Ряд исследований посвящены этой проблеме, в частности А. Ассман, Я. Ассмана, Х. Вельцера, О.Ю. Малиновой, Е.Ю. Мелешкиной, Л.П. Репиной, Ю.А. Сафроновой, М. Хальбвакса, П. Хаттона и других авторов. Они рассматривают вопросы конфликтности памяти в современной России и мире, анализируют трансформацию символического пространства и исторической памяти города, политику памяти на национальном и локальном уровнях. В то же время целесообразно отметить, что связь исторической памяти с фундаментальными ценностями демократии, правами человека в мультикультурном ареале еще недостаточно отражены в научных исследованиях.

В связи с обозначенными взаимосвязями возникает необходимость выяснить роль культурной памяти в период демократической трансформации России в качестве посредника нового общественного нарратива прошлого, которое интегрировало бы различные варианты и перспективы будущего развития российского общества. Важно при этом сосредоточить внимание на феномене историко-культурной памяти в процессе конструирования идентичности личности, в ее связи с теорией прав человека, послужившей индикатором демократических перемен. Вследствие мощного социально-экономического развития России и всего развитого мира в последние десятилетия и существенных изменений в условиях жизни людей, акцент в культурной сфере смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности и самовыражения, от групповой нормы к индивидуальному многообразию. Утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, формируя общество, центральное место в котором занимают люди.

Трансформационные и модернизационные процессы влияют на изменения в мировоззрении и отношениях людей, а в критические периоды сопровождаются процессами культурной неопределенности, пере-

смотра предыдущих культурных норм. Современный политический ландшафт России претерпевает решающие изменения с помощью ряда новых инструментов и институтов, имеющих целью преодолеть наследие тоталитарного прошлого. Утверждение прав человека международным сообществом обеспечило условия для таких изменений. «Страны, которые пережили грубую диктатуру и кровавые геноциды, положили конец преследованиям, насилию, эксплуатации для того, чтобы восстановить новые отношения между победителями и побежденными, преступниками и жертвами на пути к интегрированному обществу» (Assmann, Shortt, 2012: 30).

В западном мире, как отмечает Дж. Гиллис, история памяти прошла три фазы: донациональную (вторая половина XVIII в.), национальную (с момента революций в Америке и Франции – до 1960 г.) и современную, постнациональную. Но трансформационный опыт посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы частично противоречит такой схеме. После распада Советского Союза «эти страны оказались в меняющемся мире формирования транснациональных и глобалистских образований, и были вынуждены не только радикально менять свой социальный и экономический уклад, но и пытаться снова воссоздать национальную идентичность» (Gillis, 1994: 85).

Историко-культурная память реализует свой потенциал, когда люди объединяются, трансформируя репрезентации прошлого в позитивные изменения общественного развития. Общественные нарративы о страданиях и несправедливости имеют большое моральное значение. В то же время коллективная память становится общественной при условии ее использования в процессе формирования, конструирования идентичности личности. Итак, историко-культурная память объединяет различные группы людей, предлагая ощущение принадлежности к определенному сообществу, сообщая людям, кто они есть, формируя смыслы прошлого.

М. Хальбвакс в своих социокультурных исследованиях развил идею коллективной памяти, ее образов и форм, которые формируются социальными группами и обществами в пределах специфической социальной структуры. Согласно М. Хальбваксу, «память о прошлом каждого индивида является общественно опосредованной и тесно связанной с группой, к которой он принадлежит. Социокультурное измерение имеют также личные воспоминания людей, поскольку они выражены в межличностной коммуникации» (Хальбвакс, 2007: 34). Анализируя связь между правами человека и памятью, М. Хальбвакс подчеркивает важность гражданского общества, а не государства. Ученый утверждает, что «гражданское общество связано в ассоциации, которые рассказывают о том, что они делают и кто они есть. Различия коллективной памяти разных сообществ определяются нарративами, где они моделируют свое прошлое. С изменением сообщества происходят изменения и в рассказе о его прошлом и идентичности» (Хальбвакс, 2007: 59). Следовательно, общественная среда ограничивает и упорядочивает воспоминания о прошлом в пространстве и времени, выступая одновременно источником как самих воспоминаний, так и понятий, с помощью которых они фиксируются.

Обоснование теории культурной памяти, основанной на семиотической идее культурной объективации, отражено в работах немецких исследователей Аляйды Ассман и Яна Ассмана. В частности, Я. Ассман в понятии коллективной памяти различает «коммуникативную и культурную память» (Ассман, 2004: 59). Коммуникативная память – представление о прошлом, которое передается по каналам ежедневной коммуникации и формируется в процессах повседневного неформального общения нескольких поколений живых членов сообщества. Я. Ассман утверждает, что «в эту память общество вписывает само себя с помощью всех своих норм и ценностей, тем самым формируя общественное сознание» (Ассман, 2004: 38). Культурная память

обеспечивает связь между поколениями определенной общности и является следствием существования многочисленных средств хранения информации о своем прошлом опыте, который социум использует для сохранения общей идентичности. «Культурная память охватывает совокупность репрезентаций, конструктов и форм прошлого, связывающих историю, культуру и общество» (Ассман, 2004: 49-50). Личные воспоминания являются виртуальными, пока они не материализуются в словах и изображениях для дальнейшего представления. Коллективная память производится через опосредованное представление прошлого, которое охватывает выборочное, организованное, упрощенное, сомнительное включение и выключение информации (Ассман, 2012; Ассман, 2004; Агаџо, 2012; Нога, 1989).

Итак, запоминание и забвение являются выборочными процессами. Не только прошлое действует и влияет на современное общество, но и его репрезентация, представление о нем и представление исторических событий создаются и распространяются в обществе в пределах специфических культурных маркеров и политического контекста. Общие представления об историческом прошлом, коллективная историческая память является основой интеграции и консолидации общества. Таким образом, историческая память – это коллективное представление о прошлом, фундамент национальной идентичности. То, что мы считаем реальностью, на самом деле – результат действия интерпретации. Это свидетельствует о том, что связь между прошлым и настоящим является изменчивой, открытой и неограниченной в пространстве и времени. Исследователи единодушны во мнении, что память в современном обществе используется как инструмент политических и культурных технологий конструирования, архивирования и осмысления прошлого (Ассман, 2012; Ассман, 2004; Хальбвакс, 2007; Assmann, Shortt, 2012). Каждое сообщество имеет свою историческую память, которая отличает его

от других сообществ. В то же время Раса Чепайтене подчеркивает, что «в процессе формирования, консолидации или сохранения определенного типа идентичности используются те или иные, чаще всего стереотипные, источники традиции, коллективной памяти или культурного наследия» (Чепайтене, 2012: 82).

Память является гибкой, она играет важную роль в процессе политической трансформации общества. Ученые подчеркивают субъективность категории памяти. Среди адаптационных свойств памяти – «ее ненадежность, способность к удержанию и предотвращению, готовности заменить старую информацию новой» (Andersen, Törnquist-Plewa, 2016: 52). Разнородные и неоднородные воспоминания могут сосуществовать на личностном уровне, но это происходит и на общественном уровне. Некоторые воспоминания могут сосуществовать или взаимодействовать, а другие находятся в состоянии диссонанса, несогласия, противодействия. В частности, Андреас Гуссен утверждает о взаимосвязи процессов памятования и забвения. Каждое действие памяти, индивидуальной или коллективной, всегда привлекает выборочную, частичную, или, иначе говоря, предвзятую формы забвения. Иногда и короткая фаза забвения может привести к поиску исторической памяти. Поскольку памятование всегда взаимодействует с забвением, не может быть его полного и четкого закрытия. Итак, «файл памяти никогда не закрывается, он частично открыт и обладает способностью к реконструкции в новые действия памятования» (Huyssen, 2003: 37).

Политический, правовой, социальный и культурный процессы переходного периода – это процессы, которые еще не завершились и приобрели характер непрогнозируемых. Время как важный фактор изменений может повлиять на превращение памяти в небытие, если не предприняты никакие меры, чтобы противодействовать этому. Зато отдельные индивиды, сообщества и государство всегда имеют выбор, ко-

гда, как, и какие события прошлого помнить или забыть. После политических изменений новая политическая или государственная структура, образованная для реконструкции и репрезентации исторического прошлого, может столкнуться с другими имеющимися формами памяти в публичном пространстве. «Индивидуальные воспоминания нелегко переписать, и семейные истории нередко сохраняются целыми поколениями благодаря устной истории. Эти памяти могут сосуществовать или не могут быть совместимыми с официальными нарративами, конструированными вследствие травматических событий» (Assmann, Shortt, 2012: 60).

Коллективная память характеризуется непрерывностью, «она не является однородной, а конфликтной, скорее напоминает мозаику, состоящую из разных зон, частей, способов, благодаря которым прошлое помнится индивидами и группами» (Araújo, 2012: 90). Поскольку оба процесса запоминания и забвения всегда выборочные, «искренние намерения преодолеть враждебные или подозрительные настроения зависят от настоящего согласия не помнить все, а публично обсуждать, какие из проблемных вопросов необходимо решить» (Assmann, Shortt, 2012: 78). Эта мысль является важной в контексте анализа проблем современных русско-восточных отношений.

В обществах, отмеченных драматическими событиями, в которых трансмиссия опыта прошлого была прервана, коллективная память является основой для формирования исторической памяти. «Этот процесс известен как мемориализация и может быть выкристаллизован в более постоянных формах, включая музеи, памятники и мемориалы» (Araújo, 2012: 7). Французский историк П. Нора, автор концепции «мест памяти», утверждал, что шаг от места поколений к памяtnому месту и месту воспоминаний, сопровождается разрывом, разрушением границ культурных значений и общественных контекстов. Модерность приводит к постоянному изменению жизненного

мира, а также к увеличению количества музеев и мест воспоминаний. «Мы переживаем момент перехода, когда сознание раскола с прошлым идет рядом с чувством разрыва памяти и, одновременно, с моментом, когда этот разрыв высвобождает так много памяти, что возникает вопрос о ее воплощении» (Nora, 1989: 12).

Память нации выражается в историческом ландшафте своих мест воспоминаний. Любое место воспоминаний, по мнению А. Ассман, «является переплетением пространства и времени, присутствующего с отсутствующим, реального настоящего с историческим прошлым. Место же может быть субъектом и носителем воспоминаний, ведь память места значительно выходит за пределы человеческой памяти» (Ассман, 2012: 355). Исследовательница различает памятные и болевые точки истории. Памятные места – это места, в которых происходили события, которые становятся образцом или примером и приобретают в мифической, национальной и исторической памяти выдающийся статус. Они незабываемые в той степени, в которой закрепляются определенной группой в положительных и обязывающих воспоминаниях. «Болевые точки отличаются от памятных тем, что они блокируют положительное смыслообразование» (Ассман, 2012: 355-357).

Характеризуя Европу как память земли или совокупность памяти земель, исследователи рассматривают комплекс путей переживания и памятование прошлого в европейских странах, которые представляют не определенную статическую форму, а скорее канву противоречивых тенденций и событий. По их мнению, европейская память характеризуется определенными изменениями, а также напряжениями и амбивалентностью, которые отражаются в ее мемориализации (см.: Macdonald, 2013: 98). Ш. Макдоналд вводит в тезаурус понятийного аппарата проблематики исследования термин «комплекс памяти», включающий взаимодействие трех важных компонентов – памяти, наследия, идентичности (см.: Macdonald, 2013: 100). Комплекс памяти

исследовательница рассматривает как совокупность практик, воздействий и физических объектов, включая такие части, как мемориальные услуги, ностальгию и исторические артефакты. Места памяти являются носителями прошлого благодаря историческим нарративам, а их исторический смысл легитимируется с помощью таких форм мемориализации, как выставки, книги о местной истории и мемориальные таблицы. По мнению исследовательницы, такая историческая тематизация – представление места исторического прошлого через набор общедоступных воспоминаний, «имеет целью формирование у личности идентичности, чувство принадлежности к определенному сообществу и его историческому прошлому, актуализируется благодаря историческому нарративу в местах памяти» (Macdonald, 2013: 103).

Исследователи отмечают динамичный характер понятий «идентичность», «память» и указывают на существование преимущественно определенных конструкций и репрезентаций реальности, а не самой реальности. Следовательно, это скорее субъективное, а не объективное явление (см.: Чепайтене, 2012; Gillis, 1994). Медиа-события также помогают изменить воспоминания и трансформировать общество, «а также синхронизировать общественные интересы и гомогенизировать коллективную память» (Assmann, Shortt, 2012: 51). Представление об общем прошлом, общественный нарратив как интерпретация официального исторического дискурса, в основном транслирующаяся с помощью медиа, являются мощным средством в конструировании и реконструировании индивидуальной и коллективной памяти.

В заключение можем сделать следующие выводы:

- историко-культурная память основывается на системе ценностей, функционирующей в определенной культуре, а места памяти определяют направления идентичности личности;

- формирование позитивного отношения к общечеловеческим ценностям предполагает признание универсальности основных прав человека, уважение к человеческому достоинству и свободе, уважение разнообразия, осознание важности диалога в демократическом обществе, солидарность, отрицание ксенофобии и дискриминации;

- признание приоритета прав человека, человеческого достоинства позволяет сформировать ценностное отношение личности к памяти и воспоминаниям разных индивидов и сообществ, готовность к трансляции ценностей и опыта прошлого другим членам общества;

- обеспечивая возможности членам сообщества исследования путей формирования различных идентичностей, культурного наследия, ценностей и моделей поведения людей в прошлом, историко-культурная память в демократическом обществе может производить новые социальные границы деятельности.

Литература

Ассман, А. Пространства воспоминания. Формы трансформации культурной памяти. М.: Языки славянской культуры, 2012. 440 с.

Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Репина, Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / ред. Л.П. Репина. М.: Круг, 2003. С. 9-18.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хаттон, П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 422 с.

Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире: монография. Вильнюс, Европейский гуманитарный университет институт истории Литвы, 2010. 296 с.

Andersen, T.S., Törnquist-Plewa B. *Disputed memory: emotions and memory politics in Central, Eastern and South-Eastern Europe*. Berlin; Boston, 2016. 383 p.

Araújo, A.L. *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space*. New York, 2012. 296 p.

Assmann, A., Shortt, L. *Memory and Political Change*. New York, 2012. 248 p.

Gillis, J.R. *Commemorations: The Politics of National Identity*. Princeton, 1994. 290 p.

Huyssen, A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. California, 2003. 177 p.

Macdonald, S. *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London, 2013. 293 p.

Nora, P. *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations*. 1989. Vol. 26. P. 7-25.

References

Andersen, T. S. and Törnquist-Plewa, B. (2016), *Disputed memory: emotions and memory politics in Central, Eastern and South-Eastern Europe*, Berlin; Boston, Germany.

Araújo, A. L. (2012), *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space*, New York.

Assman, A. (2012), *Prostranstva vospominaniya. Formy transformatsii kul'turnoy pamyati* [Memory spaces. Forms of transformation of cultural memory], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Assman, Jan (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom, I politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the High cultures of antiquity], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Assmann, A. and Shortt, L. (2012), *Memory and Political Change*, New York.

Chepaytene, R. (2010), *Kulturnoe nasledie v global'nom mire: monografiya* [Cultural heritage in the global world: monograph], European Humanities University, Vilnius (in Russ.).

Gillis, J. R. (1994), *Commemorations: The Politics of National Identity*, Princeton.

Halbwax, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social framework of memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Hutton, P. H. (2003), *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Huyssen, A. (2003), *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, California.

Macdonald, S. (2013), *Memorylands: heritage and identity in Europe today*, London, UK.

Nora, P. (1989), "Between Memory and History: Les Lieux de Memoire", *Representations*, 26, 7-25.

Repina, L. P. (2003), "Images of the past in memory and in history", *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evropa do nachala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe before the beginning of Modern Times], Moscow, Russia, 9-18 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гончарова Анастасия Владиславовна, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308034, Россия; Elfi1989@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia V. Goncharova, PhD Student, Department of Philosophy, Culturology, Scientific Studies, Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308034, Russia; Elfi1989@yandex.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-14

Олещенко Е. О. ¹ , Трунов А. А. ²	Право на модерность: о книге М. Дэвид-Фокса «Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе»

¹Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
г. Белгород, 308024 Россия; eoveto@mail.ru

²Белгородский университет кооперации, экономики и права, ул. Садовая, д. 116а,
г. Белгород, 308023, Россия; trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Специфика российского и советского модерна по-прежнему привлекает внимание ведущих зарубежных исследователей. Отталкиваясь от продуктивных идей Ш. Эйзенштадта, ряд ученых осуществляют дальнейшую разработку научной теории, согласно которой существовали различные исторические пути в Современность. Не является исключением и М. Дэвид-Фокс, чья книга была переведена на русский язык в 2020 г. Американский ученый исходит из того, что модерность может развиваться лишь пересекая границы. Это касается не только категории пространства, например, очевидного влияния ядра мир-системы на его периферию и наоборот, но и категории времени (переход от предсовременной к современной идеологии и культуре, преемственность через разрыв). Данная статья представляет собой рецензию на работу М. Дэвид-Фокса. Ее цель состоит в том, чтобы проанализировать основные положения концепции М. Дэвид-Фокса, в которой представлена оригинальная модель интеллигентско-элитарной модерности.

Ключевые слова: М. Дэвид-Фокс; модерность; интеллигенция; государство; идеология; культура; Россия; СССР

Для цитирования: Олещенко Е.О., Трунов А.А. Право на модерность: о книге М. Дэвид-Фокса «Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 142-147. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-14

E. O. Oleshchenko ¹ , A. A. Trunov ²	The right to modernity: about the book of M. David-Fox «Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union»

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; eoveto@mail.ru

²Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 116a Sadovaya St., Belgorod, 308023,
Russia; trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The specificity of Russian and Soviet modernity continues to attract the attention of leading foreign researchers. A number of scholars, building on Eisenstadt's productive ideas, have been further developing a scientific theory according to which there were different historical paths to modernity. M. David-Fox, whose book was translated

into Russian in 2020, is no exception. The American scientist proceeds from the premise that modernity can only develop across borders. This applies not only to the category of space, for example, the obvious influence of the core of the world-system on its periphery and vice versa, but also to the category of time (transition from pre-modern to modern ideology and culture, continuity through the gap). This article is a review of the work of M. David Fox. Its purpose is to analyze the main provisions of the concept of M. David Fox, which presents the original model of intellectual-statist modernity.

Key words: M. David-Fox, Modernity, Intelligentsia, State, Ideology, Culture, Russia, USSR

For citation: Oleshchenko E. O., Trunov A. A. (2022), "The right to modernity: about the book of M. David-Fox 'Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union'", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 142-147, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-14

Публикация книги М. Дэвид-Фокса (David-Fox, 2015), научного руководителя «Института советской и постсоветской истории» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», на русском языке (Дэвид-Фокс, 2020) стала заметным явлением интеллектуальной жизни последнего времени. Научная новизна и теоретическая значимость данной работы обусловлены несколькими обстоятельствами.

Во-первых, тем, что российский читатель получает возможность изучить содержание весьма глубоких и содержательных дискуссий о специфике советского модерна, которые ведутся зарубежными исследователями. По словам М. Дэвид-Фокса, эти дискуссии выявили целый ряд противоречий, например, «между индустриальным обществом и отсталостью, между универсализмом и самобытностью, между Россией как частью Европы и Россией как единственной в своём роде страной» (Дэвид-Фокс, 2020: 47).

Во-вторых, несомненную научную ценность имеет и концепция самого М. Дэвид-Фокса, которая позволяет лучше понять модерн, идеологию и культуру на разных этапах существования СССР. В ее основе – преодоление тех крайностей, которые определяют расстановку основных теоретических акцентов в этой проблемной зоне. Перед учеными, которые занимаются

анализом идеологического поля и культурных практик советского модерна, стоят довольно сложные задачи: выявить нелинейный характер взаимоотношений между универсализмом и спецификой, преемственностью и разрывами; достичь понимания того, как возможно существование и функционирование различных типов современных обществ (Дэвид-Фокс, 2020: 104).

В своих теоретических построениях автор отталкивается от продуктивных идей Ш. Эйзенштадта и его последователей (см.: Eisenstadt, 2000; Арнасон, 2021). Высказанная ими гипотеза о том, что существуют различные исторические пути в Современность и соответствующие им типы модерности, безусловно, нуждается в эмпирической проверке. Классическое понимание модерна как преимущественно европейского или североамериканского путей развития (см.: Parsons, T., Shils, E., Naegle, K., Pitts, J., 1961) сегодня представляется безнадежно устаревшим и избыточно идеологизированным. По существу, во многих классических теориях модернизации вольно или невольно ставится знак равенства между капитализмом и модерном, а все иные парадигмы культурно-цивилизационного развития рассматриваются как ущербные и тупиковые.

Очевидная ангажированность данной исследовательской позиции в работе М. Дэ-

вид-Фокса подвергается обоснованной критике. Гораздо более перспективным, на наш взгляд, является предлагаемый им подход, в основе которого лежит представление о множественных модерностях как исторически сложившихся альтернативных путях в Современность (см.: Дэвид-Фокс, 2020: 47-105). Если исходить из тезиса о том, что модерн все-таки не идентичен капитализму, то становится возможной системная аналитика отнюдь не только буржуазных маршрутов в Современность. В качестве одного из наиболее интересных примеров здесь как раз и можно рассматривать СССР, генезис и эволюция которого вопиющим образом не соответствуют основным положениям классических теорий модернизации (см.: Parsons, T., Shils, E., Naegle, K., Pitts, J., 1961).

М. Дэвид-Фокс прослеживает определённую взаимосвязь между предреволюционным и советским типами модерности, которые проявляются, например, в остром неприятии капитализма и мещанства со стороны интеллигенции. Именно интеллигенция является тем внутренне противоречивым сообществом, которое в предреволюционной и советской России занималась производством и трансляцией смыслов. Отталкиваясь от этой очевидности, автор книги предлагает оригинальную концепцию интеллигентско-этатистской модерности (Дэвид-Фокс, 2020: 112-115). Ее суть заключается в идее построения цивилизации современного типа, но при полном отрицании буржуазности и капитализма.

Здесь мы сталкиваемся с несколькими парадоксами, которые обуславливают развитие самосознания и идентичности русской и советской интеллигенции во второй половине XIX и значительной части XX вв.

Первый парадокс – это нарциссическая любовь / зависть к Европе, которая проявляется сначала в тотальной идеализации, а затем в радикальном обесценивании основных культурных и цивилизационных достижений Запада. Порой эта болезненная амбивалентность присутствует в мировоз-

зрении и текстах одного и того же мыслителя. То, что отношение к Европе является маркером культурно-цивилизационной идентичности русской и советской интеллигенции, не вызывает сомнений. Запад выступает не просто значимым Другим, а смысловым центром, отношение к которому разделяет интеллигентов на западников и славянофилов, либералов и консерваторов, космополитов и почвенников. Эти конфликтующие сообщества ведут непримиримую борьбу не столько с мифологизированным Западом, выступающим в благостной или демонической ипостасях, сколько друг с другом.

Второй парадокс заключается в стремлении интеллигенции служить народу / трудящимся массам и одновременно – переделывать этот объект поклонения в соответствии со своими умозрительными представлениями, которые оторваны от жизни (Дэвид-Фокс, 2020: 120-128). Следствием подобного подхода является не только сакрализация народа как источника высшей легитимации любых проектов в сфере духовного производства и массовой культуры, которое наблюдалось в предреволюционный и ранний советский период, но и очевидная народофобия, которая прослеживается на всем протяжении позднего советского и постсоветского периодов. Как и в случае с Европой, нарциссическая идеализация народа завершилась его закономерным обесцениванием, что не исключает его последующего превознесения в русле политтехнологического конструирования очередных «духовных скреп». Мифологизированные представления о народе являются основной предпосылкой возникновения тоталитарных идеологий и утопий, практическая реализация которых в СССР приобретает весьма зловещий смысл.

Третьим парадоксом являются отношения интеллигенции с государством, которые также носят предельно двусмысленный характер. С одной стороны, интеллигенты разными способами «борются» с государством, которое рассматривается как душитель свободы и источник всяческих

бедствий, а с другой – пытаются использовать его возможности в собственных целях. На наш взгляд, характеристика советской модерности как интеллигентско-этатистской, на что совершенно обоснованно указывает М. Дэвид-Фокс, довольно точно раскрывает суть данного феномена.

Дело в том, что проект СССР действительно был задуман интеллигентами, а вот его практической реализацией занялось государство, точнее – партократия, бюрократический аппарат и карательные органы, которые решали свои задачи. «В политизированной и революционной форме прежнее горячее стремление к просвещению масс и искоренению филистерства рынка соединились с принудительной силой новой диктатуры» (Дэвид-Фокс, 2020: 129). Претворение советского проекта в жизнь заметно отличалось от исходного замысла. «Жесткий догматизм интеллигентско-этатистской модерности препятствовал рефлексии, не давая проанализировать происходящее с опорой на знания и опыт, поэтому вскоре закрыл советской системе путь к переменам» (Дэвид-Фокс, 2020: 115). Однако такое происходило не только в СССР.

Безусловно, М. Дэвид-Фокс не претендует на создание оригинальной концепции русской или советской интеллигенции. Однако его подход к интеллигенции как главному коллективному субъекту, создающему модерность советского типа, представляется весьма продуктивным. При всем своем паталогическом нарциссизме именно интеллигенция сумела спроектировать уникальный культурно-цивилизационный проект, который можно рассматривать как «альтернативный Запад» на протяжении значительной части XX в. Ее же представители (но уже во втором и третьем поколениях) приложили значительные усилия по демонтажу этого проекта. Но такова логика поведения любого «коллективного нарцисса»: идеализация – обесценивание – утилизация. А далее – поиск нового объекта для поклонения. И так – до окончательной потери собственной идентичности и полной гибели всерьез.

Особый интерес представляет разработанная М. Дэвид-Фоксом концепция идеологии, которая изображена как диффузная и многоликая. Она может существовать как политическая доктрина, философское мировоззрение, историческая концепция, наукообразный дискурс, религиозная вера или театральное действие (Дэвид-Фокс, 2020: 172-207). Подвергая справедливой критике наиболее влиятельные современные подходы к изучению идеологии, в частности, концепцию морфологического анализа М. Фридена (см.: Freedен, 2003), М. Дэвид-Фокс предлагает рассматривать ее как заведомо эклектичное явление, что позволяет анализировать не только разнообразные идеологические нарративы и практики, но и осуществлять герменевтическую реконструкцию «присутствия» разнообразных следов идеологии в кинематографе, музыке, театре, художественной литературе или живописи. «Осознание множественных возможностей определения и объяснения роли идеологии позволяет включить ее в более широкий исторический анализ» (Дэвид-Фокс, 2020: 220).

Большое внимание также уделяется культурной революции и противостоянию двух академий (см.: Дэвид-Фокс, 2020: 221-338). Согласно изложенным фактам, культурная революция рассматривалась большевиками как своеобразная война против отсталости, «которая должна была стать частью революционной дороги к социализму» (Дэвид-Фокс, 2020: 249). Ее направлениями были не только ликвидация безграмотности, развитие доступного массового образования или поощрение разнообразных форм пролетарской культуры, но и создание нового быта.

Коммунистическая академия (до 1922 г. – Социалистическая академия общественных наук, до 1924 г. – Социалистическая академия) рассматривалась большевиками как средоточие нового знания, на основе которого предполагалось преобразовать окружающий мир и создать Нового человека. В то время как созданная Петром Великим Академия наук выступала как

своеобразная цитадель традиционной науки, которая первоначально была практически не восприимчива к революционным веяниям. Некоторые академики (например, великий И.П. Павлов) не скрывали своих политических взглядов и при каждом удобном случае ругали советскую власть. Попытка большевизации Академии наук не увенчалась успехом. Пикантность ситуации заключалась в том, что две академии довольно продолжительное время существовали параллельно, а потом произошло их слияние на основе поверхностной большевизации и своеобразного разделения труда. Номенклатурные «ученые» занялись «дальнейшей разработкой» марксизма, которая привела к его выхолащиванию, догматизации и смысловой деградации, а представители традиционной науки продолжили свои исследования, делая ритуальные поклоны в сторону господствующей идеологии.

На наш взгляд, зафиксированный М. Дэвид-Фоксом конфликт академий выражал традиционное для советского времени латентное противостояние партии и интеллигенции, власти и культуры, политики и науки. В этом противостоянии были свои положительные и отрицательные моменты.

Важной идеей М. Дэвид-Фокса является то, что модернность следует рассматривать как трансграничный феномен. Собственно, модернность в принципе не может существовать, не пересекая границы. Это касается как переноса ценностей и институтов модерна с ядра на периферию, так и той темпоральной границы, которая отделяет дореволюционную Россию от СССР. Здесь можно говорить о специфической преемственности через разрыв, которую А. де Токвиль рассматривал на примере соотношения Французской революции конца XVIII в. и Старого порядка (см.: Токвиль, 2008).

Не менее интересно на конкретных примерах проследить формирование интеллектуальных сетевых сообществ, которые взаимодействуют друг с другом на основе

межличностных связей или публичных коммуникаций. При этом распространение идей, идеологий и практик модерна приобретает диффузный характер. Не только ядро воздействует на периферию, но и периферия воздействует на ядро, а общение выдающихся деятелей культуры способствует формированию нового качества связей и отношений.

В этом плане особенно любопытно проследить своеобразную «большевизацию сознания» ведущих европейских интеллектуалов, которые открыто выражали симпатию к СССР. Некоторые из них, например, знаменитый Р. Роллан, имели почти официальный статус «друзей» (Дэвид-Фокс, 2020: 354), что подразумевало не только их заметное присутствие в советской культуре, но и открытую поддержку советской политики за рубежом. И далеко не всем поклонникам советского строя удавалось избежать искушения его идеализации, которая не давала им увидеть отнюдь не всегда благостную реальную картину, например, «добровольно-принудительную» коллективизацию, террор и параноидальный поиск «врагов народа».

Кстати, интерес к СССР проявляли не только «левые», но и «правые» интеллектуалы и общественные деятели. Рассмотренная М. Дэвид-Фоксом история Э. Никиша, который оказался на перепутье между большевизмом и национал-социализмом, является наглядным подтверждением данного тезиса (Дэвид-Фокс, 2020: 381-452). И дело здесь не только в поверхностном сходстве двух антагонистических политических режимов, а в самой специфике этого странного и вывихнутого времени, которое инициировало запрос на конструирование массовых мобилизационных проектов, сплавлявших воедино идеи социализма и национального освобождения.

В целом же книга М. Дэвид-Фокса представляет собой самостоятельное научное исследование, в котором представлена не только оригинальная концепция интеллигентско-элитарной модерности, но и рассмотрены наиболее актуальные про-

блемы зарубежной историографии, которые позволяют отказаться от крайностей и по-новому взглянуть на культурно-цивилизационную специфику советского проекта. Голос автора порой растворяется среди множества голосов других исследователей, чьи публикации мало знакомы российским читателям, однако именно это обстоятельство делает рецензируемую работу наиболее интересной.

Источники

Дэвид-Фокс, М. Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.

David-Fox, Michael. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh Press, 2015. 336 p.

Литература

Арнасон, Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / пер. с англ. М. Масловского, А. Степанова, Ю. Прозоровой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

Токвиль, А. Старый порядок и революция / пер. с франц. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.

Eisenstadt, S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1-29.

Freeden, M. *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Clarendon Press, 2003. 160 p.

Parsons, T., Shils, E., Naegle, K., Pitts, J. (eds.). *Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory*. Vol. 1. New York: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. 726 p.

Sources

David-Fox, Michael (2015), *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh.

David-Fox, Michael (2020), *Peresekaya granitsy. Modernost', ideologiya i kultura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union], translated by: Pirusskaya, T., New Literary Review, Moscow, Russia (in Russ.)

References

Arnason, J. (2021), *Tsivilizacionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilization patterns

and historical processes], transl. by: Maslovsky, M., Stepanov, A., Prozorova, Y., New Literary Review, Moscow, Russia (in Russ.).

Eisenstadt, S.N. (2000), "Multiple Modernities", *Daedalus*, 129 (1), 1-29.

Freeden, M. (2003), *Ideology: A Very Short Introduction*. Clarendon Press, Oxford, UK.

Parsons, T., Shils, E., Naegle, K. and Pitts, J. (1961), *Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory*, 1, The Free Press of Glencoe, Inc., New York.

Tocqueville, A. (2008), *Staryj porjadok i revolyutsiya* [L'Ancien Régime et la Révolution], translated by: Efimov, L.N., Aletheia, St. Petersburg, Russia (in Russ.)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Олещенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; eoveto@mail.ru

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, ул. Садовая, д. 116а, г. Белгород, 308023, Россия; trunovv2013@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Ekaterina O. Oleshchenko, PhD in Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; eoveto@mail.ru

Anatoly A. Trunov, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 116a Sadovaya St., Belgorod, 308023, Russia; trunovv2013@yandex.ru

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-15

Стоянов А. С.¹,
Пермякова М. А.²

Блогинг ЗОЖ как фактор пищевого программирования студента

¹Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1А, мкр. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; stoianoff@mail.ru

²Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1А, мкр. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; mpermyakova23@gmail.com

Аннотация. Наиболее уязвимой категорией в отношении влияния интернет-технологий на формирование как системы ценностей, так и ориентиров в питании является молодежь, которая мыслит образами, встречающимися на страницах социальных сетей. Виртуальный контент имеет высокую значимость при построении коммуникаций молодым поколением. Актуальность исследования обусловлена воздействием блогинга ЗОЖ на подписчиков, большинство из которых являются студентами. Это воздействие проявляет себя не только изменениями в идеологии питания, но и пищевым программированием молодых людей студенческого возраста. Исследование проведено методом вторичного социологического анализа, а также анализа научных источников и статистических данных с их последующей интерпретацией. Отмечено идеализирование студенчеством блогинга ЗОЖ, что становится одним из основных факторов негативного пищевого программирования студентов. Степень влияния блогинга ЗОЖ зависит от возрастной категории потребителей контента. Отмечается высокая заинтересованность блогами ЗОЖ среди молодого поколения. Специфика негативного влияния блогов ЗОЖ на пищевое программирование студентов состоит в низкой критической оценке информации, преподносимой неспециалистами как истина в последней инстанции, при этом основным критерием истинности считается количество подписчиков.

Ключевые слова: блогер; блогинг; ЗОЖ; социальные сети; пищевое поведение; пищевое программирование; нарушения пищевого поведения

Для цитирования: Стоянов А.С., Пермякова М.А. Блогинг ЗОЖ как фактор пищевого программирования студента // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 148-157. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1- 0-15

A. S. Stoyanov¹,
M. A. Permyakova²

Healthy lifestyle blogging as a factor in student nutritional programming

¹Civil Defense Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations, 1A Sokolovskaya St., Novogorsk, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; stoianoff@mail.ru

²Civil Defense Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations, 1A Sokolovskaya St., Novogorsk, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; mpermyakova23@gmail.com

Abstract. The most vulnerable category in relation to the influence of Internet technologies on the formation of both the system of values and guidelines in nutrition is young people who in their thinking use images that they see from the pages of social networks. Virtual content is of high importance in building communications by the younger generation. The pertinence of the study stems from the impact of healthy lifestyle blogging on subscribers, most of whom are students, due to which there are changes not only in the ideology of nutrition, but also in the food programming of the latter. The study was carried out by the method of secondary sociological analysis, as well as the analysis of scientific sources and statistical data with their subsequent interpretation. The idealization of healthy lifestyle blogging by students is noted, which becomes one of the main factors in the negative food programming of students. The degree of impact of healthy lifestyle blogging depends on the age category of content consumers. There is a high interest in healthy lifestyle blogs among the younger generation. The specificity of the negative impact of healthy lifestyle blogs on students' food programming lies in the low critical assessment of information presented by non-specialists as the ultimate truth, the main criterion for the truth of which is the number of subscribers.

Keywords: blogger; blogging; healthy lifestyle; social networks; eating behavior; food programming; eating disorder

For citation: Stoyanov A.S., Permyakova M.A. (2022), "Healthy lifestyle blogging as a factor in student nutritional programming", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 148-157, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-15

Введение

Актуальность вынесенной в заглавие темы исследования обусловлена интенсивностью взаимосвязи блогинга здорового образа жизни (далее ЗОЖ) и студентов-подписчиков, внутри которой происходит самое мощное воздействие на пищевое поведение последних. Контент в социальных сетях на тему здорового образа жизни и правильного питания активно создается и распространяется через интернет, чему способствует рост интереса молодежной аудитории к этой теме. Рядовые пользователи, в особенности молодежь, зачастую не испытывают потребности убеждаться в том, что перед ними специалист в области ЗОЖ и здорового питания: достаточным для убеждения становится наглядный образ и чужой опыт. Более того, молодежная аудитория, как и широкая общественность, может и не знать, как правильно применить информацию, найденную в интернете, к своим личным особенностям и состоянию своего здоровья (см.: Moorhead et al, 2013).

Студенческая молодежь оказывается наиболее уязвимой категорией в отношении влияния интернет-технологий на формирование не только системы ценностей, но и куда более прозаичных ориентиров в питании. *Цель* проведенного нами исследования – изучить воздействие блогинга ЗОЖ на пищевое программирование студентов.

В XXI веке люди не представляют жизни без виртуального мира. На современном этапе развития общества происходит активное распространение интернет-технологий, что приводит к увеличению числа пользователей сетей и количества производимого ими виртуального контента, который имеет высокую значимость при построении коммуникаций молодым поколением. К примеру, Instagram стал гигантской блогерской площадкой, посредством которой миллионы молодых людей транслируют свой образ жизни.

На фоне развития информационных технологий растет количество пользователей социальных сетей и блогеров, которые рассматриваются молодежью как кумиры.

Под их влияние попадают и студенты, просматривающие различный контент, создаваемый специально для молодежи, которая «сталкивается с большим информационным потоком, мыслит образами, которые видит со страниц социальных сетей. В группе молодежи от 18 до 24 лет Интернетом пользуются 96 %» (Лисенкова, Мельникова, 2017: 326). Одним из популярных направлений деятельности блогеров является создание контента «здорового образа жизни».

Наличие у молодых людей собственной страницы в социальных сетях позволяет им конструировать индивидуальный коммуникативный образ и мир, в котором есть свои подписки и подписчики, предполагающие свое видение мира, отраженное во взаимодействии и коммуникациях с другими пользователями. Опасность блогов для молодежи заключается в распространении такого образного мышления, при котором идеалы и представления о том или ином человеке формируются не на основе реального общения и взаимодействия, социального опыта, а на основе электронного общения и обращения к образу человека, созданного им самим в социальной сети. С точки зрения драматургического подхода И. Гофмана, «тот человек, которого видят люди в повседневном взаимодействии, сжимается и искажается под давлением виртуальных требований (как удобных этому человеку, так и не очень), накладываемых его публичным образом» (Goffman, 1963: 39).

Другими словами, с одной стороны, есть образ студента, придерживающегося ЗОЖ, способствующий виртуализации знаний о физиологических процессах вплоть до реального негативного изменения пищевого программирования. С другой стороны, есть сам ЗОЖ как система, напрямую влияющая на пищевое программирование студентов, меняющая метаболизм и их физиологическое состояние. Первое и есть та возможность изменения физиологии и пищевого программирования студента благодаря виртуализации их образов (студента и

ЗОЖ), а точнее, нещадной эксплуатации этих образов, их имиджевой составляющей.

На сегодняшний день наиболее востребованной темой для различных пабликов и блогов является ЗОЖ, так как многие молодые люди стараются придерживаться основных его принципов. Говоря о причинах популяризации ЗОЖ, стоит отметить, что соответствие такому образу жизни стало престижным, приобрело имиджевый характер, что повышает его актуальность и востребованность в воспроизводстве студентами «Я-образов», а также виртуализации последних. Размещение производимого контента в социальных сетях приводит к увеличению количества «слоев» воображаемых образов, к проведению экспериментов с новыми образами, позволяет осознать и реализовывать представления о себе (см.: Лисина, 2016: 79). Более того, часто создание этих образов, начинающееся как хобби, позволяет еще и зарабатывать на их эксплуатации (см.: Стоянов, Шестопалова, 2021).

Авторы многих блогов ЗОЖ видят основную цель их ведения в заработке на своем хобби, выкладывая «чек-листы» (бесплатные файлы, созданные с целью привлечения подписчиков и стимулирования к покупке основного курса) и продают индивидуальные или групповые курсы. Как правило, специального образования для подготовки и продажи такого контента они не имеют. Следовательно, использование студентами информационных продуктов, созданных блогерами ЗОЖ, не проверенных специалистами, и следование их рекомендациям только на основании их престижности, базирующейся на количестве подписчиков, несет опасность для здоровья тех, кто этими рекомендациями пользуется.

Основная часть

Современная пищевая концепция последователей блогеров ЗОЖ предопределяет характер питания человека и его пищевое программирование, определяющие особенности его метаболизма в течение всей дальнейшей жизни и предрасположенность к определенным болезням и особенностям

их течения. С другой стороны, освещение тематики ЗОЖ в блоге способствует росту популярности его автора и содействует монетизации его блога.

Многие исследователи из разных стран подтверждают данный тезис. Так, при обзоре контента блогов ЗОЖ и активности блогеров на площадке социальной сети Instagram можно анализировать как текстовый, так и зрительный контент блогов ЗОЖ, а также установить активность подписчиков и, соответственно, влияние информации на последних. По данным маркетинговой компании Hootsuite, Instagram занимает шестое место по количеству активных аккаунтов в мире (1 миллиард), а в России этой социальной сетью пользуются 46 % пользователей (Фольц, 2020: 219). Как следует из анализа статистических данных, мотивация ведения блога на данной площадке довольно высока.

На основе исследований Гогенгеймского университета было зафиксировано пять основных мотивов ведения блога (см.: Bak, 2016: 52). На первом месте – саморефлексия (44 балла из 50). Блогеру ЗОЖ важно анализировать самого себя, свой опыт, а также пройденные жизненные этапы, чтобы впоследствии информировать об этом читателей, отталкиваясь от собственного опыта. По сути это самокоммуникация.

На втором месте – вклад в формирование общественного мнения (43 балла из 50) – очень важный фактор в изменении идеологии питания, так как само питание многих людей сегодня уже не имеет никакого отношения к ЗОЖ. Так, А. Комиссарова в своем аккаунте, на который подписано около миллиона пользователей, развеивает мифы о питании и похудении, часто в шуточной форме. В своих «сторис» блогер проводит всевозможные игры и, в качестве ликбеза в сфере ЗОЖ, разбирает интервью

с другими диетологами и телешоу, где люди пробуют худеть¹.

На третьем месте по популярности в мотивации ведения блога находится общение с подписчиками (37 баллов из 50). Для блогера важно не только информировать и наставлять последних на «истинный путь» здорового образа жизни, но и иметь обратную связь с ними.

На четвертом месте – социальное признание (36 баллов из 50). Лайки, комментарии и положительные отзывы показывают блогеру, насколько его поддерживают читатели, и это помогает ему продвигать свои инфопродукты, а также монетизировать свой блог. В качестве примера можно привести книгу А. Комиссаровой «Меняем пищевое поведение! Худеем вместе», которая имеет только положительные отзывы. Как говорит сама блогер, «позитивные ответы вдохновляют и заставляют идти дальше в этой сфере»².

На пятом месте – карьера блогера (33 балла из 50). Большинство респондентов выразили желание продолжать вести свой блог, несмотря на отсутствие профессионального образования в сфере ЗОЖ. Однако при возможности совмещать оба вида деятельности опрошенные готовы развиваться в двух сферах одновременно (см.: Bak, 2016: 52). Так, А. Комиссарова – врач-эндокринолог, диетолог, считает приемлемым одновременно работать в клинике и брать пациентов в социальных сетях, проводить консультации, изучать их проблемы и подбирать им рацион.

Анализируя блоги в различных социальных сетях, можно выделить несколько способов презентации информации. К ним относят текстовые данные, фотографии, аудио- и видеоматериалы, самопрезентации, которые осуществляются через коммуникацию и координацию взаимодействий с использованием социальных сетей (см.: Сарна, 2016: 15). Применительно к нашей

¹ Instagram @doctor_komissarova
https://www.instagram.com/doctor_komissarova/?hl=r
u (дата обращения: 17.01.2022).

² Сайт @doctor_komissarova
<https://www.labirint.ru/books/686642/> (дата обращения: 17.01.2022).

теме инструмент презентации представлен в виде содержания текста в профиле блога, в соответствии с которым мы можем судить, относит ли себя тот или иной блогер к пропагандистам ЗОЖ, что уже само по себе способствует изменению пищевого программирования.

У блогера, пропагандирующего ЗОЖ, самопрезентация осуществляется через разнообразный контент на странице в социальных сетях, что способствует программированию пищевого поведения читателей. Этот контент представлен в виде видеороликов и фотографий (обычно личного характера), подборки меню и готовых блюд, информации по их пищевой ценности, что обеспечивает дополнительный визуальный контент. Вследствие того, что в блогах Instagram преобладают коммуникации с помощью визуальных средств, авторы стараются визуально организовывать текст таким образом, чтобы он был более доступен для восприятия контента (см.: Юшкина, Панарина, 2019: 31).

Самопрезентация блогера для реализации его коммерческих интересов подразумевает использование инструментов коммуникации и координации действий в социальной сети с целью монетизации блога. Так как тема ЗОЖ популярна, она позволяет заработать на размещении тематической рекламы, а также на создании собственного инфопродукта в виде индивидуальных консультаций и курсов. Под индивидуальным подходом к потребителю здесь надо понимать взаимодействие с пользователями в комментариях к контенту и в личных сообщениях, совершение информационных рассылок, предоставление консультаций в переписке, общении по видеосвязи и т. д.

Анализ потребляемого контента в социальных сетях среди российского студенчества позволил выявить две основные формы поведения в области здоровьесбережения и пищевого программирования. Первая форма представлена в виде конструирования имиджа здорового человека и создания видимости соблюдения основ ЗОЖ.

Вторая форма представлена в виде культа тела как гипертрофированной ориентации на ЗОЖ (Лисина, 2016: 79).

Количественно-содержательный анализ хэштегов позволил определить количество пользователей социальной сети Instagram в России, которые демонстрируют приверженность ЗОЖ, сопровождая свои публикации в социальной сети хэштегами по тематике ЗОЖ. По хэштегу «тренировка» удалось обнаружить более 6,8 млн. публикаций, по хэштегу «спортзал» более 2,9 млн., по хэштегу «зарядка» более 829 тыс., а также множество публикаций с хэштегами, имеющими отношение к теме здоровья.

Через хэштеги происходит не только указание на тематику контента, размещенного на странице пользователя, но и выход на аудиторию, так как продвижение контента и поиск аудитории тоже осуществляются путем сопровождения своих публикаций хэштегами. Исследование выявило рост интереса молодежи к тематике ЗОЖ за счет удобного представления разнообразного контента по данной тематике в социальных сетях и увеличения количества тех пользователей социальных сетей, которые позиционируют себя в качестве знатоков ЗОЖ.

У повсеместного внедрения принципов ЗОЖ существуют и отрицательные последствия. Популярность на основе количества подписчиков, но в то же время и некомпетентность блогеров ЗОЖ, их недоказанные научным путем суждения в некоторых случаях вызывают нездоровое отношение к еде, что, в свою очередь, приводит к нарушению пищевого поведения (далее НПП) у потребителей их контента. «НПП – это комплекс симптомов, которые возникают из-за длительного воздействия поведенческих, эмоциональных, психологических, межличностных и социальных факторов» (Матусевич, 2013: 815).

ЗОЖ не исключает различные НПП, в особенности у подростков, так как это является распространенной проблемой в указанном возрасте. Самым частым пищевым

нарушением является пищевое программирование, основанное на желании похудения и сохранения стройной фигуры. В особенности данное явление получило распространение среди девушек, которые не отличаются стройной фигурой, зато способны «заразиться» чужим примером похудения, для того чтобы добиться не менее высокого результата, а в идеале еще большего похудения. На этом фоне некоторые девушки доводят себя до дистрофического состояния организма, отказываясь не просто от мучного, сладкого и прочих продуктов с быстрыми углеводами, но и в целом от принятия любой пищи (см.: Матусевич, 2013: 815).

Другими словами, «рассматривая красивые фотографии и читая убедительные тексты, молодежь ошибочно полагает, что нужно идти на крайние меры для быстрого достижения результата, демонстрируемого их кумирами» (Максимушкина, Верина, 2016: 60). Человек видит перед собой картинку «до – после» и не думает, что это нелегкая работа над телом, результат, который достигается годами.

Пропаганда ЗОЖ, имеющая отношение к современным стереотипам красоты, обуславливает рост числа женщин, постоянно использующих ограничительные диеты. Но диеты и сокращение приема пищи повышают риск развития расстройства пищевого поведения через когнитивные и физиологические механизмы (см.: Николаева, Мешкова, 2011: 41). «Данные по российской популяции говорят о стремительном увеличении распространенности НПП: например, высокие показатели риска развития нарушений пищевого поведения были получены Т.И. Семиной в г. Томске (распространенность НПП среди обследованных 400 человек достигла 37,2 %)» (Келина, Маренова, Мешкова, 2011: 45). НПП нередко завершаются смертельным исходом: так, смертность от нервной анорексии в американской популяции составляет от 5,9 до 7,4 %, а от нервной булимии – от 2,4 до 3 % в год (см.: Muris, 2005: 15).

Распространенным фактором негативного изменения пищевого программирования является и противоположная форма пропаганды ЗОЖ, при которой блогеры в социальных сетях выдают желаемое за действительное и предлагают принять себя такими, какие есть, не ограничивая себя в питании. Такой контент также формирует ложное представление о здоровом образе жизни и тоже опасен с точки зрения негативного пищевого программирования студентов.

Тему ЗОЖ освещает большинство блогеров, стараясь придать этой теме широкую огласку, чтобы как можно больше людей стали «приверженцами правильного питания». Так создаются различные индивидуальные программы похудения, фитнес-курсы, но существуют также и другие мотивы, толкающие к созданию и ведению блогов ЗОЖ, и часто они имеют коммерческий и рекламный характер.

Так, согласно недавним исследованиям, более чем 80 % блогеров имеют более тысячи подписчиков. Создаваемый ими контент регулярно просматривают более 47 % подписчиков. В блогах по правильному питанию контакты для размещения рекламы были указаны среди 34,5 % владельцев аккаунтов. Примерно в 50 % случаев в блогах была выявлена реклама по теме блогов (см.: Кульпин, Савчук, Якимова, 2020: 185). Анализ мотивации ведения блогов на основе результатов интервью с популярными блогерами показывает, что в основном блогеры заводят аккаунты и ведут их для достижения следующих целей: поддержания и расширения круга коммуникации, монетизации контента, самопрезентации своего субъективного или профессионального опыта.

С учетом мотивов выделяются несколько групп блогеров. В первой группе представлены так называемые блогеры-мотиваторы. Они делятся собственным опытом похудения и используют свой пример как мотив для взятия курса на похудение другими. Ко второй группе относятся новаторы – те, кто придумывает что-то новое и

полезное, по их мнению, с точки зрения ухода за собственным телом. К третьей группе относятся документаторы – те, кто пошагово представляет план действий для получения стройной фигуры. К четвертой группе относятся трансляторы – это те пользователи социальных сетей, которые обратили внимание на опыт других, делятся им с теми, кому интересна тема похудения (см.: Кульпин, Савчук, Якимова 2020: 185).

В последние годы прослеживается тенденция к переосмыслению того, что принято называть здоровым образом жизни. Стоит отметить здесь исследование по теме переосмысления выбора здоровой пищи на основе контент-анализа блогов из Австралии. Блоги о здоровом питании ведутся как медицинскими работниками и другими специалистами в области здорового питания, так и теми, кто к категории этих специалистов не относится, с использованием социальных сетей. Это формирует представления читателей о своих знаниях, умениях и опыте в области здорового образа жизни и правильного питания (см.: Mete, Curlewis, Shield, 2019).

Для некоторых блогеров в концептуальной основе блога лежит физическая активность, в то время как другие идентифицируют себя, прежде всего, как модных блогеров и хотят, чтобы их рассматривали в том же свете, что и стройных и подтянутых девушек, которые пишут на похожую тематику. В большинстве блогов диапазон тем очень широк, и вопросы, связанные с физической формой и различной дискриминацией на ее основе, становятся центральными, так же, как и в блогах, ориентированных на физическую активность подписчиков.

Примером может служить блог А. Созоник, на который подписано 5,4 миллиона человек³. Девушка с образованием эконо-

миста начала ведение блога с описания собственного похудения, и подписчиков данный контент заинтересовал. Блогер создала собственный продукт «Охудительная перезагрузка», за победу в котором участник может получить от 250 тыс. до 2 млн. рублей. Большинство отзывов о блоге негативны и однотипны: нечестный выбор победителей, разочарование в блогере, много потраченного времени на описание работы и монтажа видео, нет индивидуальных занятий, а также большое количество участников, вследствие чего кураторы блога не успевают отвечать всем⁴. Помимо информации о ЗОЖ А. Созоник снимает вайны (короткие комедийные ролики), занимается благотворительностью и делится с подписчиками своей жизнью.

Широкое распространение в течение последних лет получили и проекты на основе взаимодействия блогеров с другими пользователями. Примером этого являются прямые эфиры в социальной сети Instagram, где общение с пользователями сводится к ответам на вопросы, к презентации собственных курсов и рекламе всего, что имеет отношение к тематике ЗОЖ и правильного питания (см.: Moorhead et al., 2013).

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного анализа удалось выяснить, что влияние блогеров ЗОЖ на пищевое программирование студентов зависит от нескольких факторов.

Во-первых, это возрастная категория читателей блогов. Более подвержена пищевому программированию молодежь: школьники и студенты.

Во-вторых, у профессиональных врачей-блогеров, как правило, меньше аудитория читателей, но подписчики этих блогов понимают, в чем их специальная направленность, читают «паблики» и, обсуждая их, задают грамотные вопросы, получая грамотные ответы на комментарии.

³ Instagram @nastyasozonik
<https://www.instagram.com/nastyasozonik/?hl=ru> (дата обращения: 17.01.2022).

⁴ Отзывы @nastyasozonik [Электронный ресурс]
URL: https://otzovik.com/reviews/marafon_pohudeniya_anastasii_sozonik_ohuditelnaya_perezagruzka/ (дата обращения: 17.01.2022).

В-третьих, в других блогах, в которых также может находиться качественная информация о ЗОЖ, намерено публикуется чрезвычайно много личных материалов (фотографии, видео и т. п.). В них набирается большее число подписчиков, так как молодым людям нравится видеть картинку, которая демонстрирует красочную жизнь, которой они хотели бы соответствовать. При этом собственные фотографии блогеры могут изменять в программе Photoshop. Данные обстоятельства вкупе с некомпетентностью самих блогеров ЗОЖ оказывают негативное влияние на программирование пищевого поведения студентов, что ведет к нарушениям обмена веществ и другим серьезным последствиям для их здоровья.

Подписчики следят за контентом (читают рекламой) блогов, ориентируясь на то, что представляется для них интересным (например, всевозможные рецепты похудения), заказывая БАДы и товары, обозначенные блогерами. Подписчик, получая новый багаж знаний, проверяет его на собственном опыте, тем самым дополняя свое представление о ЗОЖ и становясь отчасти похожим на своих кумиров – блогеров. Многие подписчики курсов напрямую следуют рекомендациям, испытывая БАДы на себе, а также сдают анализы в клиниках и, получая их интерпретацию от блогеров, следуют их советам, не обращая внимания на научную информацию о ЗОЖ и рекомендации специалистов.

Другими словами, во многих случаях именно блогеры ЗОЖ, не обладающие ни компетентностью, ни специальным образованием, но имеющие значительное количество подписчиков, оказывают существенное негативное влияние на программирование пищевого поведения студентов.

Литература

Келина, М.Ю., Маренова, Е.В., Мешкова, Т.А. Неудовлетворенность телом и влияние родителей и сверстников как факторы риска нарушений пищевого поведения среди девушек подросткового и юношеского возраста

// Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 5. С. 44-51.

Кульпин, С.В., Савчук, Г.А., Якимова, О.А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 168-190.

Лисенкова, А.А., Мельникова, А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. № 4. С. 322-329.

Лисина, О.В. Конструирование российской молодежью ЗОЖ-имиджа в соцсетевом фотосервисе Instagram: реальные и виртуальные здоровьесберегающие практики // Управление устойчивым развитием. 2016. № 4. С. 78-83.

Максимушкина, Е.А., Верина, Т.П. Влияние современных масс-медиа (Интернета и социальных сетей в частности) на изменение концепта «здоровый образ жизни» среди молодежи // Наука, образование и культура. 2016. № 11 (14). С. 59-60.

Матусевич, М.С. Особенности формирования пищевых нарушений у подростков // Молодой ученый. 2013. Т. 12. С. 814-817.

Николаева, Н.О., Мешкова, Т.А. Нарушения пищевого поведения: социальные, семейные и биологические предпосылки // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2011. Т. 1. № 11. С. 39-49.

Сарна, А.Я. Основные коммуникативные стратегии пользователей социальных сетей и инструменты их реализации в Интернете // Философия и социальные науки. 2016. № 2. С. 9-17.

Стоянов, А.С., Шестопалова, П.В. Экономическая независимость как фактор успеваемости студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 1 (18). С. 78-87. DOI 10.24412/2541-9056-2021-1-78-87.

Фольц, А.О. Использование приемов манипуляции популярными Instagram-блогерами в России (на примере ЗОЖ-тематики) // Медиа в современном мире. 2020. № 2. С. 219-220.

Юшкина, Н.А., Панарина, М.А. Особенности дискурсивной среды как источник создания смысла в онлайн-коммуникации (на примере социальных сетей) // Цифровая социология. 2019. № 2. С. 25-33.

Bakk, A.S. Gesunde Ernährung und Blogs – Die Motivation der österreichischen Bloggerinnen // Angestrebter akademischer Grad. 2016. S. 49-51.

Mete, R., Curlewis, J., Shield, A., Murray, K., Bacon, R., Kellett, J. Reframing healthy food choices: a content analysis of Australian healthy eating blogs // *BMC public health*. 2019. Т. 19. No. 1. С. 1-9. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.1186/s12889-019-8064-7> (дата обращения: 23.11.2021).

Moorhead, S.A., Hazlett, D.E., Harrison, L., Carroll, J. K., Irwin, A., Hoving, C.A. New dimension of health care: systematic review of the uses benefits, and limitations of social media for health communication // *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 15. No. 4. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.2196/jmir.1933> (дата обращения: 23.11.2021).

Muris, P., Meesters, C., Blom, W. de, Mayer, B. Biological, psychological, and sociocultural correlates of body change strategies and eating problems in adolescent boys and girls // *Eating behaviors*. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 11-22. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.1016/j.eatbeh.2004.03.002> (дата обращения: 23.11.2021).

Goffman, E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*, social theory. New York: Prentice-Hall, 1963. 147 p.

References

Bakk, A. S. (2016), "Gesunde Ernährung und Blogs – Die Motivation der österreichischen Bloggerinnen", *Angestrebter akademischer Grad* [Desired academic degree], 49-51 (in Germ.).

Goffman, E. (1963), *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*, Prentice-Hall, N.Y.

Folts, A. O. (2020), "Use of manipulation techniques by popular Instagram bloggers in Russia (on the example of healthy lifestyle topics)", *Media in the modern world*, 2, 219-220.

Kelina, M. Yu., Marenova, E. V., Meshkova, T. A. (2011), "Dissatisfaction with the body and the influence of parents and peers as risk factors for eating disorders among adolescent and adolescent girls", *Psychological Science and Education*, 16 (5), 44-51 (in Russ.).

Kulpin, S. V., Savchuk, G. A., Yakimova, O. A. (2020), "Why does youth represent content about a healthy lifestyle: a factor analysis of public opinion", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2 (156), 168-190 (in Russ.).

Lisenkova, A. A., Melnikova, A. Yu. (2017), "Social networks as a factor of active influence on the formation of youth values", *Liberal Arts in Russia*, 4, 322-329 (in Russ.).

Lisina, O. V. (2016), "Construction of a healthy lifestyle image by Russian youth in the social network photo service Instagram: real and virtual health-saving practices", *Sustainable development management*, 4, 78-83 (in Russ.).

Maksimushkina, E. A., Verina, T. P. (2016), "The influence of modern mass media (the Internet and social networks in particular) on the change in the concept of "healthy lifestyle" among young people", *Science, education and culture*, 11 (14), 59-60 (in Russ.).

Matusevich, M. S. (2013), "Features of the formation of food disorders in adolescents", *Molodoy ucheny* [Young scientist], 12, 814-817 (in Russ.).

Mete, R., Curlewis, J., Shield, A., Murray, K., Bacon, R. and Kellett, J. (2019), "Reframing healthy food choices: a content analysis of Australian healthy eating blogs", *BMC public health*, 19 (1), 1-9 [Online], available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-019-8064-7> (Accessed 23 November 2021).

Moorhead, S. A., Hazlett, D. E., Harrison, L., Carroll, J. K., Irwin, A. and Hoving, C. A. (2013), "New dimension of health care: systematic review of the uses benefits, and limitations of social media for health communication", *Journal of Medical Internet Research*, 15 (4) [Online], available at: <https://doi.org/10.2196/jmir.1933> (Accessed 23 November 2021).

Muris, P., Meesters, C., Blom, W. De and Mayer, B. (2005), "Biological, psychological, and sociocultural correlates of body change strategies and eating problems in adolescent boys and girls", *Eating behaviors*, 6 (1), 11-22 [Online], available at: <https://doi.org/10.1016/j.eatbeh.2004.03.002> (Accessed 23 November 2021).

Nikolaeva, N. O., Meshkova, T. A. (2011), "Eating disorders: social, family and biological prerequisites", *Mental Health of Children and Adolescent*, 1 (11), 39-49 (in Russ.).

Sarna, A. Ya. (2016), "Basic communication strategies of users of social networks and tools for their implementation on the Internet", *Philosophy and Social Sciences*, 2, 9-17 (in Russ.).

Stoyanov, A. S., Shestopalova, P. V. (2021), "Economic Independence as a Factor of Student Academic Performance", *Humanitarian researches of the Central Russia*, 1, 78-87 (in Russ.).

Yushkina, N. A., Panarina, M. A. (2019), "Features of the discursive environment as a source of meaning creation in online communication (for

example, social networks)”, *Digital Sociology*, 2, 25-33 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Стоянов Александр Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1А, мкр. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; stoianoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0596-7037>,

Пермякова Марья Александровна, студентка 2-го курса бакалавриата по направлению

«Реклама и связи с общественностью», Академия гражданской защиты МЧС России, ул. Соколовская, стр. 1А, мкр. Новогорск, г. Химки, Московская область, 141435, Россия; mpermyakova23@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Alexander S. Stoyanov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Civil Defense Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations, 1A Sokolovskaya St., Novogorsk, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; stoianoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0596-7037>

Marya A. Permyakova, 2nd-year Student of the direction “Advertising and public Relations”, Civil Defense Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations, 1A Sokolovskaya St., Novogorsk, Khimki, Moscow region, 141435, Russia; mpermyakova23@gmail.com